

АРТ ЛАД

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«В быстро меняющемся мире».

Интервью с В.П. Марковым 4

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Геннадию Юшкову – 75 лет 14

Г. Юшков. «Коми бисё видзи...». Кывбуръяс 15

О. Куратов. Пациенты доктора Визинга. Продолжение ... 20

Н. Обрезкова. «Съёлём бердёдз ставыс инмё...» 47

А. Мишарина. «Мед сёмын кывбуръясным воасны
бур йёздэ...». Кывбуръяс 49

А. Расторгуев. Вселенная Татьяны Кановой 55

Т. Канова. «Каждому дому — тепло...». Стихи 56

В. Тимин. Пармаян вошём БТР. Повесть 60

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

В. Полещиков. Иван Шергин 104

И. Шергин. На Бутканском волоку. «Беда». В Кылтовской
детской колонии. Жертвы коммунистического просвещения.
Сваты Устьвымские 113

В. Лимерова. «Прошу снисхождения... к рассказу моему».

О «Дневнике В.Н. Латкина во время путешествия на

Печору в 1840 и 1843 годах» 125

В. Латкин. «Дневник...». (Избранные страницы) 137

АРТ-ФАКТ

Е. Шуктромова. «Татьяна Васильева. Музыка времени» . 152

С. Торлопов. Вьетнамский дневник 168

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

О Всероссийской научной конференции

«Духовная культура финно-угорских народов России» 188

О диске «Памятники коми фольклора: песенная и
инструментальная традиции» 190

Конкурс журнала «Арт» 192

**Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической,
художественной журнал**

Издается с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-26177 от 10 ноября 2006 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство культуры и национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайты»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru www:<http://www.komi.com/artlad>

©«Арт», 1998 г.

Подписано к печати 09.03.07. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 14211. Отпечатано в ОАО «Коми республиканская типография» с диском заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Художник заставок — Ю.Лисовский

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöзöдтöм гижöдъяс редакция оз рецензиройт и авторъяслы найöс оз мöдöд. Редакция оз век во öти кывйö авторъяскöд.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Валерий Марков

Валерий Петрович Марков родился 11 июля 1947 года в селе Кослан Удорского района Коми АССР. После окончания школы поступил на физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1972 году, после завершения учебы, поступил в аспирантуру, защитил диссертацию.

После защиты диссертации В.Марков работал в Сыктывкарском государственном университете.

За годы работы в университете им опубликовано более 40 научных и учебно-методических работ.

В связи с избранием на должность председателя Комитета возрождения коми народа, с 1991 года и по 1995 год В. Марков работал непосредственно в Комитете возрождения коми народа. Дважды избирался депутатом Государственного Совета Республики Коми (1995 г., 1999 г.), заместителем Председателя Государственного Совета РК.) В. Марков был одним из инициаторов Всемирных конгрессов финно-угорских народов. С 1993 года является бессменным Председателем Международного консультативного комитета финно-угорских народов.

В декабре 1999 года В. Марков был избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ по Сыктывкарскому одномандатному избирательному округу. Работал в Комитете по проблемам Севера и Дальнего Востока, представлял Государственную Думу в Постоянном комитете парламентариев арктических стран (в его состав входят по одному представителю от парламентов Дании, Исландии, Канады, Норвегии, США, Швеции, Финляндии и России).

С конца декабря 2003 года по настоящее время является Председателем Межрегионального общественного движения «Коми войтыр». Член Правительства Республики Коми.

Сегодня в рубрике «Точка зрения» мы предлагаем интервью с В.П. Марковым.

«В быстро меняющемся мире»

1. Недавно один из профессоров СГУ, рассуждая о финно-угорском мире, сказал, что нельзя всерьез говорить об этом, как о чем-то реальном. А что скажете вы?

Если говорить о реальности, как о нечто таком, что можно попробовать на зуб или о чем уже прожужжали все уши, то, конечно, он, наверное, прав. Но если, как Вы говорите, так утверждает профессор-историк, попытаемся посмотреть и мы с исторической точки зрения. В жизни мы постоянно слышим о мусульманском (турецком) мире, славянском мире. И мы, действительно, никогда не слышали о финно-угорском мире. Хотя, если раскрыть исторические монографии Карамзина, Ключевского, Соловьева и многих других, то там мы можем найти немало инте-

ресного про финно-угров в давние времена, ненамного меньше, чем про другие народы. Но в современности о них не говорят как о некотором мире.

В конце ХХ века финно-угры решили взглянуть на себя несколько по-иному. Они собрались впервые за всю человеческую историю все вместе: представители различных структур гражданских обществ своих стран, представители органов власти и управления – и стали обсуждать, а кто же они, финно-угры, в этом глобализирующем мире, будут ли они вообще в третьем тысячелетии. И было одно у всех общее стремление – поддерживать друг друга в своем движении вперед по пути развития человеческой цивилизации, стараться не потерять никого в быстро меняющемся мире. Прошло 15 лет. Что это для истории? Миг! Другие упоминавшиеся миры становились таковыми за столетия. Давайте попытаемся и мы ответить на этот вопрос, через лет сто хотя бы. Сейчас же можно с уверенностью сказать, что есть начало пути, есть начало в становлении финно-угорского мира и есть немало людей, которые готовы работать на эту идею в самых разных странах и на самом различном уровне.

2. Что было присуще финно-угорскому движению в начале 90-х годов ХХ века и что характерно сегодня?

Можно по-разному считать, сколько финно-угорских народов проживает в мире. Могу лишь достаточно уверенно сказать, что в финно-угорском движении, по нашему пониманию, сегодня участвуют представители 19-ти финно-угорских народов и 3-х самодийских, которые также относятся к уральской языковой группе. При этом, для 16 из них историческая родина в современной России. Зарубежные финно-угры уже с начала ХХ века развивают культурные контакты между своими народами. Для российских финно-угров только с началом перестройки, с началом демократических преобразований в СССР стали возможными массовые движения, которые имели определенную национальную окраску. Эти движения стали обращаться к своим историческим корням, их стала интересовать судьба своих народов в будущем. Дух свободы, который вдохнули все в эти годы, революционный характер демократических преобразований, многим вскружили головы. Казалось, что стоит лишь захотеть, стоит лишь заявить о чем-то, и все произойдет как по мановению волшебной палочки. Было страстное желание участвовать во всех этих революционных преобразованиях. Отсюда характерная для того времени массовость, горячий порыв непосредственного участия. И эта массовость помогла многое сделать. Появились реальные изменения в развитии национальной культуры, в пропаганде фольклорного наследия и т.д. Родные языки к этому времени не изучались в школах, а тут началось внедрение в учебный процесс. Регионы стали принимать законы о признании государственными языками финно-угров. Казалось – вот они, результаты революционного национализма. А что дальше? А дальше была нужна рутинная работа по повышению качества преподавания родных языков в школах, подготовка кадров и современных учебников и пособий, стремление приобщить к этим языкам как можно больше школьников. Отчетливо выступили на первый план социально-экономические проблемы, в особенности, на селе. Кстати, большинство финно-угорского населения проживает в сельской местности. А это уже другая работа и требует других подходов: кропотливой работы специалистов, совершенствования законо-

дательства, изменений в сознании людей, формирования новых общественных потребностей. Здесь трудно рассчитывать на быстрые и большие перемены. Это в определенной мере сыграло на уменьшение в массовости, вызвало неудовольствие у многих. Но эти сложности не привели к свертыванию национальных движений, они потребовали пересмотра всей деятельности. В национальных движениях, к счастью, нашлось немало активистов, которые осознавали наступившие трудности и которые были готовы к необходимым перестройкам. Конечно, для некоторых были за этот период и моменты разочарований, для других – моменты раздумий. События последних двух лет показывают, что это время проходит, наступают времена новых и уже понятных подходов.

3. Поддержка Президентом России В.В. Путиным создания Российского центра финно-угров в Сыктывкаре — это что? Как можно расценивать этот шаг? Как его расценивают в других финно-угорских регионах?

Создание федерального культурного центра финно-угорских народов в одном из регионов России – это один из новых моментов в нашей работе. Так как в России сейчас нет непосредственного государственного органа, отвечающего за реализацию национальной политики, стало труднее работать с федеральными органами власти. Работа же наша самая разноплановая. Поэтому возникла потребность в создании некоторого нашего координационного органа. Вышли на идею федерального культурного центра. Конечно же, такой центр нужен прежде всего в одном из финно-угорских регионов России, а не в Москве. На сегодняшний день в России есть только один работающий вот уже 15 лет такого рода центр – Коми республиканский финно-угорский культурный центр. Центр имеет богатый опыт межрегиональной, международной деятельности, прекрасно показал себя в деле. Мы и предложили организовать на базе нашего центра, используя уже накопленный опыт, федеральный финно-угорский культурный центр. Глава Республики Коми Торлопов В.А., для которого близки наши дела, вышел на Президента РФ Путина В.В. с предложением об организации такого центра в Сыктывкаре и оно было принято. И не просто принято, а были даны четкие указания по организации центра. Это говорит также и о том, что в Москве понимают важность и целесообразность создания такого центра в стране. Создание федерального центра получило горячее одобрение во всех финно-угорских регионах. Более того, сейчас уже создан Поволжский межрегиональный финно-угорский культурный центр в Саранске. Мы будем только рады, если такого рода центры будут в самых разных регионах.

4. Есть ли откровенные противники финно-угорского движения? Среди государственных мужей, среди политиков, среди общественных деятелей? Если да, то что их пугает, чего они боятся?

Есть всё. Есть активные помощники, в том числе и во властных структурах исполнительной и законодательной власти в регионах, соратники. Есть сторонники, поддерживающие нас в наших начинаниях, очень много неравнодушных людей, и, например, в нашей республике, не только коми. Когда у нас раз в четыре года проходят отчетно-выборные мероприятия в нашем движении «Коми войтыр», в сходах, собраниях, конференциях, на съезде участвует до 10 тысяч чело-

век. Есть, конечно, и сомневающиеся в целесообразности существования нашего движения люди. Есть и откровенные противники, в том числе и среди представителей органов власти, ученых, политиков, но их, к счастью, не так много. Я не буду пытаться объяснять природу их непонимания наших дел. Отмечу лишь одно. К сожалению, находятся и сегодня люди, для которых важно «половить рыбку в мутной воде», главное, получше воду замутить. Чем же еще объяснить стремление некоторых громко предупреждать о националистической опасности наших движений, об угрозе раскола России, рисуя самые фантастические картины ближайшего будущего для страны, если не остановить «этую заразу».

5. Вы уже довольно длительный срок занимаетесь финно-угорскими проблемами. Какие из старых проблем до сих пор не решены и почему? Какие новые проблемы появились в последнее время?

Проблем, которые бы абсолютно не решались – нет. Во всех направлениях есть подвижки. Где-то сделано немало и видны успехи. Например, в области национальной культуры, языковой политики, книгоиздании, развитии народных промыслов, появляются радиостанции с вещанием на родном языке. Появились и работают разного рода программы поддержки финно-угорских народов в Венгрии, Финляндии и Эстонии. Но появляются проблемы другого уровня. Возьмем ту же проблему языка, о которой говорили выше. Сейчас мы уже говорим о проблемах качества образования. Или взять проблему обучения нашей молодежи у наших соратников. Уже немало ребят окончило университеты в упомянутых странах, однако из них очень немногие вернулись домой. Разные есть на то причины. Например, одна из них – мы не до конца продумали механизм возвращения их домой, то, где они будут работать, где будут жить...

6. Кому из лидеров финно-угорского движения мы более всего обязаны какими-то позитивными переменами в наших отношениях друг с другом, с другими государствами (не только с финно-угорскими)?

Я бы мог отметить очень многих людей, которые внесли очень большой вклад в наше общее дело, но назову пока несколько фамилий. Это бессменная хозяйка нашей штаб-квартиры Мерья Ханнус и Ильдико Лехтинен из Финляндии, посол Дьердь Нановски и Энико Сий из Венгрии, Тыну Сейленталь и Andres Хейнапуу из Эстонии. С ними мы начинали наши общие дела еще в 1992 году и они до сих пор всеми силами стараются помогать нам во всех наших делах. Из российских участников могу сказать немало добрых слов о вепсянке Зинаиде Строгальщиковой и карелке Татьяне Клееровой, хантыйце Василие Сондыкове и мансийке Татьяне Гоголевой, коми-пермяке Викторе Рычкове и коми Алексее Конюхове, марийце Эрике Юзыкайнэ и эрзе Михаиле Мосине, удмурте Валентине Тубылове и тверском кареле Анатолии Головкине. Я могу еще долго продолжать.

7. Появились ли в последнее время какие-то значительные личности среди лидеров финно-угорского движения из молодых?

Мне пока сложно ответить на этот вопрос, ибо «старики» еще в строю и на их фоне непросто себя показать молодым. Но они подтягиваются и, я думаю, не будет проблем, когда нужно будет передавать им эстафету.

8. Какое будущее у финно-угров нашей страны, других стран (Финляндии, Эстонии, Венгрии)?

Насколько возможно в быстроменяющемся мире сохранить свои корни, язык, культуру, — особенно немногочисленным народам. Коми уже можно, к сожалению, отнести к таковым...

Сценарии развития наших народов можно нарисовать самые разные: оптимистические, пессимистические, реальные, маловероятные, но я не буду этого делать. Хочу лишь отметить, что не только у финно-угров, но и практически у всех народов будущее может быть различным. Мы разные по численности. Но, как сказал один мой друг, мы сегодня можем скептически и иронически относиться к понятию «малочисленный народ» и к их проблемам. Но, если вдуматься, по отношению к китайцам все народы являются малочисленными и еще неизвестно, что будет и что будут говорить через сто лет. Могу отметить лишь одно: будущее народов — в руках самих народов. Найдутся у народа внутренние силы самоорганизоваться, мобилизоваться, осознать свою ответственность за свое будущее — есть у такого народа будущее. Сейчас же, к сожалению, довольно сильно распространен нигилизм по отношению к своему этносу и он, опять же, к сожалению, характерен для российских финно-угров.

9. Как вы расцениваете то, что произошло в Кондопоге, Карелии? Какой был резонанс среди других финно-угорских регионов и стран? Рассматривается ли этот инцидент на заседании международного финно-угорского консультативного комитета?

Происшедшее в Кондопоге в средствах массовой информации подается как полностью межнациональный конфликт. При этом мало говорят серьезно о причинах, которые привели к этому конфликту. Да, он вылился в итоге в межнациональный конфликт. Но когда комиссия Общественной палаты провела свое расследование, то она отметила, что конфликт стал возможен в силу отсутствия реальной власти в Кондопоге и коррупции в правоохранительных органах.

10. А как вы считаете, создание специальной комиссии при Главе по национальным проблемам — это была насущная необходимость в нашей республике, — при уже существующем госдепартаменте?

Это как посмотреть. Можно рассматривать как для усиления работы в области национальной политики, а можно попытаться говорить как о некоторой неудовлетворенности работой Департамента по национальной политике в Министерстве культуры и национальной политики и, вследствие этого, создание дополнительного органа. С моей точки зрения, после объединения двух министерств и создания Департамента по национальной политике в объединенном министерстве вместо отдельного министерства работа в области национальной политики стала менее видна и менее результативна. Но, возможно, с точки зрения усиления деятельности, в особенности в последнее время, правильнее было бы укрепить Департамент, а еще лучше, вернуться к прежней схеме, наличию отдельного министерства. Тем более, что с этого года в Сыктывкаре стал функционировать федеральный финно-угорский центр, в сферу деятельности которого попадают не только вопросы культуры.

11. МОД «Коми войтыр», лично вы как руководитель исполкома МОД-а, будете принимать участие в работе этой комиссии?

Мы, конечно же, будем принимать участие в работе этой комиссии, тем более, что я являюсь членом комиссии.

12. Нас, коми, так немного на этой земле, всего-то около 350 тыс. человек. И при этом мы умудряемся быть не вместе, а иногда и совершенно на разных берегах. Почему? Все отдельно – за благо родной республики, родного народа, а почему нельзя всем вместе – с той же Митюшевой Н. или с Екишевым Ю. и др.? От чего это зависит? Или от кого?

Мы никогда (будь это Комитет возрождения коми народа, а ныне Исполком МОД «Коми войтыр») не рассматривали себя закрытой организацией, никто не сможет нас обвинить в этом. Более того, на одном из съездов коми народа и Н.Митюшева и Н.Красильникова были избраны в состав Комитета возрождения коми народа. При этом на съезде самоотводы не были взяты. Но на следующий день после съезда было публичное заявление, что с Комитетом возрождения коми народа они работать не будут. На кого и для чего было сделано так, я не знаю. С Ю.Екишевым я знаком достаточно давно, но ранее мы никогда не разговаривали о проблемах коми народа. Мне понятна его озабоченность положением деревни, а именно там проживает коми. Мы тоже стараемся не быть в стороне. Но формы и методы работы, которые зачастую им применяются, во многом не приемлемы для нас. Еще раз повторюсь, двери Съезда коми народа открыты для всех.

13. Такое впечатление, что в конце 80-х годов на нас всех налетел не ветер перемен, а ураган, сокрушающий и коверкающий все без разбора. Вы всегда были человеком активным, и тогда не стояли в стороне. Нет ли у вас сейчас каких-то сожалений?

Есть. Мне, как и многим в России, есть о чем сожалеть. Люди, которые сами учились и других учили не бояться думать и говорить открыто, мечтали совсем о другом. Они были против подавления личности, инициативы, против идеологических запретов, преследований за убеждения. Они хотели, чтобы экономика страны развивалась нормально и работала на человека, а не на идеологию и гонку вооружений, не на вечную вражду между лагерями. Глоток свободы кружил голову миллионам россиян. Казалось, еще чуть-чуть, и ветер добрых перемен наполнит наши паруса, недоступное станет реальностью. Мы хотели этих перемен, мы многое для этого делали и почти поверили, что судьба страны будет зависеть от народа, от каждого из нас. За это разве можно винить людей – за то, что они желали только хорошего и для себя, и для страны?

Мечтали-то о многом, да мало сбылось. Первая же волна демократии буквально парализовала власть. Она даже не попыталась воспользоваться переменами, обратить их во благо каждого жителя страны, а не кучки граждан с загребущими руками. Из-за беспомощности власти начался беспредел. Вы правильно заметили: будто ураган пронесся над Россией. Приспособиться к новой жизни удалось менее половины населения. А каждый третий живет сейчас за чертой бедности. На Севере же бедность особенно тяжела. Эти люди не просто проиграли, они отброшены далеко назад, и общество упорно не желает замечать этих

отброшенных. Для них сейчас оскорбительны любые разговоры о каких-то достижениях, росте валового дохода, золотовалютных накоплениях и прочем.

14. То есть, они уже ни во что не верят?

Представьте себе, эти люди до сих пор верят, что государство обратит на них внимание. Ведь человек так устроен, что не может оставаться без веры во что-нибудь. Государство действительно обязано ими заниматься. Конечно, я имею в виду не содержание по принципу интерната или богадельни. Власть должна каждому предоставить возможность достойно зарабатывать на жизнь, позаботиться о детях, стариках, инвалидах. Вместо этого власть все чаще повторяет: «Руки, ноги, голова есть, вот и зарабатывайте». Но ведь не всем удается избавиться от укоренившейся советской привычки, что за тебя подумают и все сделают, и не надо напрягать мозги. Переход должен быть постепенным, растянутым по времени. Государство же резко шарахнулось из одной крайности в другую – от покровительства к полной самостоятельности. Оно едва ли не в одночасье переложило с себя тяжесть ответственности за людей на их собственные плечи. То есть, не научив плавать, всех подряд покидали в ледяную воду: выплыvешь – хорошо, не выплыvешь – значит, такая твоя судьба. Бросаться десятками миллионов людей – не делает чести России.

15. Вы говорили о праве людей на долю от сверхдоходов добывающих отраслей. А что вы скажете о заявлении Президента насчет необходимости ввести природную ренту? Это ведь прямо касается нашей республики?

Скажу, что заявление абсолютно правильное. Я уже говорил, что ресурсодобывающие компании должны честно делиться с народом. Но ведь заявление заявлением, а дела пока нет.

16. Говорят, всякому делу настоящий хозяин нужен.

Правильно говорят. Будущее России во многом зависит от того, как скоро у нас возродится крепкий собственник, тот самый умный, степенный российский промышленник, предприниматель, который в свое время поднял державу на мировой уровень. Мы его взяли и истребили, как и крепкое крестьянство. А ведь он не разевал рот на сиюминутную выгоду, у него в мыслях не было хапнуть и убежать за кордон. Его жизнь, жизнь детей, внуков, всего рода определяло дело – это было святое. И дело свое он продумывал, просчитывал на многие годы вперед. При нем и старателей работник жил достойно. Если наш хозяйственник станет думать так же, да еще греха будет бояться перед Богом и людьми, то, уверяю вас, дело пойдет. Только прежде государство должно научиться уважать собственника, не угнетать его поборами, защищать от чиновников-мздоимцев и грабителей. Но примеров развития серьезного, основательного предпринимательства, полезного для людей и страны, еще очень мало как в России, так и у нас, в Коми. А ведь это могло бы стать хорошим шансом для людей, которые ныне оказались за бортом нормальной жизни.

Для появления крепкого собственника нужна стабильность в обществе. Но какая уж тут стабильность, если все минувшее десятилетие государство так бездарно вело дела, что Россию до сих пор лихорадит. Наши ветры перемен оказа-

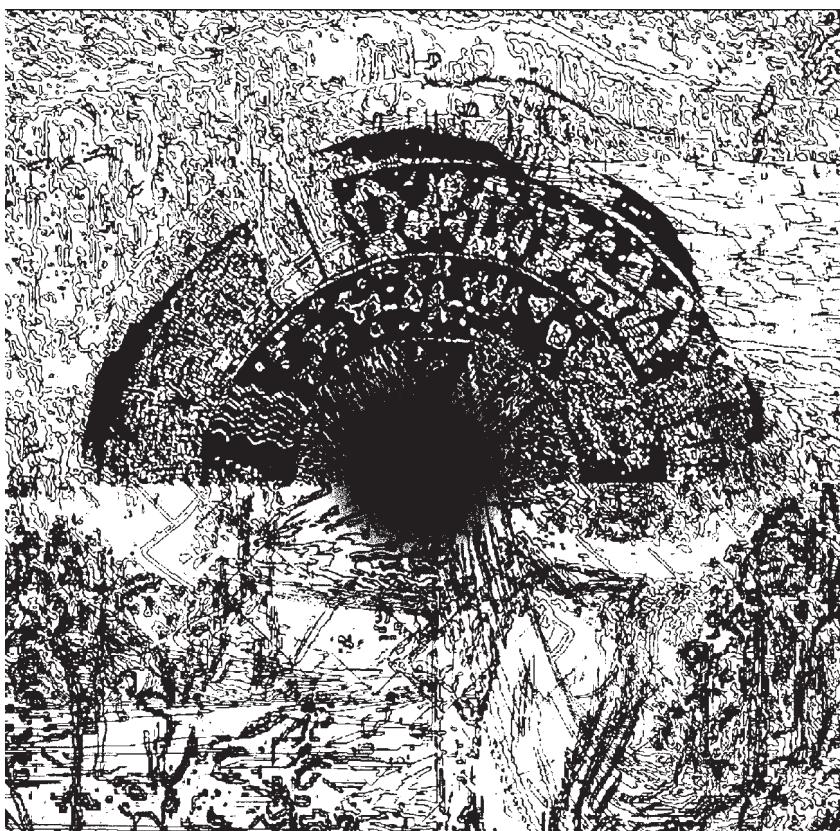
лись очень холодными. Я надеюсь, что через десяток лет задуют другие ветры, судьба России постепенно начнет переходить в руки нынешней молодежи, которая, поверьте мне, очень пристально наблюдает за нами. Наблюдает, думает, критически оценивает. Головы у молодежи в порядке, к тому же свободны от всякого рода идеологических заморочек. Думаю, следующее поколение будет меньше наступать на грабли, которыми мы себе лбы порасшибали.

17. Считаете, молодежь крепко усвоила, что такое хорошо и что такое плохо?

Нет, не считаю, что очень уж крепко. Есть серьезная опасность. Она вот в чем. Криминальный характер приобретения колоссальных состояний – без усилий, совершенно задарма – широко рекламируется уже второе десятилетие. В сознание молодежи вколачивается мысль, что честным трудом богатства не наживешь. А государство и здесь стоит в сторонке, наблюдая, что из этого получится. Ясно, что получится, если главными героями многих книг, фильмов, газетных статей становятся «крутые» представители криминала. Это мощная бомба замедленного действия. Если сегодня не принять срочные меры на государственном уровне, завтра может быть поздно.

Каждый нынешний день – это кирпичик, из которого складывается будущее России. Какие у нас получаются кирпичики, мы все видим.

А в общем-то я оптимист, верю: будет и на нашей улице праздник.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Геннадию Юшкову – 75 лет

14 марта 2007 года Геннадий Анатольевич Юшков празднует свой семьдесят пятый юбилей. Мы, его читатели и почитатели его писательского таланта, передаем ему свои сердечные поздравления, пожелания здоровья и счастья, творческого подъема и новых книг, которые мы будем читать с радостью и восхищением.

Говорят, поэты и писатели рождаются дважды: первый раз, как и все люди – из утробы матери, второй раз – в своем творчестве. Первое рождение Геннадия Анатольевича Юшкова произошло 14 марта 1932 года в деревне Красная Часовского сельсовета Коми автономной области. Он родился в крестьянской семье и

его мать, Анна Васильевна Юшкова, сделала все, чтобы ее сын, поправно унаследовав навыки тяжелого крестьянского труда, взрастил в себе и любовь к нему, а значит и к той земле, которая корит, и никогда бы не был на ней чужаком. Детство будущего писателя совпало с войной и первой послевоенной пятилеткой, поэтому, как и большинству его сверстников, Геннадию Анатольевичу с избытком досталось от тех лишений, которые переживала тогда вся страна. В одном из поздних интервью он скажет: «Голод и хо-

Геннадий Юшков с матерью Анной Васильевной.

лод, нищета и бесправие военной и послевоенной коми деревни не обошли и меня, и обида не столько за себя, сколько за свою мать-колхозницу, отдалась во мне горькой, до сих пор неизбывной болью. Вот эта боль и открыла мне глаза, научила различать треп и правду в литературе».

Творческая биография Г.Юшкова необычайно богата. Современную коми литературу невозможно представить без книг его стихотворений, не говоря уже о его блестящей прозе: рассказах, повестях, романах. Он прекрасный рассказчик, о совершенстве его писательского стиля, лексики надо писать отдельные тома литературоведческих текстов, но он еще и замечательный драматург, пьесы которого не сходят со сцены уже не одно десятилетие. В одном из своих шуточных стихотворений Г.Юшков представляет, как в некий сумрачный для него час двери в его городскую квартиру отворились, и по одному стали входить герои его произведений: Анна Конакова, Мыжа Настя, Конё Семё, Данё Иван и, конечно же, самый веселый из них – Макар Васька. И автор этих героев, общаясь с ними, вновь обрел душевный покой. Можно сказать, Г.Юшков отворил двери в жизнь коми народа для своих литературных героев, и теперь без них она уже немыслима.

Дорогой Геннадий Анатольевич!

Мы надеемся, что Вы еще напишете не одно произведение, а мы будем их не только читать, но и учиться у Вас любить свою землю, свой народ.

С юбилеем! «Коми бисö видзи...»

Мамö

Кызвысътöг жö кöть ме олi,
 Отчыд мамö кинас волiс.
 Кучкис меным сiйö зырйон.
 Тайö вöлi война дырый.
 Силос гу ми кодийим сëки.
 Гу джынсö ми кодийим регыд.
 Сëсся купайтчыны мунiм.
 Миян уджалöмыд вунi.
 Дурим рытöдз, вавыс пуис.
 Сэтчö мамöыд и суис.
 Скёрла гöрдöдöма вирён.
 Сiйö вöлi бригадирён.
 Йöзыд некытчö оз тырмы.
 Но, а уджыс юр вывтырным.
 И ме шедi мамö киö.
 Ме жö аслас сылён пиыс.
 — Виа,— шуö,— талун лючки!—
 Да кыдз зырнас мышkö кучкис!
 Уси ме да лёкысь бöрддзи,
 Кöть эз дорышнас, а мöрччис.
 Мöдьысь кучкöм вичча тадзи.
 Видзöда да бöрдö ачыс,—
 Ачыс мамö синва сорён
 Орччён бöрдö меысь гора,
 Коли сëсянь уна тулыс.
 Лёк кыв мамлы эг на шулы.
 Мед ме сёвми, сылён пиыс,
 Асьсö удзöдлывлiс сiйö.
 Ковтасьыс мем вурлiс дöрём.
 Кыдз нö лёкавны та бöрын?
 А мый кучкис коркö зырйон,
 Сiйö вöлi война дырый.

* * *

Вот и мамё куліс,
Вот и эштіс уджыс.
Кыдзи ачыс шуліс,
Сё ва сайö вуджис.

Оз нин сэтысь волы,
Пуксыыв ёшинь дорö,
Оз кё коркё лолыс
Вörзьёд пань ли корöсъ.

Оз кё вётён усълы,
Рытъя пач кор сипта:
Гортын по и узълы,
Кодыр локтан сиктад;

Меным по ёд муса,
Керканым кор биа;
А мый кыткё буса,
Эн нин дивит, пиё.

И мен абу шуштём
Тыртём керка шёрын.
Весигтö ог ружты
Лунтыр мудзём бёрын.

Ышловзя да выльысь
Узя нисьё ола:
Гашкё, мамё збылъысь
Съёлём сетны волас?

* * *

Мыйта мамё сонсо зэлёдліс,
Мыйта йойён кывсис,
Сы вёсна мый карын велёдіс
Менё дзескыдвыссыс.

Мед эг ло ме уна тёдысьён,
Йозсыс водзын олысь,
Но эг ло и лымсö кётысьён,
Вежортём да полысь.

Кокни рүён, гора кылана,
Эг на гажъяв сідзи.
Кыздзи ур важ коми сыланын,
Коми бисё видзи.

Коркё зыкён, коркё олёмён
Олі аслам юрён,
Сы вёсна мый ёнёдз съёлёмой
Пёт на мамё бурён.

Коми ань

Ичётик да косіник,
Чукырость да дзор.
Шоныдінас, косінас
Уджавлін тэ кор?!

Гёрлін тэ да ытшкылін,
Берталін сывъя пу.
Тöдлін кочög бытшкылём,—
Мудэтö он нин шу!

Ок мыита,
Мыйта съёкыдсо пыкин да венін!
Но эн измы — век мелі да шань.
Вай жё Енлы моз копыртчам тэныд,
Коми ань.

Война вылысь верёсыд
Юрсо бёр эз вай.
Сэки, тэрый бёрраса,
Вёчин кыклысь пай.
Пöйтін гусьён дойястö,
Съёлёмнад эн усь.
А ѡд мустём войясыд —
Быдён сэтшём кузь!

Ок мыита,
Мыйта курыдсо пыкин да венін!
Но эн измы — век мелі да шань.
Вай жё Енлы моз копыртчам тэныд,
Коми ань.

Колин посни челядьён,—

Пасътöд найёс, верд.
Но эн некор элясьлы,
Видлывлïн кöть, дерт.
Абу вывсыыд сымынёс
Велöдин тэ со.
Коди лыддяс, кымынёс
Пуктïн налы ноп!

Ок мыйта,
Мыйта тшыгёмсö пыкин да венин!
Но эн измы — век мелi да шань.
Вай жö Енлы моз копыртчам тэныд,
Коми ань.

Воясыд оз косавны,
Чукырсыд он мын.
Ичотик да косиник,—
Кутшöм тэнад вын!
Миян олём сулалас
Уна-уна нэм,
Лöза-вежа му вылас
Тэ кодьыс кор эм!

Ок мыйта,
Мыйта шогсö тэ пыкин да венин!
Но эн измы — век мелi да шань.
Вай жö Енлы моз копыртчам тэныд,
Коми ань.

Вошиёдi мамёös уллюнö

Вошиёдi мамёös уллюнö,
Вётöн зэв югыдö волi.
Енмыслы сой вылö гулюён
Пуксылiс мамёлон лолыс.

Шонъянёс, олёмсö кутысьös,
Некод оз лёкёд на татöн.
Вöлi кö лолыс сьöд чутöсöсь,
Енмыд эз сибöдлы матö.

Некор эз вöв сiё повзёма
Йöзысь, ни уджысь, ни шогысь.
Мый сэсся вöчан, кор овсёма,

Помасяс му вылад могыс?!

Йёзыс тай бара оз пётлыны,
Олёны — морыс оз лый на.
Ковмас на курыдсо тёдлыны,
Муадтö пырнытö мый на?!

Во гёгёр сьёлёмыд улялö,
Нэм помыд тёд вылад волö.
Енмыслы сой вылö гулюён
Пуксылас менам кё лолöй!

* * *

Коді мамыслысь нёньсö оз тёдлы,
Сийö нинöмись некор оз пётлы.
Кодös мамыс оз узтёдлы дïнас,
Сылён курыдys некор оз инас.
Коді мамыслысь кывсö оз кывлы,
Сылён сьёлёмыс некор оз сывлы.
Кодös мамыс оз качёдлы вылö,
Оз и лыбавлы морттуйыс сылён.

Мамёлён сьёлёмыс

Дзормыны кутёма мамёлён юрсиыс,
Пужъявлöм турун кодь руд.
Верма кё доналы помтöма бур сины,
Мед эськö тёдлас на шуд.

Была кодь рёмыдöсь мамёлён синъясыс,
Копырён кутö нин юр.
Асывсянъ рытöдзыс сёмын оз инаслы,
Гёгёр мед лючки да бур.

Вис्यёны войяснас мамёлён киясыс,
Садьмас да пукалö чöв.
Шогыслён нопыйыс да уджыслён сийёсис
Вичмылис гожём и тёв.

Вежсытöг кольёма мамёлён сьёлёмыс,
Сы мында шоныдys сэн.
Быдман да казялан, мамыд тай вёлёма
Му вылас Енсыыс на Ен.

Олег Куратов

Куратов Олег Валерьевич родился 6 мая 1937 г. в г. Шuya Ивановской области. Закончил Ленинградский политехнический институт. Работал в атомной промышленности. Кандидат технических наук. Живет в Москве. Внучатый племянник основоположника коми литературы Ивана Куратова. Принимал активное участие в разработке атомного оружия, прошел путь от рабочего до главного инженера Главка атомного ведомства СССР, работал с известным правозащитником Андреем Сахаровым.

Печатается в журнале «Арт» с 1999 г. В № 1 появилась первая его небольшая публикация о потомках Ивана Куратова. В № 4 за 2001 год были напечатаны «Автобиографические заметки», а в № 2 за 2005 г. — повесть «Коми сны».

Пациенты доктора Визинга

Начало читайте в № 2, № 3 и № 4 2006 г.

1. НАДЕЖДА

Сети расставлены

Время летело с жуткой скоростью. Фёдор спал по четыре-пять часов в сутки. Текущая работа: разборки с конкурентами, выявление подставляемых врагами «кротов», прикрытие передачи и приёма взяток, разведка ситуаций на лакомых, пока не присвоенных предприятиях, безопасность высшего и среднего персонала, защита от технических средств разведки противников, личная конспирация и масса других забот — всё это, казалось, не оставляло времени и энергии для основного дела. Но он не сдавался, и основное дело двигалось.

Сейчас он был уверен, что если удастся установить аппаратуру для видеозаписи в пока неизвестной квартире, то компромат будет действительно убойным. По его заказу к подготовке этой акции Бабыкин подключал всё новые и новые силы с Лубянки. Все переговоры Небурчилова и двух его личных телохранителей прослушивались и записывались; за обоими велось постоянное наружное наблюдение. За две недели до Думских выборов Борман по наводке Бойтова убедил Не-

бурчилова отметить их результаты в Питере, где возможности выбора квартиры для увы, всего лишь гипотетической интимной встречи, у телохранителей Небурчилова были ограничены. Те сразу же начали готовиться: сначала вели интенсивные переговоры по незнакомой односторонней связи с питерскими абонентами, принадлежность и координаты которых установить не удавалось, затем один из них выехал в Питер. Слежка за ним и прослушивание его переговоров в Питере дали, наконец, желанный результат: два питерских адреса. В обеих квартирах, выставленных на продажу, только что закончился «евромонт». Братья Гrimm арендовали квартиры на неделю и взяли их под охрану. У охранников, предоставленных ведущим небурчиловским банком, удалось невзначай выведать, что вход им разрешён только в прихожую, кухню и туалет, а внутри апартаментов братья лично проводят какие-то работы.

Дальнейшую виртуозную работу провели питерские оперативники под руководством того же Бабыкина, специально прибывшего в Питер: обе квартиры тайно осмотрели. Планировки обеих старых, многокомнатных квартир подтвердили подозрения доктора Визинга: в соседнем со спальней помещении располагалось удобное кресло, – как раз напротив тщательно замаскированных украшениями наблюдательных отверстий вблизи кровати. И эти помещения, и спальни оснастили сверхминиатюрными видеокамерами. Как это было сделано при круглосуточно дежурившей в обеих квартирах банковской охране, осталось тайной. Передатчиков видеоизображений в целях максимальной конспирации решили не устанавливать.

Фёдор больше всего беспокоило то, что при всей этой работе не удалось выйти на след таинственной бригады при двух начальниках личной охраны Небурчилова. Когда они прибыли в Питер, в каком количестве, где обосновались, как обеспечивали безопасность босса – оставалось неизвестным. Несомненно, это были профессионалы высшего класса. Это и беспокоило.

Фёдор прибыл в Питер на другой день после выборов. Текущие дела по подготовке корпоративного банкета заняли весь день. Для своих, как всегда, оставалась ночь. После тщательной выверки всех мелочей он прилёг, и сразу же вернулись вопросы, от которых он не мог избавиться последние недели.

Кого выберет Небурчилов? И выберет ли вообще? Ведь он приедет с женой и сыновьями! На какую из квартир, если выберет, повезёт? Будет ли среди приглашённых достаточно соблазнительных красивых женщин? Ну, как им на такой выставке еды, выпивки и плоти не быть? Где же ещё им показаться, если не здесь? Красивые девушки Москвы и Питера, как их ни много, на глазах растаскиваются богатенькими, их становится всё меньше на улицах, в метро, их красота стала дорогим и ходовым товаром! Она выставляется владельцами на банкетах так же, как модные автомобили, дома, яхты! А как раззадорить Небурчилова? Подсыпать ему возбуждающего зелья в бокал? Это опасный перегиб. Устроить эротическое шоу? Это сделано. Что ещё? Надо напрячься, подключить все резервы. Взять на банкет Свету, – ДЕЛО требует жертв. Как ни ужасно это говорить даже самому себе – отдаам, не раздумывая. Правда, клюнет ли Небурчилов? – ведь ей вот-вот стукнет уже тридцать!

Рано утром он позвонил Эдику:

– Ты приглашение на банкет получил?

- Неделю назад привезли нарочным и два раза напоминали по телефону.
- С кем придёшь?
- Как раз об этом размышляю – выбираю.
- Я пригласил Свету, а она просит, чтобы ты пришёл с Надей. Ты ведь знаешь, как они неразлучны. Прошу тебя, приходи с ней.
- Да мы сто лет уже не виделись!
- Тем более, тряхнём стариной. Мы оба тебя просим.
- Ну, что ж, если вы оба просите... И правда, – почему не тряхнуть? А ты можешь сказать Свете, чтобы она нашла Надежду, а та чтобы позвонила мне? Я и телефон-то её рабочий поселял.
- Конечно. До встречи вчетвером!

Корпоративный банкет

Не дай Бог повториться ни этим временам, ни таким пиршествам.

У корыта олигарха

Банкет партии «Свобода» в Питере состоялся через два дня после Думских выборов в середине девяностых годов. Партия «Свобода» по предварительным данным получила тринадцать процентов голосов, и это было серьёзной победой, достойной пышного празднования. И не дай Бог повториться ни этим временам, ни таким пиршествам. По существу, это был корпоративный банкет питерского блока финансовой империи Небурчилова, которая (без учёта мелочей вроде заправочных станций, сети универмагов и автохозяйств) включала в себя несколько крупнейших банков, таможню и морской порт. Во главе этих фирм стояли люди, поставленные лично Небурчиловым; они осуществляли негласное, тщательно скординированное сотрудничество, превратившее их кооперацию в гигантский дежный насос.

Когда Эдик и Надежда вошли в этот потрясающий и видом, и историей своей дворец, когда им давним, непривычным ритуалом помогли освободиться от своих пальто, и когда, наконец, один из распорядителей, рассмотрев на пригласительном билете одному ему известную особую метку, неожиданно сменил привычно хамский тон на столь же привычный лакейский, – оба они были уже погружены в метафизическую симфонию форм, цвета и пропорций дворцовых залов. Отвергнув виновато-настойчивые попытки гида провести их на заранее определённое место, и объявив ему, что они хотят пуститься в свободное плавание, Эдик царственным жестом отпустил бедолагу. Тот, помедлив в обиженной нерешительности, – а не вломят ли ему за это? – жалобно посмотрел в добрые глаза Надежды, которые сказали ему: иди и ничего не бойся. Он ушёл.

Осмотревшись вокруг, и тот, и другой, переглядываясь и усмехаясь, обратились от мистического обаяния архитектуры и дизайна прошлого к буйным реалиям настоящего. Описания банкетов тех лихих времён приведены в тысячах журнальных статей, в сотнях романов и фильмов, так что добавить к этим всесторонним иллюстрациям просто нечего. Но недостойное, расточительное обжорство, бездумная неразборчивая выпивка, полное отсутствие представления о столовом этикете – это лишь вершина айсберга, столь удачно описанная в упомянутых достойных жанрах житейской хроники. Гораздо сложнее воспроизвести невыразимо тяжкий общий дух, который царил на этих сбирающихся, и который, как это ни странно, не объединял, а, напротив, внутренне отталкивал и разделял большинство самих участников этих беспардонных гулянок. Все они боялись самих себя в новом обличии. Им было стыдно и неловко придерживаться новых правил, и все они считали эти развязные правила неизбежно-необходимыми. Ни бесчисленные официантки «топлесс», ни их девушки-коллеги, претендовавшие на новую моду – «боттомлесс», витиевато постриженные и подбритье снизу, – даже они не могли отразить суть этого духа, который был как бы подвешен против всех желаний выше антикварных люстр и распространял своё смрадное веяние даже на те уголки, куда не проникал свет. Приглашённые, настороженно озираясь кругом, лицезрели снующих вокруг обнажённых то сверху, то снизу девушек, знаменитых местных бандитов и популярных эстрадных звёзд, отрабатывающих своё на насекомо сооружённых помостах и в углах смежных с залом помещениях. Видели они также возникающие по графику с презрительно-приветливыми улыбками лица топ-менеджеров, и, чувствуя эту ложь, спешили, чтобы отделаться от ощущения неприкаянности, поскорее добраться до изобильных банкетных столов и заглушить своё беспокойство шикарной, на любой вкус, выпивкой и закуской.

Эдик и Надежда навсегда запомнили молодого, цветущего русского доброго молодца, который спешно подвёл к столу свою первобытно-пышную, восковой спелости, явно несовершеннолетнюю красавицу и наполнил два изящных бокала блюдца для шампанского шведской водкой. Выпив и проследив, чтобы его прелестница также выпила до дна, он ловко нанизал на одну и ту же вилку содержащие раковины гигантской устрицы, пласт ростбифа, ломтик нежного «живого» сыра и, под конец, кружок лука из селёдочного блюда с картошкой. Подруга же его, выпив свою сладкую водочку с капризным ребяческим передёргиванием лебединой шеи, схватила одной рукой большую шоколадную птицу, другой – маринованный корнишон, с хрустом откусила голову пичуге, прикусила огурчиком и сразу же закурила длинную коричневую сигарету. Не успела брызгущая здоровьем пара прожевать своеобразную закуску, как к ним подскочила официантка-топлесс с совершенно детским, веснушчатым лицом, и, едва удержав поднос с бокалами, ахнула и пролепетала:

– Папа!!! Нинка??? Я тебе звонила сегодня... Ну, ты даёшь! Вот это прикол!

Отец, не зная, куда девать глаза, гаркнул:

– А ну живо – домой! После разберёмся!

На что топлесс-дочка, на вид восьмиклассница, опасливо, но гордо ответила:

– Нельзя! У меня на сегодня контракт на сто баксов по моим грудям! – и скрылась.

– Не компостируй мозги своей дочери! – назидательно поды托жила подроста-

ющая русская Венера, явно одноклассница дочки, – виши, как бабло гонит! Хорошо ещё, что грудь голая, а не жопа с животом, – вот это был бы, действительно, прикол! Да, прикол был бы – на е..ц! Учись у нас, своих детей! Налей-ка ещё, за её здоровье! А где здесь это, – а, вспомнила! – киви! – никогда не едала! А ещё эта, как её... манго. И пива хочется...

И Эдик с Надеждой явственно почувствовали, как неловко и стыдно было и тому, и другому за то, что они храбрятся перед собой. Несколько совсем молоденьких, всячески обнажённых девушек стали атаковать Эдика и Надежду, предлагая им подносы с напитками, сладостями и экзотическими закусками. Отмахиваясь от их неуклюжих и назойливых услуг, Эдик заинтересованно пробормотал Надежду:

– Настоящий пир во время чумы! Ведь половина Питера голодает! Любопытно: неужели им действительно не стыдно? Сменить в одно мгновение школьные фартуки с комсомольскими значками на голые груди и задницы! И в таком месте, о котором им сызмальства твердили как о святой колыбели революции! Это же осквернение святынь, как самодержавных, так и октябрьских!

– Нет! – отвечала, скорбно улыбаясь, Надежда. – Это не осквернение, а древнее, как мир, жертвоприношение. Сейчас в нашем национальном сознании всплыли древние инстинкты спасения, и эти девочки, сами того не сознавая, приносят в жертву свою невинность, чтобы спасти всех нас от безумия происходящего.

– Как это? – заволновался, не поняв её, Эдик. – Постой, постой, объясни...

Вдруг за их спинами раздался звон разбитой посуды и торжествующий крик:

– Не снимать! Не снимать! Я же предупреждал тебя, гад! Сказал же русским языком: снимать только одетых, а с голыми буферами и с голыми жопами не снимать! Это будет нарушение этикета! Говорил, змей? Говорил? А ты обещал? А ну, ребята, выкиньте его отсюда, он этикет нарушает!

Тот самый распорядитель, который провожал их в зал, энергично тряся за грудки оператора местного телевидения с профессиональной камерой в руках. Камера, которую папарацци держал как можно дальше от нападающего, болтаясь по сервировке ближайшего столика. Окружающая публика радостно скалилась. Два охранника с явным удовольствием схватили нарушителя этикета за шкирку и потащили к выходу.

В этот момент по огромному залу пробежала волна сенсации: Он! Вот он! Вот хозяин всех нас! Вот благодетель, плательщик всем нам! Прибыл! Прибыл!

Толпа сама собой раздалась, и все смогли увидеть сияющего дежурной улыбкой Небурчилова с женой, взрослыми сыновьями и маленькой свитой, продвигающегося к отгороженной пуленепробиваемой прозрачной перегородкой зоне повышенной безопасности. В этой зоне, расположенной на высоком подиуме в углу бывшего бального зала, и предназначавшегося ранее, по-видимому, для оркестра, располагался десяток столиков для избранных, десятка два официантов во фраках, и две двери запасных выходов. Под слашавое бульканье листовых рукоплесканий лидер партии и владелец несметных богатств ловко поднялся по ступеням, галантно помогая своей супруге, и вскоре он и его свита оказались внутри заветной ограды и расположились за банкетными столиками. Всем показалось, что и сложением, и лицом, и повадками босс напоминал подвижного боксёра. Публика в зале могла рассмотреть, что в свите босса, кроме членов семьи, была чета Борма-

нов, беспокойно оглядывающийся по сторонам питерский мэр с супругой, два крупных бизнесмена и начальник службы безопасности господин Юрчаков с потрясающей красоты молодой женщиной. Снаружи, за столиками вокруг подиума, расположилась многочисленная охрана босса и его свиты.

Как всегда после того, как боссом и его вездесущим замом были произнесены в микрофон дежурные бравурные приветствия и тосты, внимание приглашённых обратилось к своим собутыльникам и интересам. Началась тотальная русская пьянка, во время которой большинство участников мгновенно забыло о том, где они находятся, почему и зачем. Корпоративные интересы были отодвинуты на трезвое время, а корпоративные традиции, поскольку их не существовало, разве что в подготовленных искушёнными психологами непрочитанных инструкциях и не спетых гимнах, там и остались. Да и что могло объединить эту разношёрстную, беспокойно настороженную и подавленную безотчётным чувством вины толпу, кроме выпивки и еды?

Через интригующую прозрачную пуленепробиваемую перегородку было видно, что после утоления первых позывов жажды босс подошёл к столику Юрчакова, шепнул ему что-то на ухо и поцеловал руку его ослепительно красивой дамы. Тот улыбнулся, кивнул и спустился в зал. Небурчилов тем временем занял его место и заговорил о чём-то со Светланой.

– Света выглядит даже не царицей, а гораздо выше! – радостно воскликнула Надежда, не отрывая взгляда от Фёдора, направлявшегося к ним сквозь горячую пёструю толпу. – Спорю, он нас ищет!

Действительно, Фёдор подошёл к ним и сказал, что босс приглашает Эдика с его дамой занять свои места за перегородкой. Втроём они направились туда, где Света уже весело смеялась с Небурчиловым, а жена босса с привычной ревнивой ненавистью посматривала на неё от соседнего столика, как на штатную прости-тутку.

Когда все трое подошли к столику, босс с неожиданно истовой вежливостью усадил каждого, спросил разрешения присоединиться, пригласил свою супругу, которая с демонстративным негодованием отказалась, и, не сморгнув от этого даже взглядом, пристроился к ним в одиночестве. Тотчас же позади сидений расположились пятеро официантов, – по одному на каждого клиента. Небурчилов предложил всем просмотреть особое меню, заметив, впрочем, что это – пустая формальность:

– Вам могут быстро приготовить всё, что вам вздумается, начиная от ностальгической редьки с квасом и кончая телятиной в вине с трюфелями, – весело пояснил он. – А пока мне хотелось бы выпить за дальнейшие успехи профессора, доктора Эдуарда Ликишина, в его деятельности на самых передовых рубежах науки!

Из многочисленных рядов расположившейся снаружи подиума охраны то и дело поднимались одна за другой фигуры охранников, головы которых с угрюмыми, сосредоточенными лицами медленно вращались непонятным образом на трис-та шестьдесят градусов, а подмышки чёрных пиджаков подпирались торчащими ручками новейшего автоматического оружия. Официанты подобострастным шёпотом спрашивали, чем заполнить каждый из полдюжины персональных фужеров; появились и исчезли три учёной внешности консультанта с картами вин,

любовно узнав от каждого его вкус. Ни весть откуда взявшийся строгий человек в ослепительно белом фраке склонялся сначала к дамам, а затем кавалерам, чтобы узнать их любимые блюда; главный распорядитель волком смотрел на всех обслуживающих и побуждал их вновь и вновь просить у клиентов новых указаний... В душе Эдика распространялась сладостная тишина и благодать. Вот оно, счастье! Его заслуги признаны, его пригласили на глазах у всех на самый верх, его охраняют, о нём с трепетом и страхом заботится всякая челядь! Любой из наблюдающих снизу холопов видит и завидует, что с ним на равных беседует сам Генсек, что он – свой в обществе сильных мира сего и роскошных красавиц.

Тем временем Небурчилов поднялся и объявил, что ему пришло время пообщаться с народом. Фёдор отметил в его глазах хищный блеск и решил: очередная охота началась. Он предупредительно выступил на полшага вперёд, но босс вернулся к столу, поманил жестом двух сразу же вскочивших за перегородкой телохранителей и спустился к ним один. С высоты подиума было хорошо видно, как он переходил от одной группы почитателей к другой, панибратски похлопывая по плечу мужчин, вальяжно раскланиваясь с дамами и бросая на них оценивающие взгляды. При внимательном наблюдении можно было заметить, что банкетная охота босса переставала быть тайной: некоторые мужья, в надежде получить повышение, подталкивали своих жён к нему прямо под нос, а один даже больно ущипнул супругу за мягкое место, когда она замешкала с ответом боссу. Обход продолжался не менее получаса и закончился новым приглашением.

– Вы не находите, что здесь слишком шумно и беспокойно? – проговорил босс, бодро поднявшись в зону безопасности. – Рядом заготовлено для развлечения и отдыха интересное местечко. Давайте передохнём там, а потом, если захотите, вернёмся в этот вертеп.

Он подошёл пошептаться к своей семье, затем поочередно обратился к чете Борман, к обиженно нахохлившимся мэру с женой, к двум бизнесменам. Вернувшись, он объявил:

– Герман Генрихович с супругой и питерские бизнесмены поддерживают моё предложение. Мэра я, по его настоятельной просьбе, отпустил с Богом домой; семья моя тоже устала и отправляется на покой.

Он шепнул что-то склонившемуся к нему распорядителю, тот кивнул и умчался исполнять указание. Через несколько минут официанты образовали свои фигурами коридор к одной из дверей, которая распахнулась изнутри, приглашая гостей в тёмное помещение. Неторопливо следя один за другим, приглашённые вслед за боссом через раболепный человеческий коридор поочерёдно пропадали в темноте дверного проёма.

Слабо освещённая сверху небольшая зала была идеально круглой формы; посреди её располагался большой круглый стол, накрытый для торжества. От тёмных кресел, окружающих стол, до задрапированных тяжёлой чёрной материей стен было около трёх метров; пол залы и её потолок также были совершенно чёрными, как и скатерть, покрывающая стол. Следя гостеприимным жестам босса, все расселились по местам. Справа от Небурчилова расположились Светлана, за ней Фёдор, Надежда и Эдик. Слева от босса разместились супруга Бормана, затем Герман Генрихович и два фирмача.

Распорядитель голосом бывалого конферансье дал пояснения:

– Дорогие гости! Оглянитесь – один только раз! – и вы увидите своего персонального официанта. В дальнейшем, чтобы подозвать его, вам будет достаточно только слегка поднять свою руку.

Оглянувшись, гости едва разглядели стоящего у чёрной стены напротив каждого кресла официанта в чёрной, до пят, накидке с капюшоном с прорезями для глаз, в чёрных перчатках и чёрной обуви. Распорядитель продолжал:

– Друг друга, свои блюда и бокалы вы увидите при свечах. Растворённые в чёрном окружении официанты для вас как бы исчезнут. Но они будут готовы выполнить любой ваш каприз. Приятного вам аппетита и дружеского общения!

Из-за плеча каждого вдруг выдвинулись чёрные руки в чёрных перчатках с зажжёными зажигалками: это бесшумно приблизившиеся официанты зажгли перед каждым свечи. Верхний свет медленно угас, и всё окружающее погрузилось в темноту. Однако через мгновение сервировка стола и лица собеседников стали видны в свете свечей. Ужин продолжился в интригующе приятной темноте: безмолвные и невидимые официанты наполняли бокалы, меняли приборы, с почтиальным шёпотом подавали заявленные блюда. Стол был рассчитан на гораздо большее число гостей, так что половина его оказалась свободной. С той стороны, в темноте, угадывалось какое-то движение, что-то готовилось, но ни рассмотреть, ни услышать эти приготовления было невозможно. Да и за самим столом, по мере утоления жажды, звуки беседы раздавались всё сильнее. Надежда, к которой постоянно обращалась Светлана, была поглощена каким-то разговором о будущем биологии как основной науки.

В этой экстравагантной обстановке приятно возбуждённый Эдик не смог не позабавиться по-своему. Своим особым чутьём он сразу же разобрал, что за смоляными накидками и капюшонами официантов скрываются девушки и юноши, обслуживающие соответственно кавалеров и дам. Он проверил свою догадку, специально подняв руку и спросив у склонившейся к его голове тени:

– Я люблю виски «Гленфиддич» двенадцатилетней выдержки. У вас есть?

Нежный девичий голос растерянно прошептал:

– Повторите, пожалуйста... Сейчас же узнаю, одну минуту.

За эту минуту в безумную голову Эдика пришла дикая мысль: а чем эти юноши и девушки занимаются там, у стены, в полной темноте ожидая наших команд? Он подготовился к атаке. Едва только тень появилась и налила на дно массивного стакана порцию «Гленфиддича», огромная лапа Эдика на ощупь подёрнула её чёрную накидку, проползла по гладкому чулку выше и в одно мгновение достигла паха. От удовольствия Эдик блаженно крякнул: пах горел молодым огнём!

– Вы что, с ума сошли? – тихим, отчаянным шёпотом прокричала девушка. – Что вы себе позволяете... прекратите... пусти, говорю! Я сейчас закричу!

– Не закричишь! Не посмеешь! – тихо бурчал Эдик, грубо терзая пухлой жадной пятерней нежное тело. – А закричишь, тебя тут же вышибут или что ещё похуже сделают.

– Господи, да что же это... Неужели не стыдно? Ведь сзади, от стены, всё же видно! Умоляю вас, отпустите, ну, пожалуйста, пожалуйста!

Натешившись, Эдик отпустил её, и отпустил вовремя: внезапно узкий луч света осветил свободную половину стола. На ней стояли две фигуры, закутанные

с ног до головы в чёрный шёлк. Прозвучал сигнал гонга, и одним движением обе освободились от накидок. Теперь на столе стояли две полностью обнажённые, безукоризненно сложенные танцовщицы. По второму сигналу они начали медленный эротический танец под старинную джазовую мелодию. Ностальгическая музыка и деликатные, заведомо покорные призывы прекрасных тел так сильно растрогали Эдика, что по его щекам потекли сладкие, счастливые слёзы.

Куда девалась Америка?

Исполнив несколько танцев, красавицы-плясуньи под аплодисменты исчезли, а на потолке стало медленно разгораться освещение. Улыбающийся босс предложил проведать общий зал. На подиуме белоснежно сверкал заново сервированный для десерта общий стол. Небурчилов, взяv под руки Светлану и Надежду, усадил их и расположился между ними. Вдруг прямо перед собой Надежда увидела его огромные бычьи глаза, в которых светилась невыразимо глубокая печаль. Она поняла, что не слышала его вопроса:

– Что?

– Я спрашиваю у Светочки: куда девалась *та* Америка? А она меня не понимает. Может быть, вы знаете? Ведь она сгинула совершенно, целиком и навсегда!

– Я тоже не понимаю. Вы поясните.

– Что мы только что видели? Потрясающее зрелище? Нет, мы только что слушали потрясающую музыку, которая превратила непристойное, бесстыдное действие в истинную красоту. Я имею в виду джазовую музыку. А джазовая музыка – это послевоенное американское общество, это та сфера мироощущения, которую невозможно передать словами и которую легко и понятно излагала своими мелодиями великая плеяды джазовых композиторов и исполнителей Америки. Мне всё кажется – нет, я в этом уверен, – что весь американский народ, от президента до пресловутого чистильщика сапог, жили одной национальной ценностью – джазом, который в этом смысле стоял гораздо выше просто искусства, и вокруг которого концентрировались все другие нравственные ценности. А теперь там всё куда-то безвозвратно кануло. Вы посмотрите на их музыкантов сейчас – просто тупые, грязные животные, по-другому не скажешь. И президенты их, и даже чистильщики сапог стали другими, – они приблизились к этим оборванцам, которые, как последние подонки, хамят и блудят на эстрадах.

– Да, да, кажется, я вас понимаю, – даже у нашего поколения сохранилось что-то нежное, душевное в воспоминаниях о той музыке и о *той Америке*... И правда ведь, что она куда-то внезапно канула. Как интересно вы это подметили!

– Подметил? Да, я часто об этом думаю и страдаю от этого, поверьте! Всё, что мы видим сейчас, – он широко махнул рукой на кипящий в вареве жратвы, выпивки и блуда зал, – это результат загадочного, трагического исчезновения *той Америки* и появления ни весть откуда взявшейся новой: грубой, подозрительной и бесцеремонной, как вся их современная эстрадная музыка. Для нас, тогдашней молодёжи, погружение в необъятный океан настоящего свободного джаза граничило с благодатным откровением, радостным прозрением и было настоящим прорывом в сферы нового мышления. В Советской России, где основной мировоззре-

ния было политическое мышление, это вызвало массовый пересмотр политических ценностей. И поверьте мне, именно западные джазовые музыканты, вообще не мыслившие о политике, а, по-моему, так и вообще не знавшие, что это такое – политика, сами того не ведая, стали творцами и участниками настоящих революционных процессов в Стране Советов!

– Слишком по-казенному сказано, но зато как тонко и верно! Я на полном серьёзе смело вам заявляю: то, что вы говорите – это замечательно интересно! Это автореферат ещё не написанной диссертации по социологии! Светик, ты слушаешь, ты поняла, о чём речь? По-моему, это очень умно и занимательно!

– Слушаю, и давно уже поняла, и полностью с тобой согласна! Милая, добрая, далёкая Америка с бесконечно человеческой улыбкой Армстронга, с его обязательным вечным пиджаком и галстуком! Да, она исчезла, таинственно и трагически исчезла, как Атлантида!

И вдруг все втроём они погрузились в воспоминания *о той Америке*, которой не было, – той доброй, волшебной иллюзии, которая зародилась и расцвела в них, питаясь только одним соком – звуками инструментов и голосов великих джазовых музыкантов. И лишь перед своим исчезновением она явилась им в видеозаписях, подняв их радость и восторг ещё выше казавшегося предельным экстаза.

– Да, да, – быстро и радостно говорила Света, – я всё это помню по магнитофонным записям: у них исполнитель сам обращался к аудитории с объявлением следующего номера и одновременно с комментариями к нему. А часто музыкант приступал к очередному произведению вообще без слов, зная, что тот или иной пассаж ожидается публикой, как ребёнком, с нетерпеливой радостью. И эта восторженная детская радость выражалась при первых же аккордах криками и рукоплесканиями публикой далёкого мира столь непосредственно и просто, что невольно вызывала к ней глубокую симпатию. В далёкой, «чуждой» среде неожиданно вспыхивали аплодисменты, раздавались восторженные возгласы и одобриительные реплики именно в те моменты, когда *и наши* сердца чуть было не выпрыгивали наружу от восхищения и радости. От этого их публика казалась нам близкой, почти родной!

– Согласен, согласен, – возбуждённо подливал масла в уже разгоревшийся огонь Небурчилов, – больше того: я часто слушал записи этих концертов для того, чтобы по реакции зрителей создать о них своё представление! А по ним – о том мире, в котором они живут. Так у меня созрел миф *о той Америке, которая куда-то девалась!*

– А когда появились видеозаписи, – перебивала всех раскрасневшаяся Надежда, – мы вдруг увидели и музыкантов, и зрителей и поразились, как они похожи на их образы, созданные нами только по голосам, мелодиям и по свисту, смеху, аплодисментам. И лица их, и выкрики, и реплики, и даже свист были добры и корректны!

На мгновение Надежда почувствовала, что вновь огромные, неподвижные бычьи глаза Небурчилова заслонили всё окружающее своей выразительной грустью. Вдруг она ощущала к нему мощный толчок симпатии и влечения. По мере продолжения беседы это ощущение стремительно перерастало в чувства восхищения и непреодолимого плотского желания. В неподвижном, каменном лице она рассматрела ответные призывы. С этого момента, хотя разговор вели трое, они разговаривали, словно находились наедине.

Светлана. – Точно! Это были большие и малые арены с пёстрыми толпами, состоящими из людей всех возрастов, из эрудитов и неучей, авантюристов и верноподданных, представителей истеблишмента, и чернорабочих, объединённых одинаково тонким пониманием джаза, дарящего им радость жизни. Все эти образы американских зрителей – мужчины с непременными галстуком и головным убором и дамы в аккуратных шляпках – словно нашли наглядное подтверждение!

Он. – А ещё мне часто приходит в голову, что такого полного, откровенного единения, единомыслия в разнородной человеческой толпе, столь свойственного именно атмосфере джаза, невозможно отыскать ни в какой другой сфере человеческого общения. В художественной литературе, особенно в поэзии, можно найти примеры восхитительных попыток подобрать универсальный «ключ ко всем сердцам», способный трогать самые сокровенные стороны души человека. Были писатели, которые всё своё творчество посвятили самоотверженному поиску единой формулы, «философского камня» всеобщего интуитивного взаимопонимания и достигли на этом поприще истинных высот. Увы, эти попытки, несмотря на все их достоинства, не могут превзойти свою джазовую версию по силе, простоте и массовой доступности.

Она. – И опять: немного казённо и в то же время как точно, восхитительно точно! Можно сделать вам комплимент: вы чрезвычайно наблюдательны и тонко чувствуете искусство. Даже не подозревала, что люди вашего пошиба, простите, масштаба, могут так изысканно чувствовать.

Он. – А я не подозревал, что в такой молодой и цветущей женщине и её подруге я найду такое понимание! Что же касается людей моего пошиба – вы, конечно, правы: в основном это бесчувственные машины, нацеленные на прибыль и только. Ну, возможно, ещё на власть. С благодарностью принимаю ваш комплимент и гордо подтверждаю: я – редкое исключение.

Светлана. – А я успела вычислить, когда пропала *та Америка*, – это произошло сразу после концертов Армстронга в Чехословакии. По-моему, сразу после этого всё в Штатах стало меняться, грубеть, матереть. Помните эти его прощальные гастроли? Это и была лебединая песня *той Америки*.

Он. – У меня есть их видеозаписи. Может быть, может быть.

Она. – А мне кажется, она всё ещё немножко живёт, по крайней мере, в наших сердцах. В них живут зрители-слушатели, ставшие для нас сказочной иллюзией, и, похоже, сгинувшие неизвестно куда или в одночасье переродившиеся. Они были очень разнообразны, но, согласно этой же иллюзии, каждый из них мог по праву считать своими слова американского чародея доброты, моего любимого Уильяма Сарояна:

– Будь здоров и счастлив, мой мальчик, и не забывай снимать шляпу в лифте!

Он. – Да, да, несомненно: сгинул не только джаз, утащив за собой *ту Америку*, вместе с ним в Штатах потух свет целой плеяды писателей: Андерсон, Сароян, Фолкнер, Олби, Уоррен... И Сарояна, конечно! Все они, как и джазовые музыканты, не смогли бы жить в новой Америке.

Светлана. – И когда исчез железный занавес, мы воочию увидели не только новых исполнителей популярной музыки, но и нового зрителя, – безликие толпы, вызывающие неопрятных существ неопределенного пола и возраста с истеричны-

ми лицами, истыканными пирсингом. Прошу прощения, я на минуту отлучусь, меня от интересной беседы отрывает мой кавалер.

Он. – Какой неброской и в то же время потрясающей красотой вы обладаете! Как я польстился на красоту Светланы, а вас прозевал, рассмотрел только сейчас?

Она. Света – моя любимая подруга. Не надо нас так сравнивать. А за комплимент спасибо.

Он. – Вы жена профессора Ликушина?

Она. – Нет.

Он. – Тогда, извините, чья же?

Она. – Ничья я не жена.

Он. – Тогда – едем?

Она. – Едем!

Он. Можно ещё один только вопрос?

Она. Конечно.

Он. Что за печаль стелется в ваших глазах? У вас неприятности? На работе? Дома?

Она. На работе всё нормально. А вот дома... У меня родители тяжело больны. Давно уже. Сейчас у обоих обострение. Наши врачи не могут помочь. Как вы отгадали?

Он. Это вы меня вдохновляете. А зарубежные врачи помочь могут? Я могу всё это оплатить и устроить – поездку, лечение. В общем, все хлопоты. Немедленно. Сразу же. Сейчас.

И уже на пути к машине он на мгновение остановился и радостно произнёс:

– Господи, неужели удастся хоть раз в жизни помочь тем, кто тебе нравится? Ведь всегда же выходит наоборот!

Галантно открывая перед нею дверь лимузина, он попросил:

– Пожалуйста, не отказывайте мне, разрешите помочь людям, родившим такую дочь!

Авось твою мать!

Когда Светлана, подчиняясь настойчивым жестам «своего кавалера», подошла к нему и к изрядно разомлевшему от приятных впечатлений Эдику, Фёдор восхитился:

– Как ты похорошела, как расцвела от общения с боссом! О чём это вы там так живо толкуете?

– Очень интересная, интеллектуальная тема. Как умён и искусшён в музыке и литературе ваш босс! Мы с Надей в полном восторге от него!

– Так о чём идёт речь?

– Об американской музыке и литературе первой половины нашего века.

– О какой музыке?

– О джазе.

– Интересно. А не хочет ли он таким макаром вас подцепить и унести в своём могучем клове? А мы с Эдиком останемся на бобах?

— Мне, конечно, приятно, что ты ревнуешь, но ты его незаслуженно опускаешь. Нет, это не какой-нибудь ловелас, а тонкий ценитель высокого искусства.

— А я слышал о нём сплетни, что он страшный бабник! Враньё?

— Уверена, — враньё, и самое бессовестное. Он, конечно, очень эмоционален, но, по-моему, если кого-то захочет подцепить, как ты выразился, то будет галантно и терпеливо ухаживать, а не штурмовать нахрапом. Отпусти меня к ним ещё на немногого, пожалуйста, там так интересно!

— Беги, но будь бдительна: в тихом омуте...

Светлана упорхнула, а Фёдор обратился к Эдику:

— Эдуард, а ты не боишься, что босс уведёт Надежду?

— Нет! Пусть забирает, если захочет! И мне не провожать, и мой рейтинг у босса за такую якобы услугу повысится, и ей с ним, я вижу, очень хорошо. Все при своих.

— «Якобы»? Ты что, к ней охладел?

— Давно и навсегда. Но как друга я её люблю, ценю и искренне уважаю.

— И тебе её не будет жаль, если этот буйвол раскорячит её в своём стиле?

— Нет. Да что ты волнуешься? Ты же сам просил, чтобы я её привёл. Не переживай, как-нибудь всё само образуется.

Неожиданно Фёдор вскипал, — такого Эдику видеть ещё не приходилось.

— «Само собой образуется»! Это знаешь, как называется? Авось твою мать! Вот как! А вдруг прямо сейчас возьмёт и уведёт?

— Да брось ты кипятиться, я серьёзно: уведёт, и шут с ней! Давай-ка по одной этого прекрасного коньячку на десерт! Успокойся!

Фёдор давно был обучен владеть собой. Он отвернулся, остыл, ухмыльнулся, подмигнул всем лицом и промолвил:

— Давай. Эх, авось твою мать, авось твою мать! А мне всё-таки жаль нашу Надю!

Корпоративный путч

Mир давным-давно сошёл с ума.

Конец питерской операции

Спецсвязь, установленная между Фёдором и Бабыкиным, в эту ночь работала с перегрузкой. Фёдор осуществлял общую координацию работ и ставил оперативные задачи. Бабыкин раздавал конкретные задания конкретным сотрудникам.

Наружные наблюдатели Бабыкина «вели» Небурчилова с того момента, когда он усился с Надеждой на заднее сидение своего «Мерседеса» и выехал на одну из двух подготовленных квартир. В два часа ночи Фёдору доложили: Надежду вывел из квартиры, усадил в свою машину и доставил до её дома один из братьев Гrim. Вместе с ней он поднялся в лифте, побывал у неё несколько минут, и, спустившись, позвонил и выехал на вторую арендованную квартиру. Оттуда он доложил

о своём прибытии, отпустил банковскую охрану и дал своему брату отмашку на приём. Тот доставил Небурчилова, и в три тридцать в окнах квартиры погас свет.

Одновременно банковская охрана покинула первую, заветную, квартиру в полном составе. Помещение с возможной разгадкой тайны встречи осталось пустым. Немедленно по лестнице сверху спустился оперативник, проник в квартиру, в течение двух минут снял им же установленные накануне видеокамеры, вернулся на чердак, через чердачное окно – на внутренний скат крыши, оттуда – на чердак дома соседней улицы, из него – в поджидавшую машину. Машина помчалась прямиком в Москву. На Московском проспекте к ней присоединилась машина прикрытия.

Оперативник не знал и никогда не узнает, что запечатлели камеры. Человек за рулём не знал и не узнает, куда и зачем отлучался оперативник из машины. Но он знал, что должен за оперативником присматривать, а в случае нештатной ситуации его защитить. Люди в машине прикрытия понятия не имели, кого и почему они охраняют, но были готовы применить смертоносное оружие. Все они работали, – выполняли приказы. Мир давным-давно сошёл с ума.

Тем временем наружка продолжала наблюдение, – и не зря. В четыре утра из дома напротив вышли двое в одинаковых кепках и кожанках. Один из них поднялся в квартиру, осмотрелся и куда-то позвонил. Через двадцать минут второй встретил подъехавший микроавтобус и проводил в квартиру группу вышедших из него молчаливых людей. Все они расположились в квартире то ли для проверки, то ли на ночлег.

До десяти утра никаких других событий наружным наблюдением отмечено не было. За это время были подтянуты и размещены вокруг значительные дополнительные силы для организации слежки за членами прибывшей ночью группы: Фёдор был уверен, что это боевики братьев Гримм, и нельзя было упускать ни малейшей возможности установить их личности.

Наутро Фёдор был вызван к Небурчилову, чтобы неотлучно сопровождать его в нескольких деловых встречах, а затем участвовать в торжественном обеде по случаю отъезда в Москву. Во время этого обеда ему позвонили и дали знать, что камеры сработали и благополучно доставлены по назначению.

Кино на Лубянке

Кортеж машин партии «Свобода» прибыл из Петера в Москву в полночь. Фёдор, сладостно отсыпавший весь путь, сразу же договорился с генералом о встрече ранним утром, окончательно выспался и в шесть утра уже входил в кабинет на Лубянке.

В углу просторного кабинета стоял журнальный столик с двумя телевизорами, перед ними стоял генерал и удручённо качал головой. Поздоровались.

– Прежде всего, поздравляю вас с полным успехом, Фёдор Дмитриевич! – как всегда, церемонно проговорил генерал. – Компромат по-настоящему убойный. Ты сработал – лучше и представить невозможно! Но до чего же гнусна натура человеческая, – это я о Небурчилове. Сейчас всё увидишь, а я второй раз смотреть не смогу – стошнит. Вот тебе пульт – он включает обе записи синхронно. Садись

сюда. Будет плохо – пей воду, а совсем плохо – коньяк, хоть и рановато. Вот, всё у тебя здесь, под рукой. Я тебя запру, чтобы никто не беспокоил. Через час приду. Вся запись длится без малого два часа, но тягостно слишком; ускоренная прокрутка работает, так что можешь особо не мучиться. Будешь смотреть – подумай: может, доктору Визингу показать? Человек надёжный, а ему, может, это нужно для набора научного материала? Во всяком случае, я и знать не знал, чтобы таким образом онанисты себя стимулировали. Тыфу ты, пропасть, до чего же противно! Да, прав Достоевский – широк человек, широк! Ухожу, ухожу!

Фёдор усился поудобнее и включил телевизоры. Оба экрана привычно высвечивали время и дату. Первой включилась камера в убежище Генсека. Он торопливо вошёл, раздёлся догола, усился в кресло. Затем потянулся в сторону, достал связку каких-то гибких, длиною в ладонь, спиц и прильнул к смотровым отверстиям.

Камера в спальне включилась чуть позднее. Туда вошла Надежда с мечтательной улыбкой на лице, небрежно осмотрелась и присела на кровать. Замерла, задумалась. Вдруг в спальню в халате вошёл один из братьев Гrimm. Надежда вскочила, растерянно вскрикнула. Тот пытался её успокоить, уговорить, но она не поддавалась. Началась драка: она била его по лицу, он норовил умело и больно ударить её по рукам и телу. Она кричала, он зажимал ей рот. На подмогу появился второй брат, и вскоре её силы закончились. Её словно парализовало. Оба насиловали её поочерёдно, по-разному. Смотреть на всё это было больно и тяжко.

Но ёщё невыносимей было смотреть на Небурчилова. Лицо его исказилось до неузнаваемости: по нему, как отвратительные гады, ползали гримасы буйной похоти и животного наслаждения. То и дело на этой мерзкой маске всплывала коварная, мстительная ухмылка. Руки его времена от времени проворно вытаскивали из связки гибкую спицу, проталкивали её внутрь мочеиспускательного канала и начинали лихорадочно дёргать её туда и обратно. Генеральный секретарь партии «Свобода» издавал сладостное сипение, сдавленно всхлипывал и торжествующе вскрикивал.

Фёдор вдруг вскочил и позвонил Светлане:

– Привет, привет, моя ненаглядная! Я доехал нормально, отоспался, звоню из дома. Слушай, ты вчера с Надей не связывалась? Не отвечает? А ты сейчас на работу? Ты её проведай, я что-то о ней забеспокоился. Позвони мне, ладно? Жду, целую.

На экранах продолжалось прежнее разнужданное бесчинство. Фёдор быстро прокрутил всё до конца – ничего нового. Он рассеянно нажал на пульте кнопку выключения; одновременно в голове его прозвучал щелчок, решивший судьбу насильников. Он откинулся на спинку кресла и стал ждать генерала.

Кино в прокуратуре

На следующий день утром Небурчилову позвонил Бойтов из Генпрокуратуры. Он был самым близким к руководству партии «Свобода» работником этого ведомства, и считался у него «своим человеком».

– Есть одно сверхважное для вас дело. Вы ведь знаете, я по пустякам не дёргаю.

– Ну что же, приезжай.

– Это невозможно. У меня кое-какие материалы, которые вывозу не подлежат. Надо бы их вместе здесь, у меня, просмотреть и обсудить.

– Что за материалы?

– Важные материалы, о которых по телефону не говорят.

– Хорошо, я сейчас к тебе Перемилова пришлю, вы с ним всё время шепчетесь, вот и посмотрите, и обсудите.

– Его к этим материалам на версту подпускать нельзя.

– Перемилова? На версту? Да что там у тебя такое? Не могу же я по твоему свистку вот так всё бросить и кинуться!

– Моё дело – сообщить. Как хотите. Повторяю, я по пустякам дёргать не стану. Что же – завтра позвонить?

– Это что-то срочное?

– Не то слово. На мой взгляд, сверхсрочное. Я бы на вашем месте прямо сейчас...

– Прямо сейчас у меня результаты выборов – понял? Выборов в Государственную Думу! Ничего, до завтра подождёт твоё сверхважное. А вот у меня как раз завтра с утра окно, вот я к тебе с утра по дороге на работу и загляну. Заодно и посмотрю, где ты там сидишь, ведь я у тебя ни разу не был. Договорились? Ну, бывай до завтра!

Следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Пётр Петрович Бойтов встретил Небурчилова в своём маленьком кабинете, теснота которого усугублялась установленными зачем-то по краям стола хозяина двумя телевизорами. Экраны телевизоров были обращены к посетителю, и получалось так, что Бойтов как бы выглядывал между ними из другого помещения.

Бойтов встретил высокого гостя, усадил его в кресло напротив двух чёрных экранов, а сам прошёл на своё рабочее место и будто спрятался за телевизорами.

– Что такое? – опешил Небурчилов, – что это за магазин у тебя?

– Кино будем смотреть! – неожиданно строго и серьёзно произнёс Бойтов, нажимая кнопку вызова.

В кабинет вошёл молодой человек. Он ловко накинул на Генсека хитроумно скрещенные ремни и моментально застегнул их за спинкой его кресла, после чего вышел.

Кровь бросилась в голову Небурчилова, он дёрнулся и взревел:

– Ты что тут вытворяешь? Тебе что, жизнь надоела?

Но в это время Бойтов включил оба телевизора, и Генсек умолк. Через несколько минут он вновь яростно задёргался, пытаясь освободиться, и прохрипел:

– Выключи! Выключай, говорю! Ну!

Бойтов помешкал ещё минуту, выключил, и по-прежнему строго промолвил:

– Звук я не включал, а с ним смотрится ещё эффектнее. Первые две серии я пропустил. Первую серию телевидение уже показало, помните? Она начинается с кадров телевизионной хроники: вы даёте интервью дома, в семейном кругу. Говорите об основной нравственной ценности общества, – о семье. Вторая серия снята на питерском банкете, где вы в обществе этой дамы сняты светскими телевизионными папарацци. Вот этой третьей серии, – Бойтов кивнул на телевизоры, – у них пока нет. Но если вы сейчас же не согласитесь на наши условия, она к ним

попадёт сегодня же, и уже вочные часы они начнут крутить всё кино. Вас увидят вся страна и весь мир. Не говорю о родных. Не говорю о возбуждении уголовных дел по таким статьям, как групповое изнасилование и другим, ещё более позорным.

– Чьи это – «наши»? Что за условия?

– Генпрокуратуры России. Условия таковы. Вы заболеваете и немедленно бросаете все дела – и бизнес, и политику. Навсегда. Скажем, нервный срыв после предвыборной кампании. Или инфаркт – выбирайте сами, только сразу. Откладываете из своей кассы себе, своим детям, внукам и правнукам на безбедное житьё-бытьё. Размещаете капиталы в нужных банках. Назначаете свою долю в будущей прибыли. Уезжаете куда-нибудь подальше – в Австралию, например. Партию, банки, фирмы, всю структуру и инфраструктуру своей империи сохраняете. Своим преемником назначаете Перемилова. Мы консервируем кино, и ни одна живая душа его не увидит, – если вы проявите благородство, и не будете делать глупости, например, тайно искать виновников и мстить. Чуть что, – без предупреждения пускаем фильм в народный прокат и отдаём вас с вашими подельниками-насильниками под суд.

Сегодня же, как только успокоитесь, повторяю, сегодня же, возвращаетесь к себе в офис, объявляете о болезни, поручаете подготовить необходимые бумаги и – выбирайте сами: либо в больницу, либо на дачу, либо домой. Никаких несогласованных действий и ещё раз: никаких глупостей. Мы за вами присмотрим. Ну, конечно, основополагающие тезисы нашего соглашения придётся подписать. Здесь и сейчас.

Небурчилов молчал долгие минуты – соображал, вычислял. Наконец, спросил:

– Кто успел посмотреть? Генеральный прокурор в курсе?

– Кино видели пять человек: я, ещё двое, и два технаря. Технари видели записи по отдельности, им сказали, что это – рядовая порнуха. Они её за свою жизнь насмотрелись, так что можно сказать, что и вовсе этого кино не видели. Генеральный об этом деле ничего не знает, но копия фильма для него уже изготовлена. Как и для президента, и для ваших соперников на выборах, и для вашей семьи. И, как я уже сказал, для телеканалов. Пока всё под контролем, но, сами понимаете, в наше время удержать в тайне такой материал нелегко. Для сведения: контрольные копии уже рассованы по хранилищам. Телевидение замерло: ждёт сегодня к ночи сверхсенсационный материал.

Небурчилов вдруг беспомощно замахал наполовину связанными руками, сделал ещё одну попытку вырваться из кресла и чуть не упал вместе с ним. Волосы его приподнялись от бешенства, лицо побагровело, но он совладал с собой:

– Говори: кто? Кому это всё нужно? Кого я не устраиваю?

– Мы наблюдаем за вашими извращёнными подвигами уже давно: года два назад одна дамочка из ваших жертв поделилась с нами своими подозрениями. Написала бумагу с просьбой расследовать, наказать и прочее...

– Врёшь, врёшь! Кто меня хочет завалить? Зачем? Говори, – не пожалеешь! Ведь ты же у меня из рук ел! И хорошо ел!

Бойтов пожал плечами, покачал головой и взял в руки аккуратную папочку:

– Приступим к обсуждению и подписанию ваших отказных документов.

Разговор продолжался ещё полтора часа и закончился подписанием. По его окончанию Бойтов извлёк из плейера кассету, помахал ей из своего укрытия

Генсеку, закрыл в сейфе, вызвал молодого человека, и тот одним щелчком освободил Небурчилова от ремней. Бойтов вышел проводить покачивающегося от переожитого Небурчилова до его машины. В это время молодой человек быстро вошёл в кабинет, по-кошачьи мягко прыгнул к креслу, снял из-под его сиденья жучок и вернулся в приёмную. Там он сразу же соединился с кем-то по телефону и игриво произнёс:

— Как дела, котёнок? У меня? У меня всё в порядке, всё по плану. Сегодня встречаемся? Ну и хорошо. Цалую, цалую, до встречи.

Вернувшись, Бойтов первым делом достал из кармана миниатюрный диктофон, проверил запись, и позвонил, сообщив условным кодом: встреча прошла по плану.

Особое положение

Прибыв в свой офис, Небурчилов провёл в одиночестве весь остаток дня. Личной охране и секретарям он поручил находиться в приёмной, о своём пребывании на месте никому, в том числе семье, не сообщать, и никого к себе не пускать. В полном одиночестве он раздумывал, оценивал обстановку. Сделал несколько зондирующих звонков на самый верх, — никаких признаков катастрофы не было. Соединился по селектору с Борманом, поговорил с ним о текущих срочных делах — тот был деловит и утешив, как всегда. Связался с Избиркомом, — там подтвердили: гарантированный минимум составляет тринадцать процентов с хвостиком.

— Кто? Зачем? Почему? — не переставало стучать у него в голове, — подготовлено и обставлено всё капитально: кто-то давно знал о том, что это — не впервые, кто-то устанавливал аппаратуру, снимал... Значит, враг давний и опытный. В басни Бойтова о какой-то обиженной дуре-бабе верить смешно. Как мои-то проглядели? Неужели их купили? Надо проверить.

— А Бойтов абсолютно в себе уверен. Значит, опирается на солидную силу. Какую? Кто же всё-таки? В таких ситуациях очень важно терпеливо выждать следующих действий противника: он должен себя обнаружить... А если Бойтов начнёт действовать, как говорил? Нет, он человек старого склада, будет выжидать, лавировать. Что же делать? Выход один: дать неизвестному бой и выиграть время! Мой ответ должен быть адекватным. Это значит — таким же безжалостным, неожиданным и молниеносным. Посмотрим, может он и откроется.

В шестнадцать часов он вызвал братьев Гримм и имел с ними короткую беседу. Затем пригласил к себе главного юристконсульта и под большим секретом поручил ему в связи с тяжёлой болезнью готовить передачу всех дел Перемилову. Вслед за юристом побеседовал, опять же под большим секретом, с директором по финансам и приказал ему подготовить предложения по срочному высвобождению максимального количества наличных средств. Решив, что двух этих бесед для мгновенного распространения слухов о своей отставке достаточно, он вызвал Юрчакова.

— Фёдор Дмитриевич, решил поделиться с тобой своей бедой: нежданно-негаданно кто-то наверху начал на меня сильно давить. Вплоть до угроз. То ли

успехом на выборах недовольны, то ли процветанием бизнеса – неясно. До тебя ничего не доходило?

– Ничего.

– Я в связи с этим решил проверить надёжность своей личной охраны. До сих пор я тебя в эти дела не посвящал: я и так на тебя дел навалил под завязку. Но сейчас надо этим заняться. Что тебе для этого нужно?

– Прежде всего понять ваше поручение. Что вы хотите и почему? Изменить организацию охраны? Обнаружить «крота»? Просто освежить состав? Есть какие-то претензии, зацепки: недосмотрели, пропустили? Охрана – это целая наука.

Разговор продолжался более часа и закончился около семи. Небурчилов заехал за женой и вместе с ней уехал ужинать и ночевать в загородный дом. В машине злобно возбуждённая жена ему сообщила, что два ведущих канала только что закончили передачу, посвящённую лидерам будущих думских фракций. Один из каналов сообщил, что эта тема будет продолжена после полуночи.

– Нас показали и дома, – помнишь ту старую запись? – и в мэрии Санкт-Петербурга, и, кстати, на том банкете, после которого ты загулял со своими шалавами и в гостиницу явился только утром. Так что ты в этих передачах выглядишь порядочным семьянином, не знают они тебя, какой ты на самом деле кобель.

Он промолчал. Приехав, молча поужинал, налегая на выпивку. Попросил прислугу постлать ему постель в кабинете на диване и улёгся перед телевизором. Он ждал сообщений.

В десять вечера по НТВ с пометкой «срочно» сообщили, что в служебной машине неизвестными час назад были застрелены следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Бойтов и его водитель.

После этого по дороге из центрального офиса в штаб-квартиру партии позвонил Фёдор и сообщил: в двадцать два десять обстреляна штаб-квартира, а именно кабинет Перемилова, где он проводил сверку самых последних данных избиркома по подсчёту голосов. Есть тяжело раненые, среди них сам Перемилов, все отправлены в больницы. После прибытия на место Фёдор позвонил ещё раз:

– Убитых нет, ранены все пятеро, находившиеся в кабинете, все – тяжело, загорание сразу же погасили. Стреляли из проезжающей машины: сначала из автомата по охране на входе, потом, по-видимому, из подствольного гранатомёта по окнам кабинета. Было сделано два выстрела. Одна граната взорвалась снаружи, на стене, вторая – при ударе о металлическую решётку окна. Все осколки – внутрь. Машину, из которой стреляли, охрана видела. Стёкла в окнах кабинета вылетели, но все помещения целы, следователи и пресса понаехали, все спрашивают о вас. Приезжать настоятельно не рекомендую, обстановка тревожная, личную охрану надо немедленно усилить. Предлагаю по всем нашим филиалам и отделениям партии ввести особое положение. Как вы на это смотрите? Ясно, вернусь в офис и конкретно всё распишу. Я буду пока здесь, потом всю ночь в офисе. Надо организовывать расследование по свежим следам. Перемилову охрану в больнице выставить? Будет сделано. О других раненых тоже позабочусь. Обо всех происшествиях, если случатся, буду докладывать немедленно.

– Ты когда будешь составлять план особого положения, о Питерском фонде не забудь, о научном руководителе, понял меня? Не исключено, это всё от его работ

идёт, понимаешь? Не телефонный это разговор, но ты подумай, как его и всю контору защитить. Подумай, может, его спрятать пока куда-нибудь? Завтра обязательно мне доложи об этом вместе с планом.

– Понял вас, понял, это очень умно, будет сделано.

В одиннадцать по второму каналу прозвучали сообщения об убийстве Бойтова и о нападении на штаб-квартиру партии «Свобода»:

– Неизвестные обстреляли из гранатомёта окна помещения, в котором один из руководителей партии Перемилов проводил итоговое совещание по результатам думских выборов. Есть раненые. Лидера партии Небурчилова в штаб-квартире в момент обстрела не было.

К полуночи, когда жена улеглась, приехали с докладом братья Гrimm. Генсек принял их в своём кабинете при двух, включённых на разные каналы, непрерывно работающих телевизорах. Проводив братьев, запер за ними вход на второй этаж и улёгся перед работающими телевизорами. После доклада в кабинете братья, проверив охрану, уехали в город. Просидев перед двумя галдящими на все лады экранами до часу ночи, и ничего нового о себе не увидев, Небурчилов торжествующе хмыкнул, удовлетворённо вздохнул, принял снотворное и заснул.

Расплата

В начале двенадцатого ночи Фёдор, направляющийся из обстрелянной штаб-квартиры в главный офис, попросил водителя припарковаться у главного подъезда Госдумы и подождать. Сам же незаметно нырнул в метро и через несколько минут жал руки своего потрескивающего сухим костяком генерала и его «дублёра» Бабыкина.

Прежде всего они молчанием почтили память Петра Петровича Бойтова. Затем генерал обратился к Фёдору:

– Как состояние раненых?

– Борман отделался царапинами, но об этом пока лучше помалкивать. Охрана его надёжна. У других четверых серьёзные ранения, врачи занимаются. Похоже, все выживут. Бойтов утром у Небурчилова отказные бумаги подписал?

– Да, да, конечно. Всё шло по плану: бумаги уже через час после уезда Небурчилова из Генпрокуратуры были здесь. Насчёт позиции Небурчилова ты оказался совершенно прав: он пошёл ва-банк. Ответил на удар и готов к продолжению схватки. Он надеется обнаружить противника и начать переговоры, – готов дельться чем угодно, только не властью. Он решил биться насмерть, а это грозит разрастанием грандиозного политического скандала, новыми жертвами и затяжной войной. Его же по-хорошему предупредили, сделали продуманное, разумное предложение: немедленно сдать дела, загрести, сколько надо, денег и уехать. Не послушал. Теперь неизвестно, что он ещё предпримет. Это недопустимо. Надо немедленно действовать. Павел Иваныч сейчас тебе сообщит оперативную обстановку.

Бабыкин был готов:

– С момента возвращения из Питера мы отследили и разрабатываем бригаду братьев Grimm. Их всего девять человек. Личности всех установлены. Все –

бывшие бойцы расформированного три года назад знаменитого Свердловского ОМОНа. В Москву, к Небурчилову, стянуты братьями тайно, по личным связям друг с другом. Настоящие профессионалы. Обучены, оснащены и обеспечены по высшему классу. Железная дисциплина. Такая команда, будь она в добрых руках, была бы образцом боевого оперативного подразделения. Первые контакты с командиром этой группы уже состоялись. Что они натворили под крылом Небурчилова, пока неизвестно. Со временем узнаем. Но похоже, что если не считать бандитских разборок, убийство Бойтова и его водителя и налёт на штаб-квартиру – их первые политические боевые акции.

Братья Гримм передали им приказ Небурчилова: немедленно грохнуть Бойтова и Перемилова, и они это сделали практически без подготовки: оперативную информацию подготовили братья, а схемы подобных налётов у них были уже наработаны.

Небурчилов свой жестокий ответ продумал, в общем, неплохо, но не учёл одного: этими акциями он сделал логичным их продолжение, то есть покушение на него самого. Этим просчётом сейчас нужно воспользоваться, тем более что и за Бойтова, и за его экономические преступления, и за налёт на собственную штаб-квартиру земля по нему давно плачет. О его гнусных извращениях и их жертвах я уж не говорю. Когда ему предложили сдать дела и уехать, он должен был понять, что речь идёт о его жизни и смерти. Он выбрал последнее.

– Есть два варианта, – продолжил генерал, – как там дела с его женой?

– С женой работа продолжается, но в данный момент о завершении говорить рано: когда рассудок её от ревности меркнет, она готова на всё, но эти умопомрачения она сама воспринимает как приступы болезни.

Фёдор в двух словах рассказал о встречах в кафе на Пятницкой.

– Тогда остаётся второй вариант, – вновь заговорил Бабыкин. – Сегодня же ночью показать кино братьям Гримм, пригрозить и склонить ихнейтрализовать Небурчилова. Сейчас не до смеха, но бумаги, подписанные им у Бойтова, звучат как продуманное завещание. Хорошо мы составили эти бумаги, в юридическом плане они помогут спокойно передать власть Борману.

Времени не хватает, и операцию надо начать сразу же, сейчас. Ваше прямое участие, Фёдор Дмитриевич, конечно, исключается, но скрытая поддержка выхода на братьев и наблюдения за ними нужна. Я с вашей помощью немедленно выйду на братьев Гримм, а мои ребята – на командира бывших свердловских омоновцев. Без них здесь не обойтись, придётся проверить их на вшивость. Времени в обрез, дорога каждая минута. Товарищ генерал, прошу немедленно объявить мозговой штурм.

Всем троим неимоверным, но холодным напряжением мысли, опыта и знаний удалось в течение считанных минут разработать оперативный план действий, на создание которого в обычных условиях ушла бы пара недель.

Через четверть часа Фёдор прибыл в офис и приступил к организации расследования налёта на штаб-квартиру, обеспечению надёжной охраны Бормана и других пострадавших, и массе других неотложных дел. Необходимо было подготовить руководство концерна к передаче полномочий руководителя и лидера партии Борману.

Перед рассветом на дачу Небурчилова прибыли братья Гримм. Они усилили наружную охрану, а пока новые охранники занимали свои посты, вошли в дом и

быстро, бесшумно поднялись наверх. Открыв двери своими ключами, братья первым делом укрепили неспокойный сон супруги. Затем надели перчатки и вошли в кабинет Небурчилова. Обратно они вернулись через минуту с опустошённой ампулой и шприцем. Умело обращаясь с этими предметами и с безвольными руками усыплённой женщины, дали ей «подержать» ампулу и шприц, после чего разместили их под её кроватью. Все эти действия заняли не более трёх минут. Заперев за собою дверь, братья спустились вниз, прошли в служебный флигель, и через некоторое время вместе с одним из охранников вернулись в дом. Там они поручили ему, ввиду особого положения, находиться всё время в прихожей и охранять вход наверх. После этого братья обошли все посты и уехали.

Проснувшаяся поздним утром супруга обнаружила мёртвого мужа, впала в истерику и вызвала наверх охрану и прислугу из флигеля. Охрана вызвала Юрчакова и милицию. Ещё до приезда Фёдора следователи при первом же осмотре нашли в спальне использованные ампулу и шприц. Начались бесконечные допросы жены, прислуги и охранников. Следствие затянулось на несколько лет и безрезультатно заглохнет.

В то же утро были установлены личности двух мужчин, найденных мёртвыми в джипе на кольцевой дороге. У них были найдены удостоверения помощников Небурчилова. Так стало известно об убийстве братьев Гримм. Расправа с братьями состоялась обстоятельно: сначала их расстреляли из автоматического оружия на ходу, а затем сделали по аккуратному контрольному выстрелу в голову из пистолета, числящегося в розыске МВД с девяносто второго года. Этот пистолет, попавший по случаю на Лубянку в девяносто четвёртом году, лежал на трупе одного из братьев. Через некоторое время баллистическая экспертиза установит, что братья Гримм были застрелены из того же автоматического оружия, что и следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Бойтов и его водитель. Упомянутый пистолет направил расследования убийств Бойтова и братьев Гримм по ложному следу. Других успехов у следствия по этим делам не будет. Расследование налёта на штаб-квартиру партии «Свобода» результатов также не имело.

Король умер – да здравствует король!

На панихиду и пышные похороны Небурчилова новый хозяин не явился под предлогом лечения ранений, полученных при налёте на штаб-квартиру. На самом деле Борман панически опасался новых покушений; травмы его – контузия, царапина на виске, сквозное ранение щеки и пять неглубоко засевших осколков в мяготи плеча и груди, были хотя и лёгкими, но болезненными, и для штатского человека сильно впечатляющими. Слабая степень поражения хозяина кабинета объяснялась тем, что в момент взрыва гранаты он оказался в секторе осколочной тени. Эту тень создала женщина, поднявшаяся для доклада.

Борман, как ни старался, не мог разгадать ни причин, ни инициаторов нападений на Бойтова, Небурчилова, братьев Гримм и на него самого. Он не сомневался, что все эти «наезды» – действия единой, таинственной силы, ничем себя не обнаружившей и поэтому становившейся в его глазах ещё более опасной и зловещей. Ему вспоминались отвлечённые, но упорные намёки Бойтова на возмож-

ность ухода Небурчилова и свои двусмысленные ответы на них: значит, Бойтов что-то знал об опасности и поэтому погиб? И потому же его самого, ни в чём неповинного, чуть было не убили практически в тот же час... и вскоре босса, вернее всего, укололи, подставив его жену... и личную охрану грохнули через несколько часов...

– Кто и почему организованно, единовременно ополчился на концерн? – с гложущим беспокойством размышлял он. – Какова цель этих коварных врагов? Конкуренты? – Но в какой области? Самых везучих мы либо купили, либо же стёрли в порошок ещё два года назад. Политики, правительство? – Нет, мы уже давно запрягли их в свою упряжку. В чём же дело? Чем мы отличаемся от других? Ничем, только, может быть, научным потенциалом? А в таком случае, может быть, в нём-то всё и дело? Может, кто-то пронюхал про наши психотронные исследования и даёт нам знать об этом? Потому, что хочет войти в долю? Другого ответа сейчас нет. Значит, надо немедленно защитить питерскую контору и её идеолога – профессора Ликушина.

При первых же встречах с Фёдором Борман потребовал усиления охраны научного центра и лично Эдика; когда же Фёдор сообщил ему о предсмертном завете Небурчилова на ту же тему, Борман полностью уверовал в единую версию происшедшего: причиной нападений являются успехи в исследованиях питерской Спецлаборатории. Кто и почему был заинтересован в этих происках – дальше он, как и Небурчилов, продвинуться не смог. Было решено «спрятать» Эдика на некоторое время в подмосковном Китово, в Клещёвке – идеальном убежище, приобретённом концерном два года назад именно для таких случаев.

Депортация Эдика из Питера в Клещёвку состоялась не без сюрпризов: профессор сначала никак не мог понять целей и экстренных обстоятельств этой акции.

– Налёт на штаб-квартиру? Смерть босса и его охранников? Покушение на Перемилова? Конечно, я глубоко соболезную, но я-то тут при чём? Прячьте своих стратегов, политиков, или бухгалтеров и других остолопов, наступивших кому-то на хвост!

Если бы не Фёдор с его знанием тщеславия Эдика, переговоры по добровольному заключению в психбольнице, даже комфортабельной, могли бы просто зайти в тупик. Когда же Фёдор доверительно пояснил Эдику, сколь значимы и секретны его труды, сколь велики и непредсказуемы их результаты, Эдик подумал и дал своё согласие. Сразу же после этого он со всеми предосторожностями был доставлен в Клещёвку как анонимный пациент. Одновременно Фёдор обратился к доктору Визингу с конфиденциальной просьбой провести тщательное обследование состояния здоровья профессора, в поведении которого сотрудники начали отмечать некоторые странности. Для поддержки темпов и качества исследований между Спецлабораторией и Клещёвкой была установлена оперативная челночная связь: ведущие учёные регулярно докладывали Эдику состояние работ.

Все эти беспокойные дни Фёдор звонил Свете с одним только вопросом: как дела у Надежды? Ответ был один: с Надей что-то случилось. Она отказывается от встреч и даже от телефонных разговоров. На работе неожиданно взяла отпуск. Занимается больными родителями. Ни о чём рассказывать не хочет.

Эпилог. Судьба надежд

Как бы ни сложилась твоя судьба, верь своему имени!

В Клещёвке – престижной психушке доктора Визинга, куда заботливо укрыли Эдика, контингент оказался на удивление дружным и мирным. Военное братство объединило здесь больных, нуждающихся в лечении прежде всего покоем, дружеским участием и стремлением выслушивать откровенные взаимные исповеди. К моменту укрытия Эдика в отделении пребывало два десятка больных; большинство из них прибыло на лечение недавно и ещё полностью на новом месте не освоилось. Были, однако, и старожилы, в том числе отставной генерал, Герой Советского Союза Михаил Сергеевич Дунилов, лечение которого у доктора Визинга всё больше и больше затягивается.

Все обитатели отделения сразу же после поселения Эдика в самую комфортную палату поняли, что он находится на особом положении, и проявляют к нему строгую субординацию, отдавая честь и обращаясь к «товарищу профессору» исключительно «на вы». Особое впечатление на весь контингент производят регулярные и частые посещения его учёными из конторы, которых, согласно местной легенде, больные принимают за важных консультантов-психотерапевтов. Авторитет Эдика среди контингента достиг абсолютных высот, когда стало известно, что у Эдика в достатке водится высококачественное спиртное и он всегда готов им поделиться.

В Клещёвке Эдик особенно подружился с генералом Дуниловым. Эдик с соболезнующим интересом выслушивает его рассуждения о гражданском долге, верности присяге, народном гневе, возмездии и воспринимает их как очевидное свидетельство полного помешательства генерала. В ответ он пытается помочь генералу сориентироваться в реальном, земном мире и излагает ему современные взгляды на духовные ценности:

- Верность – это духовная ограниченность, вызванная комплексом неполночленности.
- Доброта и милосердие – это меры отчислений в благотворительные фонды.
- Красота – это повседневный харч избранных, сильных мира сего.
- Правда – это наиболее подходящая для текущей конъюнктуры версия.
- Скромность и смиренение – это всего лишь изощрённые формы тщеславия.
- Совесть – это болезненное проявление комплекса вины.
- Справедливость – это выгодное распределение добычи.
- ...И так далее.

В ответ генерал, слушая Эдика, с тайным сочувствием думает: как могло случиться, что у одарённого, ещё совсем молодого профессора вдруг поехала крыша, и он стал бредить сумасшедшим циничным вздором (генерал считает, что Эдик разделяет с ним хлеб и кров Клещёвки именно по этой причине)? По привычке генерал во всём винит власти и коварных внешних врагов. Он глубоко жалеет профессора и иногда от сострадания, усиленного скрытной выпивкой, пла-

чет на его мягкому бескрайнем плече. Эдик, чуждый сантиментов, терпит его рыдания и мокроту своей вычурной домашней куртки, – ему искренне жаль бедного синеглазого лётчика, в совершенстве узнавшего небо и так и не сумевшего понять суть жизни на земле.

Эдик внесён в списки депутатов Госдумы второго созыва, однако пока по-прежнему спрятан в престижном дурдоме доктора Визинга: Борман дорожит им как неповторимым гением. Новый лидер мучительно опасается неминуемых происков зловещих, оставшихся неизвестными врагов концерна и партии, а также возможных скрытых сторонников Небурчилова. Недавно Борман, вспомнив сталинские шарашки, поручил своим экономистам посчитать, во что обошёлся бы перевод всего состава Спецлаборатории к Эдику, в свободное здание на территории Клещёвки. Сумма получилась немалая, и только благодаря этому Фёдору с большим трудом удалось убедить нового босса оставить всё на своих местах. Пребывание Эдика в Клещёвке постоянно продляется не только Борманом, но и доктором Визингом: систематическое наблюдение за поведением профессора показало, что в ближайшее время может произойти рецидив глубинной душевной болезни, грозящий полным, безвозвратным помешательством.

Став главой концерна и лидером партии, Борман не только доверил Юрчакову собственную безопасность, но и сделал его вторым лицом среди руководителей концерна. В то же время отношение Бормана к Фёдору становится всё более настороженным: постоянное рабочее общение помогло ему не только глубже осознать роль Фёдора в развитии психотропного проекта, но и понять общую, редкостную природную одарённость этой личности. Холодный рассудок Бормана вновь и вновь возвращается к вопросу: как обеспечить максимальное использование способностей Юрчакова, не дав ему занять своё место? И всё чаще и чаще Борман приходит к мысли о том, что максимальную выгоду от Фёдора он смог бы получить, выдвинув его на самые верхи власти.

Добрая, красивая, милая Светлана разрывается между своей любовью к Фёдору, тревогами за больного отца и покинувшую её Надю. Окончательно потеряв надежду выйти замуж за своего любимого, она уговаривает его хотя бы подарить ей другого, маленького Фёдора.

Надежда никому ни единственным словом не обмолвилась о том, что с нею произошло вслед за банкетом. Первые дни после истязания она была близка к помешательству. Ни с родителями, ни с близкими общаться она не смогла, – так велико было её отчаяние. Огромную сумму денег, которую оставил у неё один из братьев Гримм, она сгоряча решила потратить на заказное убийство Небурчилова, смутно догадываясь о его грязной роли. Услышав сообщение о смерти олигарха и промелькнувшее на втором плане известие об убийстве двух его охранников, она приняла это за возмездие свыше и решилась, наконец, покаяться и рассказать всё своему батюшке на исповеди. Священник в молитвах за неё размышлял несколько дней и благословил использование денег на лечение родителей. Скрепив сердце, Надежда занялась отправкой родителей на лечение за границу. Но на этом мучения её не кончились: вскоре обнаружилось, что она заражена какой-то особой дурной болезнью, и ей самой пришлось обратиться к врачам. Через несколько месяцев её вылечили ценой полного удаления детородных органов; операция прошла с осложнениями, и она едва выжила. Выйти из состояния глубокой

депрессии ей помог по просьбе Фёдора доктор Визинг. Он же посоветовал безысходно отчаявшейся Наде сменить обстановку: съездить в зырянскую глубинку, к своему бывшему пациенту отцу Антонию. Через несколько месяцев Надежда вернулась в Питер, продала квартиру и снова уехала в то же коми село работать в новой воскресной церковной школе, теперь уже навсегда.

Послесловие автора

В середине семидесятых годов прошлого века в моей жизни пересеклись два события: посещение родины предков и первое знакомство с текстами Священного Писания (отправляясь на осеннюю охоту в глухие леса бывшего Яренского уезда, я взял с собой самиздатовскую копию Нового Завета). Целыми днями я бродил по лесам, а свободными вечерами вчитывался в Великие Послания из глубокой древности.

От старожилов я узнал, что местные лесные массивы планомерно обрабатываются химическими реактивами с воздуха в интересах лесозаготовок: тотальная обработка огромных пространств преследовала цели угнетения лиственных пород для стимуляции ускоренного роста хвойных. О судьбе прочей флоры и всей фауны, по-видимому, было решено не думать. Бесшумные ковровые бомбардировки насыщали ядами все компоненты многосложного процесса обмена веществ в бурном кotle лесной жизни: почвы и болота, реки и родники – все то, что питало и поило многообразный растительный мир, диких зверей и птиц, рыб и рептилий, земноводных и насекомых, людей, их посевы и их домашних животных. Никогда раньше, за многие тысячи лет своей жизни, не испытывал лес такой напасти.

– Это не мое, это не от меня! – мучительно стонал он, не в силах бороться с отравой. Люди же, творившие это отравление, по-прежнему пожинали урожай от своих посевов, растили скот, собирали ягоды, грибы и другие дары леса, добывали лесную и водную дичь, ловили рыб. И ели со всем этим разлитый ими самими яд.

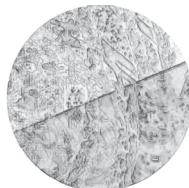
Резко упала численность всех видов дичи, сузилось ее разнообразие. Старожилы почувствовали, что у уцелевших видов живности изменился вкус: мясо рябчиков утратило былую нежность, зайчатина потеряла характерную душистость, утки независимо от породы попахивали мылом, разные виды рыб почти лишились своих самобытных привкусов, а сами рыбы стали какими-то квельми и гораздо скорее портились.

Приехав с издерганными на работе нервами, я воспринимал это несчастье особо болезненно. К концу дня, когда заканчивались благодатные вспышки охотничьего азарта, когда проходил гордый восторг от показа добычи домашним, когда завершалась вкусная благодарная кормежка собак, я возвращался к размышлениям о зловещей участи лесного края. Читая Евангелие, я постепенно пришел к аналогии, подсказанной «Откровением Святого Иоанна Богослова»: то, что произошло с лесом – нашествие неодолимых смертоносных сил – это его Апокалипсис, его кара, его агония. И «Откровение» подсказывало мне, что это – только начало преломления первой из семи печатей, только предчувствие того, что в будущем произойдет с человечеством и со всем миром. Осмыслив давние смутные

подозрения и догадки, я начал пристально копаться в себе и в других, отыскивая и повсеместно находя активные зловещие ростки из грядущей общечеловеческой драмы – нашего будущего. Некоторые итоги этого тревожного созерцания отражены в повести «Надежда».

Препарирующий человеческую личность прежде всего находит в ней отображения других личностей. Поскольку восприятие внешнего мира каждой личностью глубоко индивидуально, все эти отражения неадекватны оригиналам: в воображении одной личности другая может совершать действия или даже вести образ жизни, совершенно ей не свойственный. Соответственно, невозможно оспорить правоту старой истины: всякий пишущий с натуры получает лишь искаженные его восприятием образы, содержащие к тому же неадекватные отражения друг друга. Таким образом, эта повесть, как и все другие художественные произведения, – личностная трактовка всего окружающего, то есть призрачный хоровод несуществующих фантомов, их иллюзий и лукавых игр друг с другом и с нами, реальными и неповторимыми смертными. С учетом этой оговорки, все персонажи повести списаны с фактических прототипов. Жизненные судьбы и житейские эпизоды также списаны с натуры, то есть реальны в таком же контексте.

Вся повесть в целом и каждая ее глава – это аллегория наблюдения, высказанного в ее эпиграфе. Эти аллегории создавались в виде описаний поведения и устремлений персонажей, от рождения повязанных кровными узами своего этноса, в данном случае – русского, а, возможно, и российского мегаэтноса, если считать, что таковой существует. В свою очередь, судьба каждого персонажа – это аллегория участия отдельного дерева в пораженном дремучем лесу и его роли в жизни-болезни этого леса. Возможно, все эти образы гармонично вписываются в метафизическую картину движения мира, созданную Великим Иоанном Богословом в его бессмертном «Откровении», не оставляющем у верующих никаких других надежд.

Александра Мишарина

Александра Петровна Мишарина родилась 19 декабря 1946 года в селе Большегородок (Быдзыгвидз) Корткеросского района Коми АССР. В 1968 году закончила Сыктывкарское школьное педучилище. С 1975 по 1981 год была сотрудником журнала «Войвыв кодзув». Работала также в газетах, на радио, в Сыктывкарском педучилище. Член Союза писателей СССР.

«Съёлём бердёдз ставыс инмё...»

Александра Мишарина лён ветымын вося юбилей кежлёр дасьтысигён вёйисны пасыйны сийёс Куратовской музейын. Сандралён воча кывыйыс вёлі джененыйд: «Кула да, сэк, колёк, музеясьё, а он гортё, көсъянныц кё, волёй, а он кё-й...». Сандра кодьёмъяс йывсыыс шулывлёны, челядь руа пё. Да нёшта и кедзовтігемоз шуасны муккоддырыйыс. А збыль вылас, челядь руыс миян быдёнлён эськё эм, сёмын унджыкыслён сийё вывті пыдё дзебёма, вывті нин «верстё обществоын» олам да. А поэтъяслён сийё, тыдалё, вывті матын да ёдйё и петё, ёд Сандралён, аслас шүём серти,

Мый съёлёмой кылёр,
Сийё-й чужём вылын.

А думыштлыны кё, челядь руаыс челядь кодь и восьса съёлёма. Эм Сандралён ёти кывбур, кёні петкодчома, ме думыссы, сылён став пытшкёссалуныс:

Мёд тёв канькод карын олам,
Кургам-мургам ныр на ныр.
Сёмын ётиторыйыс пола:
Каньсысы водз мед ог жё быр.

Думыштны он куж – мед жё бара каньыс ётнасон оз коль. Оз бара мортыс ас йывсыыс первой думышт. Кыдзи нё ловъя лолыс, мортон видзан лолыс, вермас овны ётнас?! Вунёдны тай ми тайёс кутим – кывкутны кёть нин асланым челядь вёсна, бать-мам вёсна. Чорзьёны, буракё, миян съёлёмъяс. А эськё, и вёчныс ёнассо нинём оз и ков – восьста съёлёмтö. Дерт, восьса съёлёма мортыдлы унджык и инмё. И бурыс, и омольыс и бурджык, и омольджык йёзкод паныдастьлымыс. Дойыд, дерт, унджык сюрлёр, но и радлунынд сы мында жё содё, ёд

Быдтор съёлём крукыштö,
Быдтор съёлём кылёр.

Во дас вит сайын кымын ёти тёдса шуліс меным, мыйла по тэ ас йывсыыд гижан? Ассыыд дойтö да радлунтö по колö ас пытшкад видзны. Чорыда ме думыштчи, а сэсся коркö регыздя кадö аддзысим Сандракöд. Ме казьтыштi сiйö мортыдлыс кывъяссö да и юалi Сандралыс, а тэ вот, мися, кыдзи думайтан? Сiйö весиг здук эз думышт, пыр и крапкис: «А код йылыс нö сэсся поэтлы гижнысö? Дерт, ас йывсыыд». Ставсö, став ассыыд олёмтö, кыдз шуö Сандра, окота сыланкывиö портны.

Дерт, поэтлон оз став олём чукыль-мукульыс шуда сыланö поёр.

Кыдзи часын кёккис, ме ола.

Вöрса лäбач моз сывынысö пола.

Но век жö Сандралён унджык кывбурас нюмъялö шондi. Бöръя кывбура небöгас, лыдди да, квайт кывбурын дорвыв шондi овмöдчома. Да и тулысыс медся ёна ыджыдалö. Öд тулыстöгыс да шондитöгыс – бурас, водзö вылö олёмас эскытöгыс – мыйла и овнысö.

И гаръяс гörдзасигён пулы
Шань югоръяссö шондi койö.
И овны кösся сьёлём дойёдз,
Öд чужан мусын бара тулыс.

Татшöм кывбуръяссö лыддигён сьёлёмын збыль оидö тулыс, и овнысö окота, и аския луныслы эскыссыö, и талунъя сьёкыд лунъясыс кажитчöны кокниджыкён. А кымыныс овлö, кор сьёлёмыд нормö, и ачыд он тöд мыйлыс, а кылан:

Кузьён мед лоас на,
Мамукöй, нэмыйд.
Ловъя кö тэ,
Меным нинём оз ков.

И личалö сьёлёмыд, кокни синваён ыльбётö норыд.

Сидзё, збыль коркö шуліс меным Сандра, ас йывсыыд по колö гижны, да гижнысö колö сидз, медым йöзыс лыддисны да шуисны: «Да тайö жö ме йылыс гижёма!» Да мед быттьö налён синъясон тыдовтчö, мый тёвся асылын «...оз узь нин, а дизирдалö сикт».

Дерт, меным сетöм «медводдза гижан урок» дырый Сандра тöдис, мый поэт оз вермы йёршигчыны сöмын ас пытшкас. И сылён вель уна кывбур йöз йылыс, öнiя олём йылыс, но и наын быдлаын тöдчö Сандралён дойыс да радлуныс, Сандралён мёвпъясыс. И найö чужтöны поэтлон кодь жö мёвпъяс:

Салдатöс велёдöны лыйны,
Оз вöравны да пöтка кыйны.
А лыян пасыс сылён – морт.

Сьём вылö,
кёинёс моз, вины
том зонмыс
мунö чужанынсыс.

Нинём абу веськодь тайö му вылас. Ставыс поэт сьёлём да вежöр пыр мунö. Тыдалö, тайö ассыыд да йöзыслыс олёмсö öтлааститöмын и эм кутшöмкö гусятор, да тайö гусяторсö стöч кывйён восытыны кужёмыс и лоö Поэзияён, а күжиссыс лоö Поэтён.

Мукёддырыйыс думыштла, а корджык ми тёдмасим Сандракöд, да стöч лыд-
пасыс оз и сюр. Тыдалö, матысса лола мортыдкöд и збыль тёдса нэмтö. И олёмсö
сылысь тёдан, и этшсö, а век жö поэтлысь медся гуся, медся пыдö дзебöмторъ-
яссö тёдмалан сёмын кывбуръяссыс. И лыддян, лыддян, лыддян, чуймалан да
водзö. «Ме народной поэт», – коркö шуис Сандра. Ме падми – татшöмторыйыс
быттьö эсъкö кывсыывлö. А сïй аддзис, тыдалö, менсыым чужёмös да нöшта на
серьёзнойджыка содтис: «А мый? Ме нэмös ола среди народа да, дерт, народной».
Да сэсся зэ-э-эв гылыда серёктис.

Шмоньлив да серам вомдора ёрт, мамлён вежавидзысь ныv, вёр-ва аддзысь-
кылысь, чужан му да став енма-муа вöснаыс виссысь, восьса сьёлёмён став йözsö
сывъялысь, но сæk жö нэмсö чёж и вильыш ныvка.

Мед эсъкö и водзö вильшашьомыс оз коль Поётöс, öд кыздзи ачыс гижö:

Вын-эбöсöйлысь түймсö
ме выллысь кыла.

*Нина Обрезкова, Россияса гижысыяслён
котырё пырысь*

Александра Мишарина

«Мед сёмын кывбуръясным воасны бур йöзöдз...»

Эновтас кё сыланкыв

Квайтымын во,
а быттьö эг и овлы.
А век на быдтор
колö пöttöм ловлы.
Да кöть сё во,
историяллы – нем.
Син лапнитöм көдь
сёмын мортlöн нэм.

А век жö уна туй нин
мунi-ветлi,
И сёмын гортлань
кыпыйдöн ме петлi.
Эз босытлы менö сэки
немся шаг,
Эг пöрт кöть олёмö
ме пуктöм мог.

Сæk сыланкывийöй
вёр-васыс и чужис.
И сёмын сïй менö
кутны кужис.
И кыпöдлiс бöр
помöдз усьём лов.
Не сïй кё, ме,
гашкö, эг и ов.

И збыльысь шуда вöлi
сёмын сыкёд.
Эг вöв ме öтнам,
пыр ми вöлiм кыкён.
А эновтас кё сïй
менö тшук,
ог ов ме му вылас
ни öти здук.

* * *

Коми муёй менам дженыыд гожёмъяса,
Но и сийё менам состом пожёмъяса.
Коми муёй менам веж морозъяса,
Но и сийё менам мича козъяса.

Коми муёй менам зэра аръяса,
Но и сийё менам байдёг-таръяса.
Коми муёй менам зыбуч нюръяса,
Но и сийё менам съёла-уръяса.

Коми муёй менам кёдзыд вой тёла,
Шуда да быд уджысь повтём войтыра.

Меным уна оз ков

Меным уна оз ков,
Сёмын вёлі мед код дорё пырны.
Меным уна оз ков,
Сёмын йёзкёд мед овны да вывны.
Меным уна оз ков,
Сёмын йёзыслы колана вёлі.
Меным уна оз ков,
Медым олёмсыс радейтём кёлі.
Меным уна оз ков,
Медым вёліны орчён пыр ёртъяс,
Состом думъяса, съёлёма мортъяс.

Мамёлы

Некод оз веж
Тэнсъыд муслунтö, мамё,
Тэнлыш моз
Некодлы
Сидзи ог ков.
Сёрнитан зэв нин тай
Лёня да рама,
Эн на вай омольтчи,
дырджык на ов.
Төвся бур туй дырый
бара на вола.

Пывсям да пукалам
тэкёд ми дыр.
Тёдмала, сиктыс
кызд ёні нин олө.
Сы дорё муслуной
эз на ёд быр.
Кор менам лов вылын
съокыд да пемыд,
съёлёмөс бурдодан,
кыпёдан лов.
Кузьён мед лоас на,
мамукой, нэмыйд.
Ловъя кё тэ,
меным нином оз ков.

* * *

Сувтны эськё пелысьён
Тэнад ёшинь улө.
Дзоридзавны син водзад,
Гажёдны быд тулыс.

Лоны эськё шондёйн,
Суны узянинад.
Шоныд, мелі югёрён
Инмёдчыны дінад.

Петны эськё тёлысьён,
Югдёдны мед войсö.
Висьё кё том съёлomyд,
Юкны ётмоз дойсö.

Лэбны эськё лун тёлён,
Тэнё туйысъ корсыны.
Тёдлытёгыд сывыйштын,
Шёвк юрсинад ворсны.

Сыывны эськё колипён,
Гажёдны мед тэнё.
Сөмын, муса мортаной,
Абу тай тэ менам.

Август тёлысь

Август тёлысь, август тёлысь
 Дзик жё мёд кодь коркё вёлі.
 Сэтшом кыпыйд, сэтшом гажа,
 Сöмын вёлі тай зэв важён.

Дzonьвидзаёсь вёлім, томёсь,
 Сикт кузяла помся помысь
 Коллявлімё гажа войсö,
 Кутлім мусаяслысь сойсö.

Ставыс кольёма тай бёрё,
 Муса томлун, съёлёмшёрой,
 Он нин некор сийös бергёд,
 Сöмын видзан съёлём бердад.

Мамёлон югыд паметълы

Рытъя кыа
 дзикёдзсо оз кус на,
 Асъя кыа
 шевкнитö нин борд.
 Югыд воя кадыс
 сэтшом муса.
 Сöмын кöдзалёма
 чужан горт.

Льём дзоридзкёд
 мамёй мунис сэтчö,
 кытысь сэсся
 некор нин оз лок.
 Нелямынысь
 сытёг шондi чеччö.
 Талун съёлём вылын
 сэтшом лёк.

Ковтём мортён
 ачымёс ме кыла.
 А ёд тайё,
 сё загреки, збыль.
 Сöмын тэныд
 ковлі ме му вылас.

Мед көтү вёлі
доймана, кызд мыль.

Вышивайтём
ки чышкёйд мунас
Ен джадж дорысь
нэмъяс кежлёт, сконь.
Сізд пё коло
нелямынёд лунас.
Сэсся-й пуксяс
мамукойлы лёнь.

Креста йёрад
нином абу сэні.
Ловъя йоз мед
казтыласны дыр.
А тэ колян
медмусаён меным
сэтчодз, кытчодз
ачым ме ог быр.

Коми поэтъяслы

1

Ыркнитіс ывлалыс,
Зэр тустьон коясь.
Лэбачъяс чукёра,
Унаён, сёясон,
Вына-ё, видлоны борд.
Регыд нин, донаяс,
Кузь туйё петнысö.
Чужан му оз вермы
Шоныдлун сетнысö.
Коло нин эновтны горт.

Пармаёс эновтысь
Лэбач кор гормылёт,
Та кадо сьёлёмой
Сы выйодз нормылёт.
Көтү сэсся ырзёмён бёрд.
Мыйла нё меным тшотиш
Муннысö ковмылёт.

Мамёлён керкаын
Ог тёр мёй овнысö?
Бара со син дорой гёрд...

2

Лöнь сиктъясын поэтъяс чужёны.
А каръясын нин сёвмö кужёмныс.
И кывбуръяас парма шöр
Ёсъ дойён шыасьё тай бёр.

И еджыд кока мича кыдзъясыс,
И катшасинма вёр да видзъясыс
Да юсьтурууна берег дор.
А, сидзкё, йитёдьис оз оп.

Мый радейтан ёд, мортлон съёлёмас.
А олёмас кё сийё волёма,
И кулан часодзыд оз вун.
Кöть сэсся му помодзыс мун.

Лöнь сиктъясо поэтъяс волёны,
Бёр мунны тшöктö найёс олымыс.
И чужан сиктын ме ог ков.
И карын петас менам лов.

Тадз волі век, и водзö лоас на.
Мед сёмын кывбуръясным воасны
Бур йёзбдз, кони сэтшом бур.
Од чужан мусыс шань оз сюр.

И эска, метёг дыр на сыласны,
«...И уна сюрс пель сэки кыласны...»
Зэв мича мыла коми кыв.
Енбия чужас пи ли ныв.

И воас кад, да сиджё бордъясяс.
Со, оні томыс мыйта ордыйсьё.
И кывбураалымыс оз ям.
Мед кодкё збайджык, кодкё рам.

И быдён аслас олём-вылёмнас,
Ас дойнаас, бур ног съёлём кылёмнас,
Кыдз быттьё меным вок ли чой.
И оз нин повзьёд локтысь вой.

Татьяна Канова

Татьяна Алексеевна Канова родилась 7 июля 1962 года в д. Колъель Сысольского района Коми АССР. Закончила в 1984 году с отличием физико-математический факультет КГПИ. Все эти годы работала учителем математики в Межадорской межпоселковой школе.

Впервые свои стихи опубликовала в районной газете в ноябре 1994 года. Потом печатали республиканские издания: «Красное знамя», «Республика», «Войвыв кодзув».

Выходил сборник стихов «Осиновая осень» в 2002 году.

Вселенная Татьяны Кановой

Масштаб настоящего поэта – Вселенная. Даже если эта Вселенная умещается в сердце человека, жизненный круг которого определен извечной традицией деревенского быта. Ведь полного счастья желает и мается его недостижимостью любой землянин, независимо от географии.

Признание, которое получила учительница из Межадора Татьяна Канова в своем родном Сысольском районе, на мой взгляд, лишь подтверждает это. Когда она уже во вполне зрелом возрасте решилась опубликовать стихи из своих «расхристанных тетрадок» в местной газете, самые чуткие из земляков первыми услышали созвучие их мыслям и переживаниям. Несмотря на техническое несовершенство, глубиной переживания и несомненными проблесками собственного голоса эти стихи обратили на себя внимание и профессиональных литераторов.

В Татьянином быту с тех пор, пожалуй, ничего особенного не произошло. Все так же колет дрова и топит печь в своем доме, все так же в учебном году учит межадорских детей, а на лето перебирается в Визингу в отцовский дом. Разве что собственные дети подросли да соседи косились стали поменьше.

А вот поэтический голос, его глубина и звучание несомненно окрепли. И дело даже не столько в «Осиновой осени» — ее первой книжке, которая увидела свет в Коми книжном издательстве, и не в приеме Татьяны в Союз писателей России. Они — закономерное отражение того расширения границ собственной кановской Вселенной, которое ощущается в ее новых стихах.

Андрей Растрогуев, поэт, член Союза писателей России

Татьяна Канова

«Каждому дому — тепло...»

* * *

В доме направо — пустые холодные окна.
В доме налево пока ещё теплится свет.
Я — посредине, и жизнь моя свечке подобна:
ветер покрепче подует — и пламени нет.

К дому налево тропинка всё уже и уже,
к дому направо по снегу не сыщешь следов.
Я — посредине, и дом мой заранее тужит,
как бы ему не застыть среди мертвых снегов.

Дому направо названье придумано: дача.
К дому налево сиротством крадётся беда...
Как я хочу, чтобы стало в деревне иначе:
каждому дому — тепло родового гнезда.

* * *

Второе января. Рассвет. Начало года.
Не видно ни души. Не выспался народ?
Колоть дрова зовёт морозная погода.
И я беру топор, иду на огород.

А солнце не спеша, раздумывая, всходит,
высовывая лоб из спящих облаков.
Я отложу колун —
с рожденьем дня приходит
в звенящей тишине рождение стихов.

* * *

Глядь: у иного стихотворца
за книжкой книжка — и опять...
Порой невольно шевельнётся
Непрошеное: не догнать...

В конторы множества издательств
не тороплюсь — я налегке.

Свободная от обязательств,
душа — не потакай руке.

Пускай иные в наказанье,
талант меняя на гроши,
растратят на книгоизданье
немногословие души.

* * *

И у меня есть в памяти места,
что при оглядке нравятся нешибко.
Но если бы да с чистого листа —
сумею ли не повторить ошибки?

И ложь меня, увы, не обошла,
и доброта не каждый раз спасала,
не все долги я людям отдала,
не те слова
и не тогда сказала.

Когда наступит мой черед уйти,
мне по грехам назначится расплата.
Чем оправдаюсь?..

Господи, прости
хотя бы то, в чем я не виновата.

Ночь весеннего равноденствия

За неровной строкой, за врождённой сермяжностью слова.
Ни изыска ума, ни тяжёлого груза наук.
Лишь бессонная ночь, да усталая поступь глагола,
Да на белой стене неизвестной породы паук.

Я не трону его. Только к Пасхе сметая тенёта,
То ль в урок, то ль в укор от соседки услышу слова:
«Ни к чему пауки — это лишняя в доме работа».
Если б знала соседка, насколько она не права.

Кабы не паутина, не копоть, не грязь, не пылюга,
То какой чистотой любовался бы чистый четверг?!

И паук на стене — только точка извечного круга.
Дело к Пасхе. Весна начинает обычный разбег.

* * *

Сколько слёз унесла океану река,
На её берегу я томилась пока.
И, бывало, хулила убогий приют —
Столько горьких раздумий мне выпало тут.
Я рвалась из объятий холодной реки.
Расставания с нею мне были легки:
На её берегу не нашлось мне огня —
Никакая любовь не держала меня.

Распрощаться навеки решила я с ней,
С нелюбовью отчаянно прожитых дней,
Каждой из одинаково тягостных зим,
С кучей дров, обречённых на пепел и дым,
Пленом снега на долгой дороге домой —
Этим зимам я так и не стала родной.

На весеннюю роскошь таёжной реки
На прощанье взглянула я из-под руки.
Столько вод унесла океану река,
На её берегу я томилась пока.
Серебро безвозвратности режет глаза,
Тонкой ниткой травы прорастает слеза.
Сколько слабых корней на чужом берегу
Оборвать просто так я уже не смогу.

* * *

Меня от тебя оторвали земные заботы.
Я жадно цеплялась за повод, пытаясь остаться.
И голос мой страстный сорвался на жалкие ноты,
Когда мои жаркие пальцы сумели разжаться
И выпустить руку твою из горячего плена
Всего, что нахлынуло с нашей нечаянной встречей.
Любовь оказалась сильнее разлуки и тлена —
Люблю, оказалось. Но тяжкою ношей на плечи
Земные заботы легли и на землю вернули
К тебе полетевшую с робкой надеждою душу.
Боюсь одного: что нещадно меня обманули
Ослепшие очи, от счастья оглохшие уши,
Что всё показалось, что всё обстояло иначе,
Что робкой надежды свечу я напрасно спалила,
Что я для тебя ничего в этой жизни не значу.

...Я пальцы разжала и с миром тебя отпустила.

* * *

Я выучу сама свои уроки,
свои ошибки исправлю сама.
Я выслушаю все твои упрёки,
суровая наставница Зима.

Ответы на мудрёные вопросы
в тетрадку аккуратно соберу.
Под серый плат растрёпанные косы,
боясь твоей расправы, уберу.

И обернется грамотой похвальной,
наградой ученических заслуг
в моё окошко радостной, нахальной
капели воробышковый перестук.

* * *

Стихи, вязанье — всё давно заброшено...
Весна пришла не гостьей — госпожой!
И взыскано безжалостно, и спрошено
с меня её хозяйскою рукой.

Но вот что странно: рухнув от усталости,
не проклинаю жизнь — благодарю
за каждый миг скромной крестьянской радости,
за каждую весеннюю зарю.

Владимир Тимин

Владимир Васильевич Тимин родился 2 июля 1937 года в селе Пажга Сыктывдинского района Коми АССР. Закончил Печорский речной техникум, заочно окончил филологический факультет Кому пединститута, работал учителем, был сотрудником Кому филиала АН СССР, старшим и главным редактором Кому телевидения, главным редактором Кому книжного издательства, заместителем председателя правления Союза писателей Кому, председателем Госкомиздата Республики Кому, главным редактором журнала «Войвив кодзув». Член Союза писателей СССР с 1982 года, заслуженный работник культуры Республики Кому.

Пармайн вошён БТР

Повесть

1993 вося йирым 4-ёд лунё

— Водзё! Нёшта водзё! Водзё-водзё... Стоп!

Повзьёдлан ыджда, съокыд Т-80 танк муростліс вынийёра двигательнас да трон сувтіс Москва-ю пос заводитчанын, ю таладорас на...

XXI-ёд нэмся танк, тадзи шулывлённы сы йылысь — уна сикас позялун сертиыс и ёд сертиыс: ылысь казялас наян вёрёгос, босьтас мет вылёт лазер отсёгён да пазёдас медводдза лыйёмён. Кёть мый. Кёть кодос. Сы лыдын и енәж иирын лэбисьёс. А асьсо нинёмён он босыт. Сылы паныд лэдзём ракетасо мато оз сибёд — тыдатвом ылнаын на, вотёдзыс, чашвартас. Дасть и ядерной тышё пырны.

Но уджыс Т-80 медся онъя танклы вичмис сізд шусяна перестройка кадо Москва шёрын...

Механик-водитель Серафим Чупров быйкнитіс-видзёдліс триплекс щельёб пыр водзланьё: танкыслы паныда банвидзис Россияса медвылыс Сөветлён уна судтаа мича Еджыд керка. Дышпрысыс быттьё, ньёжий люгисны арся енәжті руд кымёръяс, мыччысыліс корсюрё шонді. Йівлайыс ыркыд. Мыйкё градус дас кымын.

Эз на и важён, тёллысъ-мёд сайын, Серафим вёвліс нин тані — Москва-вд лунтыр новлётлісны ыджыд ёшиньяса автобусон матігёгёрын служитьсь салдатъяссо, петкётлісны Россиялысь юркарсö. Кежёдлісны и татчö. Сәки гежёд

mort вұджортліс син водзын. Ӧні Еджыд керка гөгөр тырыс жөдзисны йөз. Лыдтөмтштöttöм. Он гөгөрво, күтшом мөгөн чукортчомаёс. Да и нёшта на воалоны. Керка водзас, шёр пыраніласянь матындық, суаліс ОМОН, визьон-визьон, ёрта-әрт дінас топодчомён. Быдёнлон бердас резина бедь, водзас ѡшало пельпомас волысалом дженеңыдик автомат. Гораліс радио, мыйоқо өтырыш чуксаліс, мыйыссықо өлөдіс.

Виччысъстöг кыліс лыйём шы. Кысянь — Серафим ээ казяв. Сэсся мёд, коймёд лыйём шы. Уналадорсиянь күтіс кывны лыйсъом шыыс. И со, өти котörtтис (код тёдас, кытчо да мыйла котортö) паськыда шевгöдіс кияссö да пласыт уси чорыд изэрдас. ОМОН тэрýба паськöдчис. Еджыд керкаö некодöс ээ лэдз, а петысъясоs ээ кут, но и ээ дорый на вылö ыршасысьясысь. Мёвкъялісны юръяс весъстын резина бедъяс. Лыйисинсны кыдзсюрө. Сэсся, өтка лыйсъомъяс бöрын, сяробтісны автоматысь. Йоз мёдісны гылавны өти бöрся мёд. Гызьомыс содіс.

Серафим шемёсмис (абу-ö нин лёк вёт тайö?). Россиялён Медвылыс Сöвет... И мый тані вöчсö? Серафим чайтіс, лоö мыйкö парад сяма, журъялыштасны народной депутаттаяс водзын, дерт, налён корём серти. Петкöдласны армиялыштын выниёрсö танкъяс да бронетранспортёръяс налён, Тульской дивизиялён кындзи, Таманской да Кантерировской дивизиялён...

Веськöдліс танкён талун ачыс комбат, майор Гридин, ас местааныс пукалісны ёртъясыс Серафимлён. Майор, восьса люк сайын, горзаннога сёрнітіс кодкöдкö радиопель пыр, явö тшötтасысь. Матькыв чегліс ээ өтчыдысь. Гёлөс сибдылём выйöдз. Сэсся крап пöдлаліс люксö...

Серафим ас кежсъыс дивитіскодь майорöс понъясян кывъясысь, ичтотысъяныс абу велалома таö, но и сылон виччысъстöг артмис изыватас ног ёрчыштöм... Майор тшöктіс öрудие дорсалы босытны мет вылö сизимёд (мыйла буретш сизимёд?) судтысь өшинь да сибдом гёлөснас городіс: «Би!»

Руд тшын пуркнитіс Россияса Медвылыс Сöвет керка өшинысь. Тырисны тшынён и мукöд өшиныяс — уналадорсиянь лыйлісны Россиялыштын парламент куим дивизиялён татчо вайöдöм танкъяс. Өшиныяссö, тыдалö, юклöмайтас.

«Ассыным парламентнымöс лыйлам, — вирдыштіс юрас Серафимлён.— И ме öд коркö бöйысылі тшötш. И меён бöйём морт кёнкö сэні. Аттö! Мыйта бурсö кёсйысыліс вöчны ёртъясыскöд. А ми танкъясысь на кузя...»

Мый ми вöчам!

Мый ми вöчам!

Неважён на, Россияны демократия лöсъöдöмсö ошкöмён, гаравлісны командиръяс Чилиын Ла-Монеда дворец лыйлём, танкъясысь жö. Дивитлісны. Тшöктöма пö лыйлыны генерал Пиночет, а водзасасьома Сальгадор Альянде, конституция серти бöйём президент. Но миян пö татшöмис оз вермы лоны, тöдчöдлісны казармаясын. Россиялыштын Конституция пö некор оз ло торкöма.

И со, — бара йирыштіс мёвп,— асъным бöйим, Ӧні асъным и сизъдам-лыйлам став йоз син водзын. Оғо нин торкалö Конституциянымöс, а талялам кок улын. Артмö, и ме тшötш таляла. Тані мыйкö неладнö.

Здук кежжö вежёрнас Серафим аддзис пöльсö — сiй öні абу нин ловъя,— кольём войнаö воöдчома аслас самоходканас Берлинöдз, весиг рейхстагöдзыс. Быд өшиньö пö, кысянь воча лыйлісны, снарядён вочавидзлім. Вештысим тырыйё фашистъяслы став вöчом лёксыс. Тайён пöль ошысыліс күвтöдзыс, торйён

нин, гажёдchan рытъясö ылi Комын — Сизябсын, Ыбын, кызд шулöны асыныс сэтчöс иззватас войтыр. Но сэки вölі Айму вöсна вир кисьтана тыш. А онi тышыс мый вöсна? Кодöс доръя? И мыйён кутас ошиысыны гортас сiйö, ефрейтор Серафим Чупров?

Гöгöр швичийöдлiсны пуляяс, горзiсны-котралiсны весьöпöрöм йöз, а Т-80 танк гыпийöдлiс майор Гридин горзан шы улö тшынсыыс пемдöм нин уна судтаа керкалань снаряд бöрся снаряд. Тыртöм гильзаяс дзенакылiсны мыш сайын. Сибдöм гöлöсöн майор тшöктылiс вуджöдны метсö öти öшиньсянь мöдö. Сьöд тшын пырыс, вералöмöн, бандидзис сiдз шусяна Еджыд (дзик неважöн на лым еджыд) керка. Öшиньяссяныс чепсасисны ортсо багралан тшын гыяс, паськыда сьöдöдiсны стенъяссö. Жыръясас ыппялiс би. Сэнöс, кöнkö, и миян народной депутаттьяс.

Серафимлы кутiс кажитчыны, мый вöрзис вежöр вывсыыс. «Тайö олöм вабергачас кодлыс грексö вешта? Мыйла ме? Отa-мöднымös виялам. Тадзнад коркö ставыс помасяс. Кутысь абу. И нинöм некöн оз ло...»

Майор Гридин мыйкö горöдiс. Серафим эз кыв, но гöгöрвоис, мый вылiсиян тшöктиcны дугдыны лыйлыны. Öрудие чöвланьтiс. Сыдорын ноксисны кык ёрт Серафимлон, башнёръяс, кызд найöс шулiсны, мыйкö броткисны ас костаныс, и налыссы пöссывывсыыс шуасьöмъяссö ылöсас позис жö гöгöрвоны. Эз нимкодяссыны вöчöм уджнас. Майор дыркодь кызвiс кодöскö радиопель пыр, бара кыза ёрчыштiс да тшöктиc пырысъёт-пыр вешийны кöрт пос вывсыыс. Танк бöрынътчис, а сэсся, небыда, муркйöдлiг, мöдöдчис сылань, кытысь воис. Вочасöн öтлаасисны мукöд танкъяс, БМП-яс, БТР-яс. Öти бöрся мöд Россиялöн юркарса паськыд уличьясад мöдiс грымакыны вынйöра бронетехника.

«Быттьö суйöр сайса карöд мунаам». Серафим видзöдлывлiс мунан туй öтармöдараас сулалыссы зумыш чужёма йöзлань. Кодсюрö чургöдö кабырсö, унджыкыс веськодя сулалöны, колльöдöны синъянсаныс — некутшöм кыпыдлун, нимкодьлун («Эгö мой найöс дорйöй мыйысык?»). Сöмын кодсюрö чолöмалö — киас сүлеяён. Гажа.

Да, венöма лои президентлы паныц мунысъяссö. Но венiс эз демократия, венiсны танкъяс.

Коли вежöрас Серафимлон и татшöм серпас: арлыда нин морт, дзор юрсиа, сулалö неуна водзынджык ставсыыс и чуньнас скöра зэв öлöдö... Серафимös. Буретш сылань и видзöдö. Дивитöмён. Мыжалöмён. Скörссыыс-скöр. Войнаса ветеран, тыдалö. И — Серафим чермуналiс весиг: öлöдьес дзор мортыс кувсöм пöлlyыс кодь дзик...

Ылын-ылын, Из сайын...

— Но тэ и герой, ефрейтор,— дивитiс Серафимös сылён выль ёртыс, Влад Оболенский.— Тульской дивизиясы веськавны чörтys тöдö кытчö... Тульской дивизиятö Россия пасьтала тöдöны, а миянöс и асланым начальствоным вунöдiс. Да и миянöдз-ö онi?

Кыкён найö дасытiсны кузь туйö гожся вöр-вавыскöд сорласян рöма бронетранспортёр, дженыыда кö, БТР, шулiсны ас костаныс и «бэтра», «броник» — уна ног, кодлы кыздзи кажитчö. Танi вужъясис «броник» ним. Туйö лöсöдchan

уджъяс мунісны әз нин öти лун. Серафим зіліс быдлаö инмёдчывны — двигательсöүн дүйнөдігөн öдсö содтылас, чинтылас, вежласяна шыясö кызысыгмоз, легзьöдлес кутшомкö гайка, бöр зэвтас. БТР-ыд абу танк — сэні, танкас, штурвал, самолёт кодь, а тані руль, танклён кык гусеница, а тані кокъямис гёгиль. Жугалас кö öти, либо кык, весиг дзикöдз кö торъяласны, БТР оз сувт и вермас мунны водзö. Унатор тані мёд нога, но Серафим — бур киподтуя, быд выль удж öдйö гёгёрво.

Влад — сiйö Серафимысь кузьджык тушаа, серамбана морт, шмонитысь, орчён мошкоритчö, но ёна пыдö оз сюйсы. «Кымын этшаджык гудыйсян движателяс да мукöдлаас, сымын ылоджык броникным нуас», — шмонитiгсор шулiс сiйö.

Бöрынджык нин коркö Серафим тёдмалас, мый радёвой Оболенский вёлёма старшой сержантён Серов карын, Обь ю сайын, Урал-Из бокын, кодарлань öнi мёддöчоны и кöнi суало радиотехнической полкныслон штабыс. Тасянь сiйö ылын, ой-ой-ой. Сэнi татшом жö БТР-ын новлодлёма комполкасö да мукöд гырысы начальствоös. Но öтчыд, рытъядорыс, уйкнитёма гусьён самоволкаö, кутшомкö топыд вир-яя ань дорö, кодлён аслас патера. Буретш та кадö полксоö шызыбдас «тревога». Округысь воёма генерал, кёсöи веськавны полигон вылö, а штаблыс БТР-соö вёрзьёдны места вывсыыс некодлы...

Штрафбатысь кыздкö-мыйкö мынöма, но куимнан лычкасö погонъяссыс не-тшыштöмäöс, и со — радёвой Владислав Оболенский веськалiс «чörтыс тёдö, кытчö...»

А тайё местаыс сэн, кöнi Обь ю усьё паськыд да кузь, сюре километраясь унджык, сiдз шусяна Обской губаö. Водзын сэсся Йиа Вой сариц, сiйö во гёгёр чöж кыз ии улын, сымын доръясыс гожся кадö сывлöны недыр кежлö. Позьö шуны, абу ылын. Йиа Вой сарицлён быд лолыштöмäс мыш кузаяд ийрмögötötлö. Кокниджыка кö пасьтасьомыд. А сiдзсö овны позьö. Бур пöраö кö. Не öнi.

Эновтöм ляпкыд кузь казармаын, ота ю бердын, коллялiсны арся лун-войяссö сымын нёльбн: сержант Равиль Зигатуллин — Казаньысь, Влад Оболенский — Питерысь, Рюрик Казаринов — Белой море дорса неыджыд посёлоксы, Соловкияслы паныда, а нимсö эз висьтав. Нинöм поö оз содты. И Серафим Чупров — Коми Республикаса Сизябск сиктىсь. Сiйö татчö воис неважён на. Москвуын лоёмторъяс бöрын. Разöдисны унаös, кодъяс эз ошкыны Еджыд керка лыйлёмсö. Серафим — ичöt морт, но веськалöма тай со «мёд ног мёвпалысъяс» лыдö, «инакомыслящöй» лоёма.

Нёль мортыс — сержант, ефрейтор да кык радёвой — торъя радиотехнической роталён коляс. Россиялы паныд мунысь поë эз ло, дорыйсыны лои некодысь, та вöсна и енэжсö войывисянь заводитiсны восставны. Мед лэбёны, кодлы окота.

Кольёмаяскöд тшётш чöла гажтöмалiс кыз дöра лэб улын бронетранспортёр БТР-80-А (Арзамас). Вöлi кокни ангар, но сiйös разисны да нуисны. «И танк Т-80, и БТР-80... — шензис ас кежес Серафим. — Оз-ö бара кутшомкö выль пакöсyt ме пай вылö усь?...» Броникас налён колана серти сымын öти механик-водитель и колё. А лоины Владкöд кыкён. Тыдалö, мыйсюрё вöлi водзвыv урчитлöма. Шуам, кузь туй вöснаыс. Либо нöшта мыйкö. Код тёдас.

Смоль съёд юрсиа, гырысь съёд синъяса сержант Равиль Зигатуллин — ыдкыдыс тайё котырас. Шыасьёны сы дорё «командир» нимён. Серафим пыр жо казяліс: Оболенский моз абу варов, стрём, но мортос гёгёрвоись, и ковтём чиглүнис абу.

Рам оласнога Рюрик Казаринов тані лои Юрийён: Йиа Вой саридалён көдзыдыс вёсна Рюрик нимыс ывла вылын ээ век артмыв, та вёсна вочасён Рюрик лоёма Юрийён. Ачыс талы абу и паныд. Мывқыд вежёра морт. Виччысытом оласнога. Вермас лунтыр окотапырыс варовитны, но юрас мыйкё пырас да, вермас и лунтыр чёв овны. Зәв аслыспёллөс. «Профессорён» нимтісны. Но тані быдёнлөн мыйкё аслас...

И Влад. Сійё лои «князьён». Паныд ээ жё ло. А Серафимлы некутшом ним на ээ вужъясь. Серафимыс по ачыс сэтшом ним, мый он вунёд, да и лёсялө мортыслы. Кутшомкё торъялун тёдчөд.

...Рыт. Лым нин еджвидзё консюро, кытчё толыс оз веськав. Вытасінъяс күшөсь. Ывла вылыс гёгёр руд. Гажтём. Сомын тшынторыс казарма труба весьтын быттьё ловзьёбыштö кузь толё сетчом тундрасо, вёчо оланабон. Арнас водз пемдё. Йиа Вой саридалён лов шыасыс ииджёны водзад и мышкад. Чизыр төвруыс тойлало ёйдёджык кытчёк пырны, сайдычыны. Влад Серафимкёд, ас костаныс варовитігмоз, помалісны талун кежлө урчитом уджъяс. Позьё шуны, сигёртісны. Серафим тәрмасыттог кутіс тәчавны ЗИП кудйо босытлом струментъяссо — быдён ас местаё.

Влад дивитыштіс:

— Кычилияниёс моз тәчан көртторъяссо. Лёд — оз вошины.

Серафим пасъкодліс кияссо.

— Поль на велодліс: быдторлён, мый киад он босыт, эм аслас радейтана места, пуктан сэтчо — оз ков корсыны. Дерт, гёгёрвои вочасён — тадзнад бурдыхык.

— Олёмас унатор абу ас местаас.

— Сійё ёд и лёкыс.

— Эн шу, друго. Истинаыс, Серафим, пыдынджык,— Владёс кыскис воссыпшты.— И бурыс вермас лоны лёкён, веськалас кё оз ас местаас.

— Философия?

— Тайё менам олёмись.

...Гальс-галыс воссис БТР-лон уло-выло вештан кык джынъя ёдзёс. Оти джынъыс кок улад лоё пос пыдди, мёд джынъыс выло вештыссо, кильчо вевтён быттьё лоё.

Пырис видзаасымён сержант Равиль Зигатуллин. Пуксис командирлён пуклоссо. Шуйгаладорса пуклосыс механик-водительлён. Сэні буретш пукаліс Влад. Серафим ноксис ЗИП дорын.

Сержант чёв олыштіс, мый йылысь кё ас кежсыыс мёвпаліс. Влад ээ кут водзю воссыны, мыйла бурыс вермас лоны лёкён ас местаас. Сержант торкис чёвлунсо.

— Кызд тіян делоясныд? Аски — туйё.

— Аски кё и аски, командир,— дышпырыс көдь вочавидзис Влад.— Движок бергало. Вайёдас, кытчё коло.

— Эштёдчанныд ужынёдз?

— А ми нин эштёдчим.

— Бур. Казармаын, ужын бёрын, дасылун йылысы юörtас ефрейтор Чупров.

Сержант видзёдліс Серафим вылёр, сэсся Влад вылёр, вёрбодыштіс ас водзас приборъяссö и петіс тэрмасытöг ортсо. Енэжын, кымбръяс костын югзис некымын кодзуев.

Недыр мысти матысмис Рюрик Казаринов.

— Ёртъяс, сёяныд дась!

Сйо талун дневальной — ломтö пач, дасытö сёйны, идрасьö и, дерт, казарма гёгёрьес видзёдö, мед некутшом бокёвой эз шойт матигёгрын да нином эз гусяв. А гусявнысö дзик немтор нин.

— Тэ гений, Юра! Сёян дась... Тасянь заводитчö театр. Молодеч!

— Служита Отечество! — шмонитана вочавидзис Рюрик.

Петісны ывлАО. Влад чоскыда нюжмыштчис.

— Со и кодзуувъяс нин мыччысьёмаёс. Со, этйö, медся югыдыс — тэнад. Козыналам. Кылан, профессор?

Рюрик видзёдліс вывлань.

— Вермас лоны, Влад, сйо важён нин абу.

— Гёгёрвоа. Но миянлы сйо эм на.

— Да. Вермас лоны, кодзуулыс миллион во сайын нин кусома, а ми сйоc век на аддзам.

— Но кёть нин тадз. А шондыйс öд эм, мед танi и шоча аддзывлам?

— Шондыйс эм и дыр на олас.

— Дыр-ö?

— Öнi сылы вит миллиард во, олас нöшта сы мында.

— Ого! Вит миллиард. Тайё лёсялёр. БТР-ным сэки дзикöдз нин киссяс, да и ме пöрысьма. А казытывлыны тiянöс кута: волi гажа кад — Сибирса Обь ю дорын олiсны-вылiсны сержант Зигатуллин, ефрейтор Чупров, радёвой Казаринов да ме, механик-водитель князь Оболенский.

Татшом сёрниясён куимнанныс воисны казармайдз.

Казармаын медбörъя рытö

— Аттьё тэд, Рюрик Казаринов! — Сержант қутчысис уставö и эз вежлав нином, мый вынсыётёма бумагалын. Гижёма кё документын Рюрик, сідзкё, Рюрик. Сйо вештіс бокö тыртёммём дозмуксö.— Тайё збыльысь плов. Пётös. Чоскыд. Быттьё гортö волi.

— Рецептыс тэнад, командир.

— Рецептыд мый, сы дорö колёны на юр да ки.

Танi эз «тiасыны». «Сержант ёрт» пыдди шулiсны «командир». Сержант эз ло паныд. Серафим таё велаліс вочасён.

Ломтыссысь кёрт пачсянь шлонгис шоныд, век на мёвкъялiс яй сора роклон чоскыд кёрыс, гораа зальзис пöрт пыдёсас сылысь госыс.

— Эм содтöд, босытöй асъныд, ёртъяс, кодлы колё,— индiс кинас Рюрик.— Дась и чай. Индияса.

— Тэ зэв бур морт, Юра,— пасийис Влад.— Гашкё, ачыд та йылысь он на и тöд. А?

— Ог.

— Сідзкё, ме восьти. Та вёсна позьё и содтёд.

Рытъя сёйём бёрын Серафим да Влад сувтёдісны БТР-нысö казармакöд орччон — тшёктіс сержант, а сэсся казармаас сёрнитісны аскиа муном йылысь. Нельнаныс тёдісны, мый мунны ковмас кузь волёк пыр. Сержант кужис асьсö кутны, сонёд вир-яя, быд асыв турник бёрын збодермёдö асьсö кёдзыд ваён, сиё эз отдорчы ёртъяссыс, но эз и дзикöдз сольнитчыв ас коддьёмкöд моз — кутис асьсö, кыдзи лыддис коланаён. Сэтшом морт, кодлышыс кызысисны эськё и лыч-каястёгыс. Быд котырын овлё татшом нырвизь кутысыд. Сы бёрся мунёны.

— Аски — туйё. Лёсъёдчан уджъяс вочны да помавны кадыс волі. Индома туйсö вуджны куим-нель лунён. Ставыс. Меным сэсся содтыны нином.

А содтыны сержантлы волі мый: туйыс кузь, тёдтём. Туй индалан пасъяс вермасны и не лоны. Туйясыс абу ветланайс.

— Караул мудзис, командир,— эз вермы кутчысыны Влад.— Ме эськё дась и талун петны.

— Войнас?

Серафимос очсöдліс нин, шоналём да сёйём борад. А сиёс виччысис на ортсыса удж....

— Ефрейтор Чупров, кывза БТР-лон туйё дасьлун йылысь.

Серафим висьтасис тэрмасытёг. Сиё важкысянь асьсö велёдіс шуасынсö воча-видзигонджык да джененыйджеңика. Изваса көрдорсаяс моз. Серафим лыддьёдліс вёчёмторъяссö. Кадысъ-кадё видзёдлывліс Влад вылё.

Равиль чола кывзіс и сæk жö эз вермы мынтёдчыны майшасян думъясысь. Неважён на пуксылыс медбörя вертолёт, военнöяслён кыв вылын — вертушка. Сиён и воис ефрейтор Чупров. Вертолётнас нуисны торъя радиотехнической роталыс кояс кёлүйсö, ставсö, мый позис да вермисны нуны. Аски Ныда посёлкысъ воасны йöz, ваясны бумагаяс казарма да мукöд стрийобаяс киысъ киё сетём кузя — кутшомкö «выль роч» ньёбб. Тадзи волі сёрнитлёма ёна водзвыв, гырысыджык йöz костын. А сэсся могыс нель морта котырлён — эновтны Объ ю вомсö да мёдёдчыны рытыв-лунлань, Серов карö, кёні штабыс радиотехнической полклён. Татчö и пырё волі налён ротаыс. Дерт, и печатя бумагасö сьёрсысъ вайны.

«А, гашкё, абу нин полкыс,— мёвпыштіс сержант.— Радиолокационной да радиотехнической полкъяс войвылын тупкалёны, коланлуныс по эз ло, гёгёр демократия ног олысъ страна, на лыдын и Америка. Россия зілль ёртасыны накöд».

Сёрнияс мунісны и Серовса радиотехнической полк бырёдом йылысь. Сиё видзё Урал-Из азиябердса енәжсö войвывсиянь.

Квайт во сайын, 1987-öд вояс ода кора 27-öд лунё Матиас Руст, кутшомкö зырымбедь Германиясысь, ассыыс кык мотора «Сесна» самолётсö пуксыёдіс Москва шёрын, Кремльсиянь неылын. И заводитчис! Армиясысь вётлісны куим маршалös, öкмис генералös, некымын сё офицерös. Равиль бура помнитö тайё кадсö. Цензура эз ло. Восьсон юртісны сы йылысь, кыдзи войвылын тупкалісны сынöд дорийсъ полкъяс Архангельсксиянь Печораöдз да Амдермаöдз. Коркё, дерпт, кватитчасны, мед сомын эз ло сёр.

Казармалын пуксис чёвлун. Серафим корсис на мыйкё шуны.

— ...Дизель ломтас миян тырмымён, движок уджалё бура, но быдторыйс на

вермас лоны, колё лоны дасьён,— кутшом на ёд туйыс, да и кузь-ё лоё...— кывкорталіскодь Серафим.

— Туйыс кузь,— тёдчөдіс Равиль.— 700 километрасы унджык. Туйпас быдлалын оз ло, кутам писькодчыны ёнджыкасö йётөминъясті. Веськыда шуа, оз ло кокни. Вуджам войывса кык округ: Ямало-Ненецкой да Ханты-Мансийской. Тёд выланыыд уськода, тайё тіянлы абу выльтор, номеръяснытö боевой расчётын: Сержант Равиль Зигатуллин — первой номер, ефрейтор Серафим Чупров — мёд, радёвой Владислав Оболенский — коймёд, Рюрик Казаринов — нёльйёд,— Равиль, расчёт номеръяссо лыддьбдлігөн, видзёдліс быдён вылё торйён.— Коді мый содтас, шуас, вөзъяс?

— Командир,— шыасис Влад,— миян некод на тадзсö эз ветлодлы. Мыйла писькодчыны сьодас, Ермак моз. Эм ёд мёд туй.— Влад бергаліс полкса штабын, Серовын, да бура тёдіс Вой кытш сайса роталань кокниджык туйяс.

— Мёд туйыс кутшом?

— Выль Уренгой пыр, а сэсянъ көрттүйён веськыда Серовёдз.

Тыдалё, Влад, зэв окотитіс ёдйёджык воёдчыны тайё карас, кёні оліс «топыд вир-яя ань, кодлён аслас патера». «Сержант» воёмсъыс сійё ньёти эз шогсыы. Но и эз вунёдлы.

— Выль Уренгойсянъ Серовёдз, көрт туйён кё мунны, кык сюрс километрасы унджык лоё,— вочавидзис Равиль.— Онъя кадё коді миянлы сетас сьём мёддьчыны та ылнаобд? Нёшта на и БТР сьорысы босытны. Ни округ, ни Серов татшом сьём оз сетны. Гользун вёсна и тшотшёдёны, мый вермёны. А дизель ломтас миян — некытчо воштыны. Лоё мыйтакё кольны. Дерт, мынтысясны. Оз, дерт, миянлы. Со и тшёктёны воёдчыны аслыным, кыдз кужам. Гёйгрвоана?

— Да, командир.

— Уна-ё видзясяс ломтас, шуам, 750–800 километра вылё, Серафим?

Равиль небзьёдіс сёрни визьсö, нимён шыасыны мёдіс.

— Оти заправка кё 600 километра вылё, ковмас сідзкё кык, этша пыдди...

— Видзясяс унджык. Тані Сибирь. Абу тульской дивизиялён полигон,— крушыптіс выль ёртсö Влад.

Серафим сёгласа довкнитіс юрнас.

— Да, унджык. Гашкó и, куим заправка лоё этша, ва туйёд кё нёшта уявны ковмас. Миян шулёны: мунан лун кежлё, босыт сьорсыыд, мый колё, кык лун кежлё, и унджык.

— Бур.

— Командир, босытам мыйтакё бензин. Вермас виччысътöг кёдзёднды. Ковмас сорлавны, мед эз сукмы солярканым.

Сержант ошкис тайё вөзйомсö Владлысь.

— Колё лоны дасьён. Вермас и кёдзёднды. Ми оғо тёдой.

— Но и кольё на уна, командир! Гашкó, асынм и вузалам? Ломтасыд инависяс кокния,— вөзийис Влад. И содтіс: — А миянлы сьомыд ковмас. Кузь туюд.

Равиль серёктыштіс.

— А брониксö тшотш он вөзйы вузавны?

— Брониксö оғ. Подённад мудзам.

— Аски асывнас, сёр-ё водз, оғ вермы шуны, воасны колана бумагаясöн йоз, Ныда посёлоксыс. Колям татчö и стройбаяс, и ломтас. Бумага серти, Влад.

Тадзи водзвыв вёлі сёрнитчома, сэні, выліас. Миянлы колясны сёмын бумагаяс. Гёгёрвоан? И — туйё!

Влад шевгёдіс кияссö.

— Юаломъяс та кузя бырисны.

Равиль вёрёдыштіс чуньяснас тшёкасö.

— И эм со татшом коланлун. Миян ичотик, но воинской подразделение, а старшинаным абу. Сійё быдлаын быть коло. Вөзъя старшинаён индыны радёвой Рюрик Казариновөс. Абу уна сёрниа,— Равиль видзёдліс Влад вылó,— оз шыблась ётарё-мёдарö, күжö кутны асьсö. Серовö воём бöрын шыёдча корёмён — сетны Рюрик Казариновлы «младшой сержант» звание.

Стрелок-радист Рюрик Казаринов чёв оліс, нинём паныд эз шу, кыдзи и век, ассыыс уджсö вёчис — кисталіс чай, лёдсавліс пачсö, мед эз кёдзыды вой кежлас. Казармаын сійё медбörя дневальной. Сёмын öти юалом и чужис сылён:

— А дыр-ö лоам туйын, командир?

— Ог тёд,— веськыда вочавидзис Равиль.— Некор тат эг ветлывлы. Лун куим-нельён, шуисны, воöдчанныд пö. Кутам зільны воöдчыны. Серафим да Влад отсöгён. Мед сёмын кутчысясаны инструкция серти. Тіяналы сійё мёд устав.

Влад серёктіс.

— Инструкция. Сэтчо мыйсö абу гижома да. Со, весиг рация пё эм. А миян сійё кёni?

— Сулалö радиостанция Р-123 М...

— Но öд сійё оз уджав...

— Уджалö Р-124 танкёвой рация...

— Рогаткаён лыйём ылнаöдз.

— Мый вёчан. Ми абу спецназ.

Да, спецназлён БТР-ын рация судзё кёкъямиссё километраöдз, весиг ылёджелик. Он эсько Серовкод нин позис йитчыны. Но и Р-123 М радиостанция эсько добра вёлі кузя туюд. Сёмын нёльнаныс броникин тёдісны: наöдз нин сійё киссис дзоньтавны позытёмөдз. Позис сёмын вежны. Волывлыс гёсътъяскод офицерьяс ветлывломаöс броникнас Хановей-Седёдз, тайё Тазовской кёджын. Ставныс, дерт, вёравны да чери кыйны радейтысса.

Тадзнад мёд ногён эз и вермы лоны.

— Вёкромеш мунаам.

Равиль пель пырыс лэдзис Владлыс шпёмсö. Сійё бергёдчис Серафимлань:

— Абу кё паныд, висьтышт вай, Серафим, кыдз-мый сэні вёлі Еджыд керка лыйлан лунъясö.

Сэні, сідзкё, Москваын.

Серафим эз висьтавлыв некодлы ас окотасыс сэкся лоёмторъяс йывсыс. Чёв оліс эсько, эз кё тёдмавны аскёдьыс вайём бумагаяс серти. Неважён на тайё и вёлі, йирим 4-öд лунё, но кажитчис, мый зэв нин важён. Дыш и казытывнысö, но и вунёднысö он вермы. Дивизияын сэссе пыр жё и шыблалісны, кодос кытчö. Медводдзаясöн найös, кодъяс восьсöн да гораа дивитісны лоёмторсö. На лыдо веськаліс и Серафим. Но мый йыллыс висьтавны ёртъясыслы?

— Триплекс пырыд унасö он аддзы. Уськёдchan плансо Еджыд керка вылó дасытёма контр-адмирал Захаров. Кантемировской дивизияса вёвлом командир генерал Поляков вёзйома, мед танкъяс эз тшыкёдны стенъяссö Еджыд керкаыслыс, лыйлыны сточа öшинъясас.., на сайын, дерт, вермисны лоны йёз. Но и

мый? Стенъяссö видзисны. Но видзны ээз вермыны — съодасисны тышынсыс күзялалыс. Адзылі, и петкёдлісны бöрас телевизор пыр унасысь. Лыйлём бöрас Керкаас пырис ОМОН. Крут зонъяс. Депутатъясысь кынdzi жыръяасас йöрмёмаось уна йöz, сэні уджалыссыс, унджыкыс аньяс...

Ельцин? Ме сийös эг аддзыв. Ог тöд. И тöдны ог кöсай.

— А код дор вöлі Горбачёв, «Нерушимой Союза» медводдза и медбörяя президент? — юаліс Влад.

— Сийös ме эг жö аддзыв.

— А ме аддзылі, кор Енмö на лэптылісны. Воліс Питерö. А öти гожём бать шойччис Югославияны. Сэні ёна ошкёны вöвлём Горбачёвөс, миянлы по эськöt татшом веськёдлышыс. Рочьяслы мойвиёма...

— Горбачёв отдортчома Вылыс Совет пöтöмьыс. Тадз офицеръяс висыталёны.

— А Солженицын чолёмалёма лыйлёмсö,— сюйыштis Рюрик.

— Кымын водзö, сымын тыдалана лоö ставыс,— кыв чöйтis Равиль.

— Ставыс оз, командир,— ассыс синiс Влад.— Россия — мастер виччысystöм йöйталомъяс вылö. Тадзсö шулома Отто Бисмарк, Германияса канцлер. XIX-öд нэмeyн на. Сэксянь этша мый вежис.

— Нинöм он вöч, историяыд, весь оз шуны, сöвмö гартолён. Коркö и йöйтапыштöм артмö,— сёрнитантор вылö ассыс видзöдлассö петкёдліс Рюрик.

— Öni лыйлыссыссо зильёны разöдны, кодös кытчö. Ме на лыдысь жö,— ышловзис Серафим.— Абу соглас да та вöсна. И медаль вöйылісны.

Мыйкö дыра сёрнитісны на, сэсся мёдісны водавны.

Равиль сетiс бörяя индöдъяс:

— Лунсö кутам лыддыны югдандорсянъ рöмдандорöдз. Оланiнъясö огö сувтлöй. Узыны бокын. Некутшом тöдмасьом. Кытчö мунам — некодлы дела абу. Шойччам Серовын.

Синъяс вочасöн съектiсны. Варовлун быри.

— Э-эх! Россия-матушка! — гораа ышловзис Влад, шлапкысис аслас узьланiнö и регыд мысти заводитiс кыпыда шкоргыны.

Серафим кылiс, кыздзи Рюрик шуасыштis вомгорулас, водiгмозыс нин:

— Шензьöданатор воссöю, лючки туявны кö. Буретш йирым 4-öд лунö Шондi вылын съöд чутъяс лоöмäөсö өкмëс пöв унджык пыр кадся дорысь. Тайö нö абу дивö?.. Ставыс Еньюгыdas йитчома öта-мöдьыскöд. Дзик ставыс.

Сэсся и сийös личкис узян унмыс.

А Серафим шоныдджаика пасытасис, волысалiс пельпомас АКМ «калаш» автоматсö да петiс ортсö, пуксыссы войыслы воча. Кык час чöж сылы колö сюся видзны ёртъясылыс унсö. Вежас сийös Влад. Владос вежас Рюрик, кодi аслас кык час мысти садьмёдас Равильбöс. А тайö нин выль лун, ногъя лун.

Вочасöн синъяс велалiсны войся пемыdas. Тэрмасытöг мёдiс ветлöдлыны ётарö-мёдарö, БТР-нысö гёгörtiс, сувтовкерис. «Дерт, ёртъяс буроßь. Со, Оболенский. Ёссы кыла — рöдys кыскö. Роч бояр кодь и эм. XV-öд нэмсянъ по Россияны рöдys нималö,— броникин ошиысис. Кад сертиыс кö артыштны, сийö кыптас на вылö. Öni тö, дерт, медводз озырмыны зильёны. Влад талы абу жö паныц, но нимöдас мыйкö мёдтор. Оз вош тайö олöмас. Ог нин шу Равиль да Рюрик йыллысь. Куимнан ёртыс тölкäөс. Сöмын тай бара неладнöй кодь веськалi,— майшасьны мёдiс Серафим.— Тайö нö кутшом армия: эновтöм казарма, розя брезент лэб улын

рациятём бронетранспортёр, «калаш» автоматъяс эмёсь, көрт сюрас комын патрон, а сэсся нинём абу. Оз жё мед эськө тёдны та йылысь сүйёр сайын! Сэн, гашкө, век на чайтёны, мый Россия гёгөрыс быдладорсянь ён томан сайын.

Шы ни тёв. Кос лым буситышталö. Серафимлы бара пöльыс дум вылас уси. Коркё, ас чужан лунас, пызан сайын гажмис, сэсся босытис киас гудёксö да мёдис шылад бёрсяыс сывны. Ачыс гудёкассыö, ачыс сывлö, артмё кыткö збоя, кыткö нораа:

«Ылын-ылын роч Кавказын
Уна-уна киссис вир...
Войска водзын вöлі варыш,
Гöрд офицер-командир».

Сыланкывыйс кузь, сийös Серафим дzonьнас оз нин кут юрас, но, пöльсö казытылгён, кывъясыс кытсюрө вежёрас югдылёны:

«Эн на, кырныш, ёна тэрмась,
Эз на лолой ставыс пет.
Лэбзы, лэбзы Коми муё,
Батьлы-маммы юёр сет.

Висьтав менам гöтырпулы,
Мед оз виччысы менё бёр,
Менё гöтралис тан сабля —
Воссис зонлён морёс шöр...»

Виччысътöг ылýын дзаркнитис би чут, сийö мёдис öдйё матысмыны. Кывны кутис мотор шы.

Войся шызыём

Би югёр чеччалис улё-вылё, мотор шы гораммис. Тайё мотоцикл. Та кадё? Сийö лэбис веськыда Серафимлань. Медым öлöдны водзвыв виччысътöм гösтьös, Серафим шков лыйис вывлань сьёрсыыс босытöм ракетницаясь, сувтис орччон суалалысь БТР дорö да городис:

- Сувт! Коди воё?!
- Морт!
- Аддза, абу слён. Сулав места вылад!

Казармасö да орчча стройбаяссö кытшовтöдöма гёгөрыс чуткассыясь сутугаён, татчö кежкысь туйсö орёдöма БТР-лы прöйтитмён дзиръяён, орччон — мортлы прöйтитмён векнышыдик дзиръя.

Тöдтöм морт кусодис движоксö, чеччис да мёдёдчис гырысь воськовъясöн Серафимлань. Босытис дзиръясö. Пырис.

Серафим тэрыба зяткобтис автомат затворён да öлöдана сярёбтис дженышыдик öчередьён вывлань. Кылис уна судта матыштöм. Серафим мёдис сярёбтис да лэдзис стволсö матысмыссы мортлы паныд.

— Но и мый, салага, повзьёдін?

Ёртъяс, ёти бёрся мёд, пасътасигмоз, тәрыба петалісны казармаңыс, кианыс автоматъяс. Сержант Зигатуллин югдöдыштліс пöнарикön воома мортлыс чужомсö. Ар нелямына, а, гашкó и, унджык, мугомч чужома, ляс ныра, кыз вом дора. Видзöдласнас бытшкó, штыкön моз. Шуйга ныр розыс боксяныс неыджыд порота. «Ага, эн сюй ныртö, кытчö оз корны!» Гажа, позьё шуны, код. Бара на со эралö, этшсö оз тöд.

— Коди? Кытыс?

— А-а... Нöшта ёти мыччысис. Да абу на и ётнас. Кусöд пöнариктö, эн синмös тшыкöд! Вояка.

И вочасöн водзö матысмис.

Сержант виччысияна кыпöдыштіс автоматсö, бёрё-водзö затворнас зяткöбтіс.

— Зыкó пырны ог советуйт. Ставсö воштан. И олёмтö.

— Тайös ті күжад,— скöра броткыштіс мужичой, но матысмыны дугдіс.— Неважён на лыллінныд ассыныд депутатъяснытö, а оні дасьось и менö, Россия-са гражданинöс, лыйны. Тіян удж — дорыны Россия!..

— Ми тöдам ассыным могнымсö,— коса орöдіс Равиль ыкшаасысь мүжичойсö.— Мый миянсиян колö? Сöмын джененъыда.

— Ті ордын менам гöтырой!

— Мый сылы тан вöчны?

— Воим вензьёмöдз...

— Ті костын ми эгö вöлой.

— Грöзитчис пышайны ті ордö. Салдатъяс по доръясны. Ковмис чорыдджы-ка öлдны. И — пышайс! Оні сыллідзирсö бергöда...

Мужичой петкöдліс кукань ыджда кабырсö.

— Тані некутшöм бокöвöй морт абу, ни гöтырныд, ни кодкö мёд. Сёрни помассис.

— Ті по кöсъянныд мунны татысь...

— Мый ми кöсъям, сiйö миян делö.

— Кывсö...

— ЦРУ юörtтіс? — пырис сёрниö Влад.— А тэ, дядьö, абу-ö шпион? Ноко, эн соссы!

— Зырымбедь!

— Ага! Сюрин!

Ворсигмоз быттьö, Влад заводитіс топöдны мужичойсö кывъяснас, но павкöд-ны гажа мортöс — сöмын кад воштыны. Да и ўй уло кодь сетчома. Тайö тыдалö. Пель пырыс лэдзö быд шуём. Кыв вылö оз сетчы. И бурён таысь он мын. Колö босытны сорсöдys. Серафим мыжайон ассысö кыліс, татшöм ногон ста-выс бергöдчис да. Вочасöн öзийс ярлунён. Коньёр туйö некор ассысö эз пуктыв, школаас на чунь крукён кыскыліс быдöнöс, коді пуксыліс сылы паныд. И ки-нас бертліс. Но эз вöв вылын киа. Гортас на, гоз-мёдись, гашкó, тышö пыравліс, кор быт ковмыліс, и быд порий сэсся кaitчывліс...

— Чупров! Оболенский! Колльöдöй kortom гösytöс, кодарö окотитас,— кыв-корталіс сержант. И содтіс: — Кутас пыксыны, паныд мунны... устав серти. Ти тöданныныд.

— Тi? Менö? Са-ла-га котыр!..

Мужичой, чаромвывса ош кодь скёр, шоч пиняссö жергöдöмён, уськодчис веськыда сержант вылö. Серафим воськовтис паныд, но сiёс ордийис Влад. Бугжыль чужём-рожаа кортом гösyt виччысътöг турбыльтчис кöдзыд му вылö. Шуштöма омлёттис и звирк чеччыштис, но кокён-киён мёдьись косьбёттöмыс лясмунi бара. Лым сора бус сöмын пуркнитлiс. Кузя кодь колис куйлан. Кывыйс оз артмы. Мурзö лёгпрырыс. Сэсся ланьтис.

Со тэд и князь! И сувтса кыла, и сöнийöра. Здук сöмын и ковмис, медым пöröдны этатшом ён бычёйс. Серафимöс чуймёдис выль ёртыс. Оз ёд весьшöрö быд асыв вынсö пес турнико кутчысъёмён. Дзоңвидзалунсö винёвмёдö.

— Гашкё, лолыс нин петис? — Рюрик Казаринов матыстчис куйлысъ мүжичой дорö, вöröдыштис, бергöдчылiс ёртъясланыыс.— Слава Богу, ловъя!..

Мужичой сувтис. Шатовмунлö. Кодзлалö сьёд бугыльяснас.

— Н-но! Тадз ми эгö сёрнитчылой. Мёда, сiдзкё. А этiлi, Густялы, ме петкёдла на гаж...

— Дядьё, а, дядьё! Гösထыд воиг и мунiг нимкодьлун вайё. Кывлiн? Бурмёд сёлёмнымыс.— Влад Оболенский сулалис дзиrъя дорын да гётрвоана петкёдлiс кинас, мед кортом гösyt öдiёджык весасис сэтчö, кытысъ воис.

Лым сора мусö ас вывсыс пыркёдiгмоз, мужичой эз дугдыв броткёмсъис, но оттшöтш и эз вунöдлы и кёсöйтчывлыны Оболенскийлань.

— Пышийис стервоыд. Но, энлы, сюрас на менам киё. Кучиксö куля, кырсалас кё.

Шаталлiг, мужичой петис дзиrъя öдзёс сайё, чövtлiс видзöдлассö казарма бердын сулалысъ БТР-лань, гораа ышловзис. Корсюрö понъясян кывъяс гaryштлiс, тыдалö, быд лунсияс. Кыпöдис мотоциклсö. Пöромаён эновтöма дзиrъя саяс. Ноксис мыйкё дыра сы гётр, дыр кодь кокнас нетшкис-ловзöдис моторсö, а сэсся весьпöртан шы улö ылысмис. Биыс нин öтарö-мёдарö шаталлис. Коркё и сольнитчис войся пемыздыскöд. Би чутыс. Воши.

— Öнитö шоммём юра Отелло воöдчас нин кыдзкё аслас Дездемона дiнас,— торкис чёв-лёньсö Рюрик.— Сöмын колис быттьö кутшöмкё лёк. Збыллысъ шуа. Абу танi ставыс гётрвоана да лючки.

— Сiёй абу и код, гашкё нё, гажа неуна,— пасийис Серафим.— Артисталис танi. Чегласис. Волёмыс эз жё кажитчи. Мыйкё сылы вöлi колö. Кёсъяд по мунны татысъ. А, гашкё, Влад прав, и сiёй збыллысъ шпион? — Серафим заводитлiс шмонитны, но шмонитöмыс эз артмы.

Сержант чёв олис. Ассыс мыйкё мёвпалис. Сiёй эз сюйсы мүжичойсö вётлiгён. Кыв эз чёвт. Ворсöдчис зарадитöм автомат затворнас.

...Сöмын Влад тöдис, мый Равиль Зигатуллинлöн эм сьёд вöнь каратэ кузя.

Туйын

Видзöднысö броникныс налён мича, но кажитчöджык и весиг асджык лолё сэк, кор жургö-мунё, кор вир-яйнад кылан сылсыс 260 вöв вына кывзысян вынйörсö.

И со — туйынёсъ.

Восьса люксиян лёссыда ыркйöдлiс тёвру. Нуöдны босытчис Влад. Сiёй воля-

никись пукаліс руль саяс, килутшас дона часі. Весиг зарни. Князы! Мый татчо шуны?

Мунісны медводдза час-мёдсö ёна нин ветлём туйёд. Влад мыш сайын пукалісны Рюрик да Серафим. Весьқылладорса пуклөсіс командирлён, но Равиль, люксъыс коскодзыс мыччысымён, колльёдіс синъяснас бура тёдса mestаяссо. Обы ю вомыс тасянь, Салмы нима діяс бўрын, пасъкалёма ветымынысь унджык километраодз, а ножалёма Йиа Вой саридзлань сурс километраодз.

Ныда посёлок. Неылын сысянъ суалісны торъя радиотехнической роталён казармаяссыс. Могён и моттёт Равиль волывліс посёлокас. Быдсяма йözыс сэні олоны: ненецъяс, рочъяс, хантъяс, Серафим Чупровлён землякъяс — комияс, уна сикас сёрниа мукёд войтыр. Эмёсси и Татарстанысь. Гожёмбыд Войкытш саяд югыд, а тёвнас шондышыс муртса-муртса мыччысылø тундра енэжтас сайысь. А кёдзыды! Овлё ветымын градусысь улынджык. Но олоны тай со! Воліс налён ротао «Ныдинской» овмёсса юралысь, том морт Валерий Кошелев, ачыс Омсысь, кык институт помавлёма, бур оласа, тёлка морт — и экономист, и ветеринар. Висътасис — чуймёдіс: овмёссыс сы кыын Дания государствоысь пасъкыддажык. Сибирса ыдждаясыд! А үджалыссыс «Сибирса Данияын» витсё морт: чери кыйысыяс, кёр видзысыяс, вёралысыяс. Дона куа пемөсъяссо видзёны, медся донаыс — лёзов рёма кынь. А чериыд тані чўскыд: и осётр, и омуль. Вайис съёрсысь том юралысь армеечъяслы и яй, и чери, и весиг йёв да рысь. Бура висътасис. Комын сурс, шую, миян сёмын кёрыс. Корис том йёзёс кольччины Ныдао, служба бўрын, патера кёсийсис сетны пырысътём-пир. А невестаясыд миян, шую, ов да красуйчы — асътö видзасны и доръясны, тэ сёмын кый да вай! Сетім по татчоc вужвойтырыслы шоныд оланінъяс. Найё аттьёалёны, но выль оланінъясыкод орчён быт сувтёдёны кёр куысь чоёмъяс — велалёмаоств... Ставным, шую, лёсялам ота-мёднымкёд. Выль олём дорам.

Да-а, эштіс сәкся выль олём доромыд. Бёръя кадё овмёссыс, кывсъё, ньёжйөнікөн киссыны мёдіс. Мый водзё лоё, Равиль оз тёд.

Нёшта ётиор бергаліс Равильлён юрас мунан туй вылын медводдза здукъясас: броникнас Ныдаясь Серовö колё волі мунны лейтенант Гуревичлы. Сий эсъё и босытіс съёрсысыстав колана бумагасо роталысь овмёссö мёд киё кольём кузя. А сержант Зигатуллин оні эсъё оліс-служитіс Серовын либо кёнкө матігöгöрас. Но виччыстыг висъома лейтенант Гуревич и со — рота коляснас лоё писъкодчыны броникон, кёні и рацияыс абу нин — Сибирса парма пыр Серовö, кёні найёс кодкё, гашкё и, виччысыо на. Зэв кокниа вежисны съёкыд походнас веськодлыссысö: лейтенант пыздди сержанттöс. Некодлон юр эз висъымыв. Но сэтшом нин кад пуксис, мый ставыс гёгёр вёчсю кокниа, ёдй и нем думайттёг...

А броник вуджис ассыс медводдза километръяс. Уліас тэрмасыттёг варовитис-ны.

— Бура кывзысъё,— ошкис броникнысö Влад.— Дерт, тайё абу «Тойота», но оти кывиё кокниа жё воёдчам. Оз ыждав.

— А «Тойотаас» тэ сідзкё пуксылін?

Серафим аддзыліс татшом нима иномаркасö сёмын ылісиянь, Москваса уличыяс вылын да Тульской дивизияас — некымын «Тойота» да «Ниссан» воліны гырысь чина офицеръяслён.

Влад чолскнитіс вом доръяснас.

— «Тойота Ланд Краузер»! Турбодизель. Урал Из йылодз кавшасяс.

— И руль сайё пуксылын?

Влад ышловзис.

— Пöльён вöлі. Сiйö онi абу нин ловъя. Ньöблiс, но руль сайё прамöя эз и пуксыывлы. «Гулагъяс» вöсна синъясыс слабмисны. Сiйö öд забойын чуктöдлiс зарни, маршал Тимошенко нима приискын. Вöвлi коркö «Магадан-Дальстрой». Сэнi. Онi эм-ö, ог тöд. Дас кык час чöж ёртъясыскöд забойын, кöni и рöмыд, и дзескыд, и лолавнытö сьöкыд. А öд колö и уджавны, план тыртны. Асыныс тшыгöс, нэриникöс, öдва ловныс öшйö.

Влад ланьтiс, кутiс чöла видzöдны водзланьö, туйсыыс вочасöн сöмын тыдалана виззыыс и коли. Зöркйöдлыны мöдiс. Чöв усины.

Шыасис Серафим:

— Пуксьöдайлiсны и миян, Комиын...

— Энлы, Серафим, эг на помав. Мый йылысь ме?..

— Тшыгöс, забойын...

— Да! 58-öд статья. Пуксьöдiсны, позьö шуны, нинöмыс. Революция бöрын кодсюрöös, кодi эз ошкы выль власытöс, лэдзисны суйöр сайё. Пöль шутёвтöма Францияö — сэнi вöвлöма нин, и некымын во мысти мыйлакö воёма бöр, абу нин Россияö, а Советъяс Союзö. Мыйла? Сыöдз воёма юörtöм, позьö по воны бöр ас чужан мүö, бура овны да тэчны ставыскöд выль шуда олём. Воис Питерö, удитiс гötрасыны, но виччысytöг ыстöмайс Казахстанса шахтаясö, а сэтыс сэсся — Магаданö.

Рюрик чöла кызвiс Владлысь висьтасыöмсö, а Серафимлön лолас нин сёрнитанторыйс вöлi:

— Но ылосас мед кöть нин кутшöмкö мыж кöвъялiсны?

Влад лэптыштлiс пельпом'яссö.

— Шуа тай, нинöмыс. Овыс абу кажитчöма выль олём дорысъяслы. Оболенский... Гётрвоад? Эгö гёрлöй, эгö кöдзлöй. Со и лои вештысьны тайö грексыыс.

— Влад, сiйö тэнад кыдзкö петöма на. А мыйтöм эз воны гортаныс...

— Öти морт приискас сьölöмсяныс отсасьёма, кыдзи вермöма, сы кодь жö зэк, но бертлöма му выв уджъяс, сэн век жö кокниджык, абу нин му пытшкад. Машина руль сайё весиг лэдзöмайс, тайö, дерт, бур личöд. Сiйö мортыс — киноартист, СССР-са народной артист Георгий Жжёнов. Кывлid? Питерыс жö, кыдзи и менам пöль. Ёртасылöмайс. Кор няньтор гусьён сюйыштас зептас, кор табак, кор сакартор. Руль саяд абу забойын. Век нин мыйкö да сюрыштас. Петöмайс лагерсыыс Сталин кувсöм бöрын нин. Дас сизим во пукöдöмайс. Сэсся лэдзöмайс. Абу по мýжа. Сыöм сетöмайс, патера сетöмайс эз кöнкö, а Питерын, сэн öд Оболенскийяс овлöмайс. Нимавлöмайс Пётр Великийöдз на...

— Влад, стоп! — друг горöдiс Рюрик Казаринов и тапнитiс ёртсö мышкас. БТР сувтiс зырк-зурк, и сылён гöгильяс костыс чеччыштiс руд кöч. Сiйö öти здукöн воши туйбокса посни кыдзда раскас.

— Но и профессор,— Влад серёктiс.— Ылiсиянъджык колö öлöдны, мед мi вермим кыйны тайö чöссыд яя пемöссö.

— Туйыс зэв векныыд лои, мыччысъёмсö верман и не казявны,— правдайтchis Рюрик.

— Сюся кыйöд, мед лои пажын кежлö кöч яя шыд.

— Кывза, князь. Но кёчыс жаль, ёна нин мича. Кора прёща. Торки.

— Нинём. Профессорлы позъё. Серафим, тә вёлі көсъян мыйкё шуны.

— Быдлаын откодь волі. Пуксьёдавлісны и миян, Комиын. Вёвлёма Сизябсын, тайой неыджыд сикт, Григорий Савватьевич, Савко Гришён шулісны. Миян рёд. Колхозас кёр видзыссын уджалёма, ветлодлёма кёр стадаяснас тундрайасті. Пуксьёдомаёс. Шүомаёс, троцкист по. Нималана кёр видзыс, а грамотас дзоляник. Кутшом нё сійё троцкист? Тундраас Троцкийыс воліс али мый? Ме помалі школа, Троцкий йывсыыс уна сёрлісны, но мем сійё эм көть абу. Сы вösна мортос пуксьёдны! Со и воши кёр видзыс Савко Гриш — лы ни ку. Мый татчо шуан?

Серафим бергёдчес Рюриклань.

— Нинём. Кадсö он бергёд. Да и онъяыс — кольём кадыслён йёллога.

— Мед сөмын кадыс ачыс бёр ээ бергёдчы,— Влад ньюжмёдіс мунан ёдсö, туйыс ёна чуркйөс лои.— Россия некор ээ кужлы мывкыда овны. Бисмарк на шулёма: Россия — мастер виччысътом йойталомъяс вылў.

— Да-а, вёвлёма кад. Ен мед видзас водзё вылў.

Серафим индіс кинас, мый дась руль сайё пуксыны, но Влад юлдіс:

— Руль сайын нин помала ассым... Польёс ыстомаёс шахтаö, а батьёс — тыр арлыктомаяслён колонияö, Казахстанö. Борындыхык сэтись и фронт вылў муніс, некымыныс ёна доймалёма, война помланыыс став орден-медальяснас бара ыстомаёс Казахстанас, ёд батьяс — «народлён враг». Тайё по Вёркутайд ээ ыстыны, сійё кёнкё медсявойвылас, Магаданыс на лёкджык. Но инвалидтö кольёмаёс уджавны кутшомкё заводын. Весиг кокниджык удж аддзомаёс. Вот тадз.

— Вёркутайд миян Республикаын,— сточмёдіс Серафим.

— Кывлі, но ог эскы. Войвывсаяс, ті лёнь оласнога йёз, абу уна сёрниа, кыдзи татшомсö лэдзинныд ас му выланыд.

— Миянлыс ёд ээ юасьны.

— Сідз, дерт.

— ...Татшом сёрни кё нин пансис, Влад, кыдзи тә Питерса университетись, кёні велодчыломуыд, весъкалін армияö, ёд университетас эм военной кафедра и та вösна армияö оз босыты? Али мыйкё вежис?

Равиль лэччис да пуксис ас местаас, Владкёд орччён. Сійё кыліс Владлыс висьтасьомсö да тшотиш пыгрис сёрниас. Туйыд ёд матыстö йозтö.

— Вежис, командир. Но тайё мёд сёрнитантор нин,— сероектіс Влад.— Криминал. И властьяс таись абу нин мыжайс. Коло мёвпышты. Лоёмторъясас абу ставыс ме дор... Но — абу-ё нин кад кокъяс весъкёдышты?

— Позъё,— согласа шуис Равиль.— Привал!

Броник сувтіс.

Бипур дорын

Туй ётар-мёдараас пасъкыда шыльквидзис нюр, ёткымынлаын ётпертаса сер-пассö ловзьёдісны шочиник вёр діяс. Равиль дивитыштіс Владёс:

— Васёдінö сувтін. Водзё сетчышт, со этійё вывтасінланыыс. А ми подён муныштам.

Ылын тыдыштіс нәриник визъяса күшмөм кыддза рас. Орчён некымын веж коз mestitcho маёс.

Петісны, веськідісны мышъясныссо, нюжмасыштісны и мёдёдчинсны водзлань, а Влад вёрзис mestасыс, ётвесъстаасис козъя-кыддза раскыскод и сувтіс. Кинаш шенасыны мёдіс, корны ас дінас. Нюжмасыны жо заводитіс. Мудзёма руль саяд.

Матысмисны ёртъясыс.

— Татчос серти, лёссыддыхыкин оз вермы лоны. Со и пусыс адзёмаёс ётамёдныссо. Асьныс. Морт эз отсав. Мый татчо шуан — олём вын.

— Йыркыддыхык тай сомын,— пасийис Рюрик.

— Но и мый: йирымыд, дерт, кёдзыддыхык воддза тёлышсясыс серти, но шоныддыхык вольгымыс. А сійё кон на.

— Таті туйнымос вомоналө Вой полюс кытш,— индіс Равиль.— Пасъям пось тшайён. Коло ѡзтыны бипур.

Разалісны матігёгоро да қыскалісны, коді мый адзис. Волі, дерт, ыркыд. Төвруыс ворсөдчес посни лымчиръясон, но мусыс күш на волі. Ку воротника, му веж рёма шоныд курткаясыс зонъяслён видзисны кёдзыдсыс. БТР-ад, мунігас, курткато чөвтан — шоныд, но ывллаас сыйтог изёйман. Лов шыыс Йиа Вой саридзлён татчодз кокния на судзё. Видзёны кёдзыдсыс и кыз утйода көмъясыс да зэлдёт шоныд юркышодъясыс. Кыём юркышодъясыс «дембельяс» пыр лоины онъя том ѹозлы Россия пасътала быд лунся новланторйён.

Серафим адзёма пессё медуна. Содтод, сійё адзёма да удитома нин ёсътыны вожа йыла қык бедь. Бисё пестіс Равиль, а Серафим сатшкис вожа бедъяссобипур ѳтар-мёдара, вомоналіс коймод бедъён. Артмис бур мотыр.

— Туплясъоны волі. Абу ловъя пулён. Но зумыдёс на. Туясны,— правдайтчес сійё.— Тшайтö пузьбұны шогмас. А ловъясо керавны тані оз позь ньёти...

— Мый вылө найё туйёны, Серафим? Нәриник кыдзяясыс? — юаліс Влад.

— Гажёдоны, и сійё нин ладнö. Вужъясисны кё нэмөвойсия кын муас, вёрдниссо жаль.

— Со мый выйодз ичётмёма миян роч кыдзным, Урал-Издё вуджёма да,— шензыштіс Влад.

— Мыйла нö буретш роч. Тані найё ненецъяслён. И быдмёны му пуксьом-санысыс. Некытыс эз вуджны,— вомаліс Равиль.— Вужъясъомаёс кынийрас, гашкó, мортис на водз.

— Мед и сізд. Оні ставыс сорласъома. Вуштыштой любой рочос и ті аддзад Чингисханос.

Бипур ырзис. Позис нин киён қывны сылыс шоныдссо. Рюрик пысаліс мотырас армейской рачъяс, тойышталіс сэтчо восьтөм яй банкаласыс госа яйсо да вештіс рачъяссобилань.

— Полевой кухня,— шмонитыштіс сійё.— Норасъомъяс пыдди ог пукты.

Некод эз норась. Артмис чоскыд, пётос волёга. Сесся пось тшай юисны.

Влад, қыпый олан руа, дерт, эз жо вермы кутчысыны, мед не шмонитыштны.

— Кутам съорыс новлодлыны,— мотырсыс пось ва тыра кокныдик дозмук перийгмоз, шуасис сійё.— Бёрындыхык сесся сетам вооруженней вынъяслён музей. Том салдатъяслы тёд вылө.

— Куимтор юито ѹозос медся ёна — Ен, удж да ѿтувъя нуръясъом,— бипурсо дженеңдик увиён лёссо дігмоз, пасийис Рюрик.

- Юра, тә профессор али священник?
- Стрелок-радист.

Асъясоқ казытылсны. Некымын морт воисны Ныдаясь, дась бумагаясөн. Абу совхозсаяс. Оти кывйёвоймабыс армияса гырысь чинъяс да гырысь съём кутысын вадзвыв нин. Оні коли сөмын нуны бумагаяссө Серов карё бөръя кырымпасъясон. Но... Со мый шемёсмөдіс нэльнаныссо: торъя радиотехнической роталыссын став кольом стройбаяссө, чуткасян сутугаяснас тшётш, ньюбома оти морт! Том войтыр абу на велаломаис тырвыйо «приватизация» кывйё, мый лоё — асэмбу-ралом, асалом...

— Ён, бур стройбаяс колим. И ставыс тайю оти мортлы!.. — дивуйтчыс Серафим.

А Влад важён нин гёгёрвоис, кодарланьё вочасын катовтё оломуыс.

— Кыскёны му пытшса озырлунъясыс. Ямбург, Уренгой, Надым... Унаён тані озырмасны — «выль рочъяс», и оз сөмын найю. Бувзыясяны быдласянь. Регид аддзанныйд. Сатшкыясяны и бурён он мын.

— Вахтаён кутасны уджавны, ота-мёднысө вежёмён, — шыасис Серафим. — Сий ювлыс нин та йылысь гортас. Мусир да биару лун и вой лышкыда визувтёны кытчёкө, кутны он вермы, а перъян одъясыс ётарё пыр содёны.

— Сідзкё, колёны оланінъяс. А найю со — дасьось. Оз ков кыпёдны, — кылёршил Рюрик. — Армия отсало озырмыны медся сюсъяслы.

— Оланногсо он нин сувтёд, — падъяvtöг пасийис Влад.

— Но ёд государстволон му пытшса озырлунъясыс ѹзлён, кодъяс олёны тані му пуксюмсяныс, — ку пытшсыс мёдіс петны Серафим.

— Государство, народ, — Равиль ышловзис, но сёрниас та кузя ээз пыр.

— А меным тайю кажитчо. Кодкё озыр, кодкё голль. Тадзи век вёлі, и тадзи лоё, — шаркнитіс-шуис Влад. — Коммунизмыд, Серафим, ээз артмы, ачыд аддзан. Вой кежллё мойдён вёлі, мойдён и коли. Ку-ку!

— Влад, кызд тэ верман тадз шуны! — ээз нин вермы кутчысыны Серафим. — Бара ѹззес нартитом? А мый дорийис менам поль, и мукёдыс, кольом война дырий? Мед пуксяс нартитомыс?

— И менам поль уси кольом войнаас. Унаён усинаы, — шыасис Равиль. — Татарияса нималана гижысь Муса Джалиль томён уси фашистъяслён Моабит концлагерын. Сийёс вииини, но ээз венны. Уси ас чужан мұыс вёсна.

— Менам поль доймаломён воис гортас. Мый вёсна? Мед татшом олём пуксис?

— Миян польяс дорийисны чужан мұнымёс, — чорыда шуис Равиль. — Государство вермас вежлавны оланногсо да рёмъяссё флагыслысь, но чужан мұыд век лоё гёгёрвоана да ас. Сийё тэнад, мед кёть коді ээз вёв выліас.

— Серафим, — сюйсис Влад, — мем оз жо онъя олёмас ставыс кажитчы, но со — гортад олігён тэ эсъкө вермин шойчыны ветлыны, шуам, Гавайской діяс вылло, либо Арабской эмирятъясо?

— Ёдвакё и оні воссяны татшом позянлунъясыс.

— Оні позытомуыс нином абу. Ставыс морт сайын.

— Ми абу озырёс и абу голльбөс. Мем уна оз ков.

— Мед сөмын вёлін пёт? Но ёд тайю этша, Серафим.

— Ме верма лоны шудаён и ас сиктын.

— Тэнад эм муса ныв. Гарыштлін, фото петкёдлін. Сійё тадз жо мёвпало?

— Ог тёд... Эг на юасьлы.

— Вот! А тә юась. И ставыс ас местаас сувтас. Но а ме, Серафим, көсъя тырвый бура овны — ассыным оланінъяснымёс, Оболенскийяслыс, бёр босытны, мирсо аддзывны, дона машина руль сайё пуксыны... Мый таын лёкыс? Медся онъя машина руль сайё. И мед мем завидтасны. Некодёс ылодлыны ог кут, но лоё бергавны. Ставсö ас юр вылó босытёмён. Воöдчыны акциясиян аслам делёöдз. И веськодь, күтшом власыт сәні,— Влад петкёдліс чуньнас вылó.

Дыр кад кежлő пуксис чёв-лөнь. Бипур ёдва нин югвидзис, ворöдчисны чусалан онъяръяс, дышпрырысь, косталомъясон, везъясис тшынтор.

— Ме күтчысия аслам видзёдласо,— кывкорталіс Серафим.

— Тайё меным кажитчо,— миричана шуис Влад.— Он оча-мёчаась.

— Князь! — Рюрик явё корсис мёд сёрни визъ.— Тә мёвпалан дона машина йылыс... Но ѡд тэнад, шуан, татшом машинаис эм? Кыдз сійёс... «Тойота»?

— Польён, профессор, польён. И тані кыссыö оти висъставтöмтор. Броникин командир юасис нин,— Влад йёткаліс кусны пондом нин бипуро став посни песторъяссö. Бипур пыр жо заводитис ловзыны.— «Тойота» машинасö поль менам судзодіс сы бёрын, кор Магаданын дас вит во чёжён перийис зарнисö некымын дас кило. Государстволы. Лэдзисны. Правдайтисны. А зептыс тыртöм. Дзоны-видзалун — некутшом. Со и сетисны сёйтöмтор, нинём вösна пукаломъыс. Отсалисны судзодны «Тойотасö». Вöдитчомаис нин. ѡд век жо, окота ассып петкёдлыны. Ме гёгёрвоа. Да сöмын ачыс ээ нин вермы веськёдлынысö.

— Тә кёйысин, Влад, висъставны миянлы, кыдзи университеттес веськалін армияö,— вештис сёрни визъсö Равиль.

— Онъя серти кё, армияд, дерт, кад воштöм. Но регыд тайё помасяс. А велöдчи ме инязын — француз, немеч кывъяс. Парижлань видзёда. Вирой кыскö. Ми кодбöмыс ѡд сәні уна.

И күтшом могён Парижад мёдёдчан, абу кё гусятор?

— Дерт, ог посолён, командир. Гашкё, слоймёдча овны. Отсаласны миян йоз, весиг рöд на сюрас. Абу ѡд ставныс поль кодь «выль, шуда олёмö эссысьяс». Сәні быдсямалыс. Унджыкыс талун кёсйёны морт ног овны.

— Вежан чужан мутö?

— Чужан мұыд сән, кён тәд лöссыд. Оні гёгёр восьса — мун, кытчо кёсъян. Разалёны унаён, и нинём лёкыс таын абу. Му шарыс оти, и шондіыс быдёнлы оти.

— А университет?

— Сійё да, күтö.— Бипур мёдіс дыша руньгыны-тшынавны. Влад содтыштис вайём кос увъяссö, ворöдыштис. Бипур ловзис. Горд кывъясыс мёдісны горша нювны песторъяссö. Пöсъ тшай кисыталисны көрт кружкаясö.— А оні криминал лоё восьтыны,— водзö сёрнисö нүодіс варов Влад.— Питерын олам ми, Невской проспект вылын. Миясиян нэылын «Титан» нима кинотеатр, сәні жо орччон «Премьер» нима казино. Этшаник юёны, унджык ворсёны. Французской рулетка, картi, рояль, мича аньяс... Менам сійё луннас вöлi зачёт, университетын. Лов вылын кыпид. И пыри. Ворсöмыс артмис, унакоды сёйм вои. Сэсся, мый вöлi, ставсö бёр ворсси. Нэылын месянь ок и мичаник аны! Кодоско либö мыйкё виччысö. Нюмсера, мелань кыйкнитлывлö. Юрсиыс, быттьё Невалён гыясыс

шондіа лунöю гындыс, шылдыс, небыд визулöн усыёны. Пукси орчён. Юыштим. И ме вунöді ворссыётö. Варовитам. Инмöдчыла нин чуныпомъясöн сэтчö-татчö. Рулеткасыд ёнджыка öзтö. И нимсö висьталis — Инга. Окыштын удитi, но матыстчис нем виччысytöг горилла чужёма, тöрытъя кодь кымын дядьö (сiйöн и содтöд ме тöрыт пузылыi). Кыскис менö ань дорсыыд, йöткыштis бокö и... чышкис быттьö буссессöм кияссö. Ань видзöдö миянлань, оз вörзы, и век на нюмъялö! Со миян и пансис. Детинаыс ён, но косясьны оз куж. А ме, дерт, гажа. И яр. Кабырнас чöйтис менö буфетлань, но сувтi и киö сюрём сулеяён сизьдi-лыий мисьтöм рожаас. И водзö: мый киö сюрё, сiйöн и ляя. Сибалi и тувкöдi на ёна.

Воис милиция. Кыкнаннымöс кватитисны. Рожаыс казиноса пöрадоксö ви-дзысыс вöлöм, а мича аньыс — сылён. Тадз мед и висьталis! Гориллаыд мый — лэдзисны, а менö университететьс — шöть! Бать, а сэсся и пöль, ветлöмайс и сэтчö, и казиноас пыралöмайс, орчён öд. Но эз артмы нинöм. Горилла кодыыд ас местаас эз нин вöв, кытчöкö мöдлаö вуджёма, и некод нинöм оз тöд. Кияссö паськöдлоны, шензьёны-дивуйтчöны. Но, тöда ме татшöмторъястö. Корёны нöшта пыравлыны, вöзйёны весиг рыт бура коллявны, дон босыттöг.

— Но öд и тэ эн вöв прав. Дзик тöдтöм ань, а тэ...

— Позис и гориллалы гёёрвоöдны, кодарö мый... Юр вемыс кö эм. Но сiйö ачыс гажа нин вöлi. Жаль, дерт, мый тадз артмис.

— Сöмыйд да казиноыд мый, университетыд донаджык.

Равиль йöткалis сотчытöм на ув колясъяссö да небыда дивитis Владöс.

— Армия бöрын босытасны бöр. Бать век жö сёрнитчöма. Ог ме кaitчы-мaitчы ньöти. Артмис тадз, сiдзкö, тадз вöлi шуёма,— Влад петкöдлis кинас вывлань.— Регыд гортö. И ставсö заводитам выльысь, командир.

Серафим гыжыйштis балябöжсö: но и Влад! Ань вöсна лои эновтны университет, ань вöсна лои Серов кар.

— Аньяс кö лоёны туй шöрад, сэки ставыс и вермас торксыны. А?

Серафим бергöдchis Рюриклань.

— Тайö абу меным выlö шуёма,— нюммунiскодь Рюрик.— Татшöм грöзыс месянь зэв ылын.

— Со и ставыс. Öтитор медся жаль — «Тойота» менö оз нин виччыс, весь-кыда кö шуны.

— Мый нö лои?

— Вештыссымайс öтилы-мöдлы и...,— Влад шутёвтыштis,— лоёма янсöдчыны «Тойотакöд». А мый öд вöлi йитчöма сыкöд — быдса сериал. А-а, ладнö.

Влад шеныштis кинас, и тайöн петкöдлis, мый сёрнисö та кузя помалöма. Да и кусём бипур дорын ыркыдмис.

А водзö лои со мый...

Виччысytöм выль туйвизь

Руль сайö пуксис Серафим. Нуöдiс видчысöмёнджык. Туй пöлöн ляпкыдик кыддза расъяс вежласисны веж коз пу дiясöн, но Надым юлань матöджык вöрыс вочасöн джудждаммис, сукмис. Мыччысисны и пожöмъяс. Откымынлаын и вош-

ны нин позис, пыран кё быттьё. Ылін тыдовтчылісны руд чутъяс, здук кежлө сувтовкерлісны, чуймёмн дзоргисны муралысь БТР-лань, сэсся повзёмён чепёс-йылісны вёрланысы.

— Бара көчьяс. Рудёс на. Регыд еждасны.

— Серафим,— Влад кёсойтчыліс сылань,— ті од Комиад, чайта, ставныд либо вёралысьяс, либо чери кыйысьяс. Кёч яя шыд тә сайын.

— Кыдз шуад.

Грунийс-грайніс туй кузя лайкйодліс, но ээ ёна зыркод. Тайо выль сикас, быдлаті уялысь БТР. Ода. Сылон абу нин, воддзаяссы кодь, карбюратора двигатель, а выниора дизель, оз ков отторъя повны ёзйомыс. Бур туй кузя төвзъю 90 километрөдз часнас, ва вывті — 10 километрөдз. Босьтö сизим морта десант, но оні сы пыдди съорсыныс нүёны тырмымён ломтас. Эм ыджыд калибра кык пулемёт. Найо 500 метра ылнасянъ вермёны розвьодны куим сантиметр кызта броня, но, Ен кё биысъ-васыс видзас, пулемётъяс зонъяслы оз ковмыны. Да и кутшом пулемёт Россия шёрын! Но Рюрик найо с дозъорито, разъл-чукортё, чышкё-мавтё, башнясö отарё-мёдарё бергёдлө. Рюрик дозъёр улын радиостанция на эм, кутшомкё ылнаёдз судзё. Оз ылодз. Рюрик зильё дзоңталыштыны, сёдз вёдитчомаёс кыдзсюрё. Мыйтакё вежортё та кузя, киыс сибалё. Кужж схемасö лыддыны.

Броник — бур ёрт збыльной тышын. Топыд резинаа гырысъ гёгыльяссö розвьодласны кё автоматъясыс, весиг пулемётъясыс, БТР оз сувт — мунас на некымын сё (сё!) километра водзё, и мед гёгорыс кё уналаті розя. И, содтёд, кёкъямыс гёгыльысъ кё жугаласны да дзикодз торъяласны кык гётыль, мед кёть кутшом, БТР и сэк оз сувт, мунас на, мыйта коло...

Туйныс вожавлывліс, кодарёдис муны? Серафим сэк бергёдчывліс Равильлань, сержант индыліс кинас, водзё по. Кутшомкё мусерпас, ас вёчом, киас кутіс и сы серти индыліс туйсö.

Чёв олісны дыр. Серафим бергёдліс юрас Владлыс висътасъомъяссö. Кутшом кокния сёй вермё аньяскод и тёдмасыны, и янсöдчыны. Сыктывкарын, Комиын, Серафимлён жалён коли муса, лёссыдик гёгёр нывка. Вильыш нюмсера. Любайон шёуны. Помалё культура колледж. Ачыс Сизябскысъ жё. Майшасъ Серафим сывысъ, мый унаён си вылё дзоргисны и ас сиктын, а уна йоза карад... Кыдзмый карас, Серафим оз тёд, но сиктас том йоз весиг тышкасылісны лёссыдик нывкаыс вёсна. А Серафим да Люба зилисны не петкёдлыны ас костаныс матыслунсö. Коркё гожём помланысы некымыныс ветлісны орчча вёро чёд вотны. Вёрас торийон пырасны, сэсся аддзысъясны да ётлаын и вотчасны. Дерт, окасъомъяс вёліны, но вотчасны, кытчодз дозъясныс оз тырны. Весиг ёти дозйё вёрысъ петём водзвылын вотчывлісны, мед кыкнаныслён тыр вёлі. Окасъомыд коддзёдё, Серафим весиг юр садысё воштылас, кутас сибодчыны матоджык, но нын орёдчё.

Тырмас. Ме тэнё радейта и ставыс. Тэ менё тадз жё радейт. Быдторлы аслас кад. Гёгёрвоана?

Быдсяма ногыс эсъё мальодіс-мевийодіс, но сувтісны та вылын, и Серафимлы бытть лои лоныны. Локтан по армиясыд, сэк и видзёдлам, кодарё мый. Любалы тайо кад чёжнас велодчомсö коло на помавны.

А Серафим... Техника тёдисылы-радейтысылы уджыд сюрас. Керка бытъён

ләптас. Войвылад йозыд, мыйкө босътасны кө юраныс да съёлёманыс, бёр он нетшышт — вёчесны, мый колё.

Сўмын мыйсюрё век жё майшодліс Серафимёс. кыдзи сыйтог олё-вылёт карас? Тульской дивизияс на танкисталігён гижис письмё, гусясыс-гусяёс, сўмын ёта-мёдлы, и век гордодліс, кор ыстом письмёс дум вылас волас. А гижис, оз-о кодкё мёд сыкёд вёч сізд, кыдзи сылы, Серафимлы, эз удайтчы? Состомён-о кольё? (Мамтё шогодысыд, тадзи и гижис; тайкё пошта ящикё эз пазёд, мед письмёсё бёр перйыны).

Воча кывыйс ёдий и воис. Люба гижёма бур, шоныд письмё, олём йывсыс, велодчом йывсыс, а дзик помас нин: «Йюк! Юалём кузяид вочавидза. Воан да мырсышты на ковмас. Пöсъ кисьтны. Ме кё ылодла, кутшом олём миан водзё вылёт вермас лоны. Тэч тайёс юрад. Окышта сёйсъ ассым йюкёс да виччыся армиясь воём».

«Ме абу йюк, а сап йой», — кывкорталіс аслыс Серафим. И майшасьомыс воши-быри.

— ...Эк, оні эськё том ань кё мианкёд муніс, — виччысътог шыасис Влад. — Зэлыд кокъяса, топыд вир-яя, бёр и водз шылдыд, чепольтны мед эз шед. Гажаджык эськё волі. И профессорным сёрниаджык эськё лои.

Серафим сероектіс виччысътомуысла, быттьё Влад лыддис мёвпъяссё сыйсъ, и восьтіс сылон став майшасьомыс вылёт ассыс видзодлассё.

— Меным тайё ньоти оз инмы, князь, — нюмъёйтіс Рюрик. — Та кузя ме венны позытём крепость.

Но князь эз ёвсы. Рюриклы сетём нимпасыс сылы кажитчис.

— Ошка тэнё, профессор. Мортыд, кытчодз оз гётрась, пыр том, но ёд и ворсодчо том вирыд, а ышмём съёлёмыдлы паныд мунны сэтшом жё весьшора удж, кыдзи и номъяскёд тышкасьны.

— Тайё грек.

— Кывлі ли лыддылі ли кыськё, грека морт по кайтчом бёрын лоё Енлы матынджык грек тёдтём дас мортась серти.

— Гётрвоа, мый йылышь тэ. Но тадз кё мёвпавны да вёчны, кытысъ сэсся аддзан сёстом нывсё?

— А оз и ков корсыны. Сэтшом нывсё он аддзы, кодлон некод эз вёв либо абу.

— Тэ Дон-Жуан, князь. — Рюрик лайкийдлыштіс юрнас. — Мый нё, либо узълём нылос вайны? Коді киысъ киё ветло.

— Да.

— Но и сёвет сетан, — шпыннымуніс Равиль.

— Содтод бурджык, — эз лэдзчысъ Влад, — вайны юксёма аньёс. Сэтшомыс мывкыд вежёра, ставсъ нин тёдо ас сертиыс. Лоңь оланног да верёс, сэсся нином нин сылы оз ков.

— А кагаа кё? — юаліс Равиль.

— Тайё нёшта на бурджык, ставыс дасьён киад воё. Жыкруйт-ов.

Броникин ставныслён серам петіс.

— Тэкод гажтёмлун оз босът, князь, — долыда шуис Рюрик.

— Профессор, кывза да тэ он тэрмась кывтё шуны, он бызғы ковтёмторъяссё, он весиг матышт.

— Медвоздз вёлі кыв, и кывыйыс вёлі Ен. А матькомыс некодлы оз лёсяв. Матькомыс мортсö асьсо пытшкёссяныыс сотö. Молитва быдёнлы лёсялёт, сійё бурдёдёт.

— Тэ Енлы эскан и наукаяссö пыдди пуктан. Кыдзи найё артмёдчёны ётамёдныскöд?

— Зэв бура. Альберт Эйнштейн шулома: «Мирсö лёсьёдіс ыджыд выниёрба вежёр. Сöмын кутшöм могён? Тайёс миянлы абу шуёма тёдны». Тадз жё чайлісны Ломоносов, Ньютон, весиг Дарвин.

— Да. Мыйтакö ме вошём морт.

— Ме тадз ог чайт. Бурыс тэын эм уна. Ачыд, гашкё, та йылышь он тёд. Он со шпүткы-тшинасай и.

— Казино бёрын чөвті. Польёс уськёдом артмис. Ас вылёт лёг. Быдсямасы на ме пытшкын эм.

— Ме ог мыжав. Кутшöм ме мыжалышь!

— Тигр,— вежис сёрнисö Влад, дизель шысö кывзöг.— И небыда шыалёт, оз гора, быттыö кыйёдчö кодкё бёрся. Либё кылёт кыйёдчöмсö.

Тадзи кымын и лои. Оти чукыль сайын Серафим да Равиль Загитуллин оттшöтш казялісны тэрыба восьлалышь ныvbabaöс. Сійё торксьёдіс-муніс сылань жё, кытчö гёгыльтчис налён БТР-ныс. Регыд и сүндісны. Мышнопа, зумыд ки-кока ань, джинсы гача, шавъялан юрсиа. Веськылладорын коли Хамби-Яха по-сёлок, а водзын Надым, сійё Ныда кодь жё ыджыд да уна йёза. Но сэтчöдз тайё туй кузялыш кё, километра кызылд лёт на. Ныvbaba ләптіс кисö, и сыкёд орччон БТР сувтіс. Татш-татшкери броникö. Абу полышь. Равиль восьтіс öдзёссö.

— Кёсъяныид мыйкё юавны?

Ныvbaba ки пыдёссö пуктіс морёсас.

— Донаясöй, бур йöz, мездöй, нуöдöй менё Танловоö.

— Ми абу автобус.

— Аддза, но кыдзкё-мыйкё. Пышъя дурмём мортышь, вийны менё кёсийö. Верёсён асьсо шуё, но некутшöм абу верёс сійё. Овмёдчис мырдён сорён менам патераö, Улыс Харутаын, юё да ыджыдалёт ме вылын, кинас воö, оз уджав некён, да коді сійёс босътас!

Улыс Харутаыс Обь ю берег дорын жё, Ныдасянь войвывланын.

— И век жё миян, асыныд аддзанныд, абу автобус и водзын асланым туй.

— А ылёт-туй куттанныд?

— Кытчö колёт, сэтчö и мунам.

Ныvbaba бёрддзис.

— Босътас лолёт, не овны мем сэсся.

Влад нюжёдчис восьса öдзёслань.

— Верёсыйд, али кыдзи сійёс, ог тёд, мугём чужёма, шуйга ныр розыыс порота?

— Да, да! Сійё. Звер, а абу морт. Синмён аддзыны ог кёсай. Вёвлома и кольёма. Тырмас!

— Тіян нимныд?..

— Густя.

— А мый ми вермам вёчны?

— Нуёй Танловоöдз. Сэн менам чужанін, бать-мам, вокъяс олёны, вёралёны.

Сэтись эттій сётанаыс оз кут корсыны, а воёдчас кё, пуркёшитасны пётмён. А, донаяс? Ме мынтыся.

Нывбаба кевмана видзёдіс Равиль вылёр, Влад вылёр, Серафим да Рюрик вылёр.

— Миян туйсъы Танловоыд ёна бокын,— коса тёдчёдіс Равиль.— Ветымын километраясь не этшаджык.

— Вокъяс сетасны тіяны көр яй, чери, вотоңыс налён быдсямыс. Оңи рёмдө нин. Узянін тіяны аддза, верда-юктала, а аски асывнас бур воляён бара водзё мёддочад. Надымлань, а ті сылань, аддза, мунад, Танловосянь мёд туй эм. Ме петкёдла. Оз и ло ёна кузъджыкыс.

Равиль чөйтліс нывбабалань съёд синъяссö сюсьдже.

— А туйяссö мыйён тёданы?

— Тода. Висьталі тай, тан быдми. Велёдчигон на бать-мам нулісны менё Ханты-Мансийскö, Шеркалыöдз машинаён, и Обь кузя сэссе теплоходон. Водзті быдсямыс уна ветлодліс, оні ставыс кытчёкө воши — и машина и теплоход. Облань öти туй, Танловосянь неылын вуджанныд Надым ю, а сэссе Хейги-Яха ю пöлён позъо сувтлытöг мунны.

— Гашкё, штурман пыдди босытны аньсö, командир? Некутшом мусерпас сылы оз ков, ставсö сізд тёдö.

Серафим дивуйтчыштіс ас кежсыыс. Неважён на Влад шуасис: «Эк, эськё том ань кё миянкёд мунис... Гажаджык эськё волі...» И со тай, вöйзысьо том аныыд. Но и Влад.

Сёрнитісны дыркодь. Нывбабалон некымынысь на синваыс петавліс. Медбöрын, вынтоммис буракö дзикöдз, курыда ышловзис да ланьтіс. Гögör тшемвидзис вöр, лунтюгыдыс ньёжийоник мёдіс вошны рытъя рöмыдас. Тыдаліс, мый Равиль ыдъясис, эз окотит вешйыны аслас туйсъы бокё, од ставыс бур ногон заводитчис. Но тані морт, нывбаба, öтнас и корё отсöг. Оз позъ, а быттьёкё и колё отсавны.

— Но мый, командир, ми од погона йоз, россияна... Оні эськё джын туйсö Танловолань вуджим нин.

Равиль кёритана видзёдліс Влад вылёр да шняпкысис-пуксис ас местаас. Кинас петкёдліс, мед нывбаба пырис да пуксис десантникъяслон кутшöмкё пуклосö.

Густя нима том нывбаба, Августа сіздкё, тыдавтöм буссö кинас öвтыштöм бöрын, пуксис, лэдзис мышнопсö кокъяс улас, нюмунис да кокниа ышловзис. Бан бокъясас сylöн нёковъяс, мичлуныс, съёкыд олём вылёр видзёттöг, абу на чусмёма, зэв на и синмё шыбитчана.

— Бур кузя бурён,— кывкорталіс Влад.

Ань аттьёлана видзёдліс сылань, копыртчыліс, мед мышнопсö кокъяснас топёдны, еджыд морёссыс здук кежлө воссыліс паськом сайсыыс, тырмымён, мед сюрны Владлы мет вылёр.

И броник вöрзис. Серафим коли руль сайын.

— Регыд лоё туйвеж, шуйгавыв колё кежны,— сэтчö вотёдзыс на кыв чөйтіс ань.

Недыр мысти Серафим сэтчö и кежёдіс брониксö, и мёдісны журöдны-мунны Надым ю катыд, Танловолань, кёні на пыссы некод, Густясын кындзи, некор эз вöвлы. Шёр мунан туйныс налён пыр ылышмис и ылышмис. Равиль эз сюйссыв сёрниас анькёд паныдастьмсяныс. Туйыс вочасён лёкмис и Серафимлы лои сюсьджеика видзёдны ас водзас, а Влад вешийис аньлань да пуксис орччён. Воча нюмунисны ёрта-ëртлы. Равиль сомын видзёдліс, но кыв эз шу.

«Содтөд кывкутём ас вылас босътіс», — пасайис думнас Серафим, но командирös таңсыз эз дивит. Урал-Из сайын, чужан муас сылён, век быттыö отсавлісны пикё мортлы. И мёд ног эз вермы лоны.

БТР пырё тышё

Бур дела лои вöчома. Влад сьёлёмсянъыс мелуйтіс-бүрөдіс Густяёс, дерт, джын гёллөсөн. Брониклон збодера мургомыс дзебис Владлыс зільмъяссö. Кодарö мый сийё зілис, некод эз кыв. «Но и мед! Өд князь, аристократ, кывйö сетчöдны кужё», — ас кежсыыс шмонитана кывкортёд вöчис Серафим.

Сийё эз майшась туйвизыс вежомыс, бур вылó кё — мый майшасьны. Бронник со, послукман вöв кодь, быд вёрдём киён-кокён кылö. Серафим оні оз куж нин и донъявны: танкён али бронетранспортёрөн весъкёдлыны кокниджык. Туйыс кё бур, ворсом кодь. Абу кё — мышкыд мудзё и посявлö.

Сукджыка нин рёмдіс, кор водзын дзиркнитіс Хетта ю, сийё усьё Надым ю. Матысмисны, а сэссе зургысисны юыс вомён нюжёдом поскö. Пу пос. Важиник. Унаясь дzonьтавлöма, дёмлöма.

— Машинаяс тати вуджлöны, — юörtіс Густя. — Вöр кыскалöны.

Машинаслон гёгыль туйяс поскöдзыс тöдчисны. Но бронетранспортёр... Өдвакö по скыс лептас татшом сьёкыдсö. Равиль ветлöдлыштіс пос кузяыс, а сэссе шыасис Влад дорö да тшöктіс броникнас уйомён вуджны юсö, сийё некымыннись вуджлöма нин Серовас. Юыс абу паськыд, берегыс пос öтар-мёдараас изъя. Таладорыс пёкатаджык, мёдладорыс алькös. Влад öвтыштіс кинас.

— Вуджны позяна!

Нёльён мёддöчисны пос кузя, а Влад видзысымён лэччöдіс дас куим тонна сьёкта брониксо валань. Сизим десантникись, кодъяс вермисны эсько тöрны татчö, босътöм ломтасыс да мукöд кёлуйыс вöлі кокниджык.

Вуджомыс лючки артмис, пуксялісны, руль сайын коли Влад, торйöдісны аньсыыс, мед дзикöдз эз ылав. Влад вильыша нюмунліс да крута öддзöдіс брониксо. Коркё и тыдовтисны Танлово сиктлон медводдза керкаясыс. Неыджыд сикт, пемыд öшиньяс сертиыс джынвыйö эновтöм, ляскысыома кузялалыс Надым ю берег пöлён. Танлово юыс, кодös вуджисны, тасянь ылынкодь, но öткодя со тай нимтöмайс. Гашкё, сы вöсна, мый Надым нима кар эм нин. Водзö кё мунны Танлово сиктсиянь, сэн сэссе Ханты-Манси округöдз вörзьöдлыштöм парма. Туй ни морт. Руд кымръяс улын гудыра дзузвидзис некымын öшинь, унджык керкаыс вöлі битöм. Но тайö керкаясыс вöліны морт оланнïньясöн, бöръяясöн сьöд парма водзас. Водзö сэссе некытчö, сöмын бöрлань.

Равиль кинас тшöктіс Владлы сувтöдны БТР-нысö. И бергöдчис Густялань, коди юалана видзöдліс сы вылö.

— Водзö ми огö муной.

— Мый лои?

Густя кыскис мышнопсыыс югыд сuleя.

— Тасянь ми бергöдчам, сиктас огö пырой.

— Лов шонтан сувтöда. Шойччанныд, уздяд. Асъя югыднас водзö мунад. Сыылнаöдз воинныд да узянныд жö öd.

— Став бурсо тіяңлы! Ми отсалім воёдчыны, кытчо көсийинныд.

Ань пукаліс, корана видзёдіс Равиль вылёр, эз тәрмась петны. Лои Равильлы небыдджақта кывқорташты.

— Влад неуна колльёд, а сәссе ми мёддочам асланым туйёд. Став бурсо!

И бергёдчис аньланышты.

Зонъяс чөв усины, но некод кыв эз шу паныд. Сёрни помассис.

Влад и Густя петісны ортсо, мыйтако орчён ылыстчыны, а недыр мысти колльёдьсіштік болып табады.

— Яй ни чери оз ло! — пасъкодліс кияссо Влад.

— Оз кө и оз,— воча шуис Равиль.

Түйө петём водзылын нуръясыштісны. Кос паёк босътісны тырмымён. А кодаро ѡні мунны? Командирныс позис гөрөрвоны: налён асланыс туйвизь и си ылылыс абу быть тёдны бокөйяслы, на лыдын и танловоса олысьяс. Юасыны кутасны, а ылодлыны абу жо мича. Да и вермас не артмыны ылодлёмыс. Абу эсько ыджауд военней гусятор, но век жо...

Пуксыом чөвлүнсө торкис ылісян мөслён бакостом.

— Ого! Тайё мем кажитчо. Командир, важён нин ми йөв эгө юлой. Бёр-водз ме эсько ветлі. Съом эм. А сәссе түйё. Көтү кодаро. А?

— Тайё пырё жо дисциплина торкөмө,— вочавидзис Равиль.— И сізд нин ми сийос торким.

— А кён ѡні оз торкавны дисциплинасө да оланныгсө? Петав гражданкао, каро либо сиктө, быдлаын талон: сахар, шыдёс, водка — нином талонтөг он босыт. Со и ов!

— Йөв шуан,— Равиль мыйкө мөвпаліг ассыыс, кунтыра синмён видзёдліс Равиль вылёр.

— ...Со татчо,— Влад кыскис нуан көлүй пытшсыыс неыджауд канистра пластмассасысь.

Равиль век мыйкө ассыыс юрас күтіс. Чөв олыштөм бөрын согласа шуис:

— Вöчам тадз, «экипаж машины боевой». Ветланнныд сиктас кыкён — тә, Влад, и Рюрик Казаринов. Энө ёна эрдөдчой. Мөс баксом шы вылас и муной. Но сюся видзёдой, кодкө вуджортлас кө.

— Гөрөрвоана, командир.

— Со тіяңлы съом.

— Миян эм. Оз көв.

— Вермас ковмыны. Кык водительös ыстыны ме ог вермы. Оти мед коляс броникин. Щи пемыд нин. Босътой съорсыныд фонарик. Кутад локны бёр — югнитлы здук кежлө куимсысь. Тайё лоö пароль. Ми сідзжо, куимсысь вочавидзам. Юаломъяс эмөс?

— Абу.

— Влад Оболенский ыджаудыс кык морта котырас. Рюрик Казаринов — комиссар,— шмонитіскодь Равиль.— Кадысъ-кадо Владос коло кутыштавны мыйсюрөөсісь, Чапаевөс моз.

— Мёдім, комиссар,— збодера чукостіс Влад.

— Мёдім, Чапай князь,— шпынъмуніс Рюрик.

— Тіяңлы сетсөю оти час. Час мысти миянлы коло лоны туйын нин.

— И кодарлань, командир?

— А сійё менам мог, тіян ветлігкості воны мыйёк.

«Чапай да комиссар» чепўсайисны водзланьё, тэрыба мёдісны вугыйны-муны и регыд вошины син водзысь поводнёя нин сукмом пемыда. Пуксис тіньсиздан чўб.

Равиль кыпöдчис вылё да восьтіс люксö. Серафим заводитіс сюся дзоргыны туйлань, часіö видзöдлывліс. Сідз шусяна «Командирской» часі, Тульской дивизиян комбат майор Гридин козыналіс, строй водзын. Лёнь кад на волі. Кысько суйёр сайсы воём гырысь чина военнёйаслы сямлун петкöдлёмысь. Кажитчома налы Т-80 танкён быдсяма мытшöдтъяссö кужёмён венёмыс. Часысь кадсö и пемыдын аддзан. Весиг бурджаика тыдалё, сап пемыд кё.

Вичысигад кадыд дыр кыссыö. Лои нин дзурс пемыд, но синъяс вочасён велалісны пемыда и воисъяслысь мыгöрсö ылісянь позис казявны. Но оні Серафим син водзö ясыда сувтіс мусаник Любасыён мыгöрыс. Нывкаыс вильыш, но ас, юмов мелі видзöдласа. Мый йылысь мёпавны татшом кадö? Любасы и мёдіс бергавны юрас. Вильыш рунас ёнджаикасö дэльёдö. Став нылыс-ö мый татшом? Эсько и бурёдіс-лёньёдіс бёртъя письмёас, но бара на ловзисны вунёдлём серпасъяс.

Йёктан рыт клубын. Оти бёртъя мёд корёны Любасыёт йёктыны. Йёктыны кё сомын... Сывыштын топыддżyка бергалігас, мый ся зонъяслы колё? А Люба, дерт, кыпыда бергалё, вёсни ситечыс дзув тыдалё, а Серафим рытывбыд вежёкто, мед и Люба бёрыннас бара шуас: «Нинём абусыыс вежёктан. Менам мамё оні на праздник рытъясö радейтö йёктынётö, и абу быть батьёкёд. Да батьё оз и вермы — сійё рытывбыд гудёкассыö. А тэ кужан гудёкассы? — Серафим оз куж. А Люба кокнас тапкё: «Мед волі велёдчомыд!» Сійё на и прав коляс. Мед ме гудёкаси рытывбыд, а сійё рытывбыд кодкёдкё йёктас. Мый сысьс бурыс мем? А ворсны велёдчыны колё. И артмё кодь нин. Армияёдзыс босьтчис велёдчыны. Воссяс нывлы, кор бура кутас кужны. Оз най тайён ошайысь.

И век жё думъясыс мёдісны личкыны. Сэн жё, клубас, öтиыс-мёдись петаліс йёктыны Любакёд. А сэсся сулалё бокын. Но нывлы окота йёктыны дугдывтöг. Вот сё морё! Влад кыдзкё шуліс, БТР-сö отлавын дасытігён на: «Асланьёдны нылёс кокни, сёбкыдджык сэсся кутны сійёс ас бердад». — «Мыйла сідз артмё?» — «А сы вёсна, — пасыйліс Влад, мый быд нывлон-аньлон эм пытшас гусьён отдорчывны кёсийм. И мусукуыс дона, и мыйкё нёшта на колё». — «Но ѡд абу откодьёсъ став нылыс либо аныс?» — «Откодьёсъ, — вочавидзис Влад, — быттё анькытшъяс пуртёсъин».

Ноксисны трансмиссия да дизель бердын, а сёрниясыс бергалісны нывъясанъяс гёгёр. «На гёгёр и гарчё став олёмыс, — тёдчёдліс Влад. — «Оз жё ѡд ставыс», — пыксыліс Серафим. — «А тэ эн казявлы торъялёмсö, Серафим, кыдзи том аньяс сёрнитёны ас костаныс и мужичёйкёд? Ас костаныс кывныс чож, а чужёмныс весъкодь, но мужичёйкёд сёрнитігён ставыс наын воё боевой дасьлуню: видзöдласныс, нюмныс, сёрнитанногныс, асыныс кутанногыс. Шызъёны ставнас. Лоёны меліён, нюдзён, сетчанаён, но оттшётш и неуна ыждалысъясон. Тёдёны бура: тайё сомын содтас налысь донсö да кокниджыка Ѽзтас кодёс колё».

«Татшом думъясадз ме эг на волы», — сомын и вермис шуны сэки Серафим.

Бара видзöдліс часіö, водзын некод на эз тыдав. Серафим бергёдчыліс, кёні сулаліс сержант. Эз быттё и кёсый, но артмис вичысътём юалём:

— Командир, прёща кора, а Казаняд тэнад эм... съёлёмшёр ныв?

— Абу.

— И эз вёв некор?

— Мыйла эз вёв — волі. Сійо лои съёлёмшёр гётырён. Шуёны Айсылу. Мегётыра.

— Но-о... — Серафим дивуйтчомён видзёдліс сержантлань и эз кут юасыны водзё, а Равиль чёв оліс. Серафим сёмын мёвпыштіс: «Налён ёд ставыс мёдног».

...Влад Рюриккёд тыдовтчисны ылісянъ нин и ылісянъ куимысь югнитісны пёнарикнас. Равиль тадз жё вочавидзис. Зарзьёдёны-локтёны. Матысмысь ёртъясыс явö тэрмасисны. Некутшом йёв эз вайны. Тыртём дозмуксö Влад чёткіс ылі пельёсö. Броткыштіс:

— Дона тóвар куйлö, а донтём ветлёдлö.

Серафим чуймис.

— Тэ тайё мый йылысь?

Равиль чёла виччысис висътасьомъ.

Владлён висътасьомъ шемёсмёдіс виччысъысьясöс, а ветлышысыс татшом рүён и зарзьёдісны-воисны.

— Медводдза керкаыс, сійо бокынджык ётнасөн сулалö, волі биа. Сылань и матыстчим. Тёдмавны кёсійим, кодлысь йёвсö юавны. Ёшиньясыс занавестомёсъ. Оти ёшинь дорын, ми сійос бура аддзим, шнёпвидзё-пукалö миян Густяным, тшёкъялёмён висътасьо. Лэдзалаом юрсиа, киыс лэбалö. А оти дядьё, сійо медся гора, ставнысö венö гёлёнснас. Бугжыля видзёдласа, и — тёдад сійо коді? Тёрытъяд, коді миянö воліс. Густяыд серёктывлö, некытчо сыыс абу пышылёма, а бура воёма, мотоциклнас, медым паныдавны миянöс сиктас кежтöдз. Тадз сылы волі тшёктьома. Менö посьё быдсон шыбитис.

— А мүкёдис мыйён воёмаоßы?

— Найё тан виччысъомаоßы. Сёрнисыс тадз петё. Пышъялысъяс. Дзебессыоны.

— Кутшом могыс налён? Ти мыйкё гёгёрвоид?

— Кутім кывзысыны. Йёлыд, командир, юрыс петіс. Сэні пуюс сулалёны... Этійё...

— Кыдзяя,— стёчмёдіс Рюрик.

— Да. Керкасияныс матынöсъ. На сайё и сувтім. Чошкёдім пельянснымёс. Юёмаоßы. Жельксыны-вензыны кутісны. Порота ныра дядьёыс гёлёнснас босътö. И мый ми кылім да гёгёрвоим: могыс налён сыын, мед мырддыны БТР-нымёс, миянысъ мездысыны, босътны «калашъяс» да уйыштны. Кытчо — эгö гёгёрвой. Миян пасъкомён водзё пышшины. Кор да кодарö мёддоччим, Ныдаын тёдмало- маоßы. Тайё керкаас и кёсиймаоßы узътöдны. Юкталом борын. Эгö воёй да чу- кортчомаоßы асъныс.

Влад чёв уси.

Шыасис Рюрик:

— Выль Уренгой некымыныс гарыштлісны. Миян моз жё нёльёнөсъ да нёшта аныс накöд. Юрнуёдиссыс — тёрытъя тёдсаным, тадз ме гёгёрвои.

Влад содтіс:

— Ёрта-ёрт дораныс шыасисны овъяс серти: Дуреев, Верзилов, Шакал... чайта, пышайисны Выль Уренгой бердса лагерысъ, и пышайигас уна лёк вёчисны. Мотоциклыд на киö бурён эз сюр...

— Серафим Чупров, руль сайё! — тшёктіс Равиль, чужомыс зумгыртчома.— Мунам водзё, сиктланысы, кытысъе воисны Оболенский да Казаринов. Кинас индіс да ярекоба шуыштіс:

— Водзё!

Пыр жо джужкнитіс-шыасис двигатель и дас куим тонна съекта БТР кокния вёрзис местасысы.

— Мунам битёг,— тшёктіс Равиль.— Казаринов, пулемёт сайё! Зарадит! Лөсъёдчы лыйлыны!

Рюрик чепёсийис башнялань. Нетыштіс чехольяс, гальс-гальскерис зарадитіс, бергёдлыштіс башнясö отарё-мёдаро да городіс увлань:

— Нельёд номер тышё дась!

— Со керкаыс, командир,— индіс Влад югзысы ёшиныяслань. Ылынёсъе кодь на воліны.

Равиль бергёдчис Серафимлань.

— БТР пырё тышё!

— Мёд номер дась!

— Коймёд номер дась!

Тупкисны-пöдлалісны гёгёр ставсö. Серафим видзёдіс водзлань стекло пыр, кодёс пуля оз босыт. Сержант и Рюрик видзёдісны оні боевой перископ пыр.

— Керка весытас бергёдчан фарайсан ёшиныясланысы, югзыёд найёс, мыйта верман.

— Эм!

— Казаринов, тэнад прожектор, швачёбыты яръюғыднас ёшиныясан!

— Эм, командир!

— Мед синтёммасны мыйкё дыра кежлё.

БТР сувтіс керкаыслы паныда, фарайсаныс югзисны став вынсысы.

— Командир! Котралёны ёшиныясан! — городіс Влад.

— Мед котралёны кё. Серафим, газ личкы помёдзыс!

— Эм!

Двигатель кутіс ревгыны пель чунавтодз.

— Тырмас! А оні борынътчи и туй кузя водзё. Биястö чинты.

— Эм!

Мыйкё колснитіс броня кузя боксянь.

— Лыйлёны, командир!

— Кыла. Оні позьё и вочавидзы. Эгё ми заводитой.

Мёдись шковмуніс лыйём шы, но броникё ээ весъкавны.

— Оболенский, кён налён мотоциклны?

— А со, пошти миян весътын нин.

— Керкасиянысы ылыханкодь сулалё. Позьё... Серафим, сувтлы! Казаринов, мотоцикл кузя би! Аддзан?

— Аддза, командир!

И сяркнитіс БТР-лон 14-ёд калибра съокыд пулемётыс. Сійё азыма нылаліс обоймасо, а пулятём нин патронъясыс гора шыён гылалісны кыз дёра сепыссо. Кутісны ләбны торпыригъяс мотоциклсыс.

— Мыйла оз сотчи? Лыйлы бензобакас!

— Эм!

Здук мысти ыпнитіс югыдсыыс-югыд би. Серафим аддзыліс вывлань лэбись тёгыль, лэбигас сійё бергаліс. Ыпъялысь бакыс качліс гёгыльсыс на вылоджык. Трачкақыліс-сочтис ставыс, мый коли мотоциклсыс.

— Казаринов, кусод прожектортö, оні и сідз югыд. Чупров, бергöдчы и тыр öдон бёр, туй вылö, кысянь кежим.

Сержант мудзёмпрырысь шыбитчис пуклöсас.

— Ичотик блиц-война, но миянлы сійөс көвъялісны.

Броник, став вынсо зэвтöмён, лэбыштіс пышыйсыяслён керка дорті. Лыйём шыяс сэсся ээз кывны. Сиктесыс петём бёрын нин тшöктіс:

— А оні вежсöй. Влад, руль сайö!

— Эм, командир!

Недыр кежёл суvtовкерисны, и БТР мёдіс журғыны-мунны водзö, туйвежлань, кысянь ылодлёмён кежёдісны Танловоö.

Вой

Бара уйёмён вуджёдісны броникнысö Танлово ю вомён, а сэсся Надым ю пöлён, тöдса туйёд, воисны туйвежёдз. Кежисны шуйгавыv и недыр мысти суvtісны Надым ю вомёныс нюждöм ён пос дорö. Равиль Серафимкöд бергалыштісны пос водзын и пуксисны бёр.

— Вуджам,— шуис Равиль.— Ветлана пос и поскыс зумыд. Некутшöм майшашьöм. «Камазъяслён» гёгыль туйясыс тöдчöны.

Вуджисны пос кузя лючки-ладнö. И — водзö!

Кёнкö вой шöр дорö нин шуисны суvtны шойччины. Кежисны туйсыыс, чукльёдлісны пуяс костö и сайöдчисны пашкыр увъяса веж козъяс сайö. Гёгёр вöрзьöдлýтöм вёр. Пышъялысьяс татчöдз регыдöн, дерт, оз воöдчыны, мотоцикlnыс ээз ло, но Равиль тшöктіс кутны автоматъяс ас бердын, а ортсын шойччиgъясö кодкö век мед вöлі броник пытшкын. Быд здукö. Сідз кö нин артмис.

— Небыд пуклöснöсь на — ээз тэрмасыны чеччины,— Влад шыасис Рюрик дорö:

— Профессор, а помланыыс тэ эн кывлы, кор аңысö пинялісны? Кузь тушаа сьöд мортыс, скöр, чирзіс: «Эн вермы ылодлыны кутшöмкö салагаясöс. Мед эсъкö вольпасьöдз вайöдін! И ставыс эсъкö лои кианым, мый миянлы колö! Миян юёмыд мый — коліс найёс юктöдны усътöдзныс».

— Мыйкö чирзіс-горіс, но ме вöлі нүöда нин тэнö. Сэсся ээз нин позь кольччины. Сöмын уйкнитны-мунны. Миян öд кианым мый? — Сöмын йöв доз, сысыс кынdzi нинöм. А найё нельёнöсь, карабин налён — лыйём шы сертиыс, да и этйö нöшта, кызд сійös...

Влад тэрыба шеныштіс кинас, мед Рюрик ээз нүöд водзö тайö сёрни визьсö. Аныыс вöсна ассысö кутшöмакö мыжайын лыддис.

— Йёльид со ээз сюр, профессор, а эсъкö кутшöма чöсмасим ставным. Мöс баксöмсö оні на кыла.

— Эн шогсыы, князь,— Рюрик бара вуджис нимпас вылö, сідзкö дась шмони-тыштны.— Эм сэтшöм вежжортас: нано технология. Та йылысь уна гижёны. Талун-аски воссияс позянлун йöвсö босытны веськыда турунсыыс, мöссö оз и ков вöрёдны. Йёла мöс сэки оз кут ковны. И тайö збыль.

— Сәки асьным кутам баксыны?..

Повны кө, не овны! Зонъяс збодермисны. Вöлисти гöгöрвоисны, мый вермис эсько лоны, но эз ло. Этатшом налькийсыз ловъя юрён петисны.

— Мыйён пуксис аньыс, ме кылі неладнётор, вежёрён и лолён,— шыасис Равиль. Мыйкө да абу сізд, та вöсна и Танловоас ньёти эз кыскы. Күтіс кутшомкө тыдаттом вын. Бур, мый Владлы йөв ковмома. Аньсо кольльюдіс кө, налький вермис збылышыз веськавны. Домалісны эсько водзос перйог туйё. Но и личöдчыны оні оз позь, кытчöдз оғо войи Серово.

Окота лои петавны веськодышты позялём кокъяснысö, но кытчö петан — съод вой да и посни тустьён зэрны мёдіс.

— Бипуртор эсько, командир,— вöзийис Влад.

— Бипур пестыны тані оз на позь,— юлодіс Равиль.

— Ләб зэлләдам пүяс костас, орчён со сулалёны.

Равиль кияссö шевкнитліс, петкодліс, мый оз позь личöдчыны, но, мед мörчиджык, кörталіс та кузя сёрнисö:

— Выль блиц-войнаыд лоё чорыдджык, вир кисстана.

Дерт, лэбис со, гартовтöма броник бёжын. Сэні и ломтасныс налён. Бур, мый тырмымён босытисны, та кузя весиг оні шог абу. Мёдтор майшöдліс Равильös: оз на позь шуны, мый пыштаялысыз мынисны. На киын СКС карабинъяс, лы-йомъяс сертиыс тёдö. Да, гашкө и, абу на öти. Найös, дерт, корсёны. Позис юртны кытчö колё, но тані кодлы? Водзын некымын сё километра йöзтöмин. Полевой радиостанция БТР-лён и бура уджалігас ылодз оз судз, а оні мый йылышыз сёрнитны? Кылан сёмын трачкодчом, корсюр кутшомкө гёллөс радиопельын, код тёдас кодлон да кытыс.

Зонъяс гöгöрвоисны командирлышыз юлодомсö. Войся лёняс быдён оні ассыыс мёвпаліс. Тайкө неминучы эз су. А пырисны кө Танловоас ань корём серти да узымёдчысны?.. Найо нином лёксо эз чайтны аньсо бронико пуксюдігөн, а сэні вöлём виччысыёны, мед нёльнаннислыс зловнысö босытны. Аттью командирлы, Равиль Зигатуллинлы — видзис да и водзоз мынтис этш тёдтöм съод лола вужляяслы. Найös и йöзён шуны кыв оз бергöдчы. Кык кока кёинъяс. Код тёдас, мый на вöчомайс.

Нуръясыны ковмис кёдзыд сёян-юанён, брониксыз петавтöг, но Влад эз тэрмасыз бырёдны кос паёксыз ассыыс пайсö. И юлодіс мукöдсö, мед эз тэрмасыны и найо.

— Командир,— шыасис сiёö Равиль дорё,— дерт, кынöмыд вылё он ыждав. Со, вура-варакылø нин. Но од ми йöрмёминыс петим. Öдва юрнымös эгö воштöй. И весиг петкодлім гаж, шыш чукöрыслы. Тэнад веськодлём улын. Ме... этiйö... лов кыпöдантор кузяыд. «Наркомовской сё грамм». Атаканым артмис. Прöтивникöс лои пöдтöма.

Равиль нюжöдчис воча кывйён. Сэсся читкыртіс синъяссö да шыасис Рюрик Казаринов дорё:

— Мый тэ шуан та вылё, старшина?

Уськодіс тёд вылё, казармалын на бöръя рытас индіс сiёö старшинаён.

Рюрик кыпöдіс нырсö, медым шмонитана петкодлыны ёртъясыс водзын ассыыс тёдчанлунсö да велёдана гёллөсөн шуис:

— Татшом коломсö бурджык венны.

Влад кевмөён-корёмён топодіс ки пыдосъяссö.

— Старшина ёрт, мудз веськёдём ради да мустём вёрёгös пуркёдём-пасьвартём ради корам чолькнитны курыцторсö. Пасъям лоёмасö!

Рюрик вильыша вешкёртчis, петкёдліs, мый сетчö.

— Командир, мёд петан туй ог аддзы, ковмас могмёдны войтырсö. Мед эгö гегдöй войбыднас.

— Ветымын граммён морт вылö спирт-ректификат. Сорлалад и лоö «наркомовской сё грамм».

Гусьён сорён татшöм зеллятö радиотехнической ротын видлывлісны. Со и туёй сюрома босытны.

Сержант сёгласа гогнитліs юрнас, и «старшина», броник пыташа югыдджык билань копыртчомён, кисыталіs ёртъясылён көрт кружкаясö буретш ветымын граммён морт вылö. Ба содтасны и лоö сё грамм. «Наркомовской»!

— А тэ мый, командир? — юаліs Влад Равильльсь.

Равиль ки пыдоснас петкёдліs, мый отдортчö юысъясысь.

Рюрик пыр жö гёгёрвоис, мыйын делёыс. Шыасис Равиль вешёйм бöрын.

— Князь, тэ вунёдін, мый миян командирным Казанысь. Тэд мый йылысь кё тайё висьталö? Ка-за-нысь. Татарстанлон юркар.

— Воис вёлисти юрё, профессор, жирафöдз моз.

— Учебкаын миян волi Фарит Мухаметдинов, кузь тушаа зон Набережные Челны карысь. Зонъяс коркё дарьясыштісны, кутшöмкö праздник лун волi. А сiйö: курыдыс по сётанасянь — пеж, сöс, мустёмтор. И эз видлы весиг.

— Сётанасянь мед,— джынвыйö сёгласён шуис Влад,— но мый пеж, сöс да мустёмтор — тайё вывтiасьём нин, пыддиpunktana профессор.

Равиль, тыдалö кылёма брониксянь сёрнисö.

— Абу нин ми сэтшöм коньёрöс. — Сырсыыс вайис персика ва тыра сулеятор.— Верма юксыштыны.

— Оз, оз ков! — отсёгласён пыксисны ставён.— Мед сiдзи и лоö, кодлы мый.

И торъя нюожмасытö зонъяс пыдзыртісны ассыныс юанторсö. Дерт, сiйö эз вöв Равильён кодь юмолён да чоскыдён. Дзик мёдарö. Но пырис. Та вöсна, отчыд-мёдись упкыштöм бöрын найö пыр жö кутчысисны асланыс сёянö. Варов-мисны вочасён.

Влад эз вермы дыр чёв овны.

— Ми со резыштiм пулемёттись налён мотоцикл кузя, посниöдз пазёдiм. Профессор, а тэд эз вöв жаль?

— Эз. Бур, мый эз артмы мёдарö. Танi эсько онi эгö пукалöй. Сюриим кё на киö.

— Да. Мёдар югыдö öдзосыс волi восьса. А куломыс сiйö мый?

— Ачыд нин шуин — мёдар югыдö мунём.

— А сiйö эм?

— Мунёны, сiдзкё эм.

— Но öд бёрсö оз локны.

— Ставыс Ен сайын. Но, князь, мыйла тэнö оз парскы, мый чужтöдзыд тэ эн жö вöв?

— Сiйö мёд делё.

— Эн вöв — он ло. Гашкё, мёдлаын волiн и лоан.

— Но та сайын мый, профессор?

— Князь, кор воан Питерад, лыдды тэрмасыттог Библия. Ясыддожыка сыйс, весьтас шуа, ме нином ог восьты. Аслым на вежёр сямёс коло ёсътыны. Ловнам верстямыны.

Серафим чола дивуйтчис, а Равиль шмониттог, съёлёмсянныс пасийис:

— Рюрик Казаринов, тэд коло велёдчыны. Тёдчо тэын мыйкө сэтшомтор, мый ог куж и шунысö весиг.

— Аттьё! Коло велёдчыны. И кёсъя.

Дыркодь варовитисны. Юраныс довгыштис. Серафимлы окота лои петны, веськодыштны кокъяссö, ас кузяныс оттор-мёдтор думыштны, артыштны, но сёрниыс кутис. Гёгёр съёд вёр, а броникин югыд и уклад бердъясыс си кызтабошы, мый видзасны оз сёмын АКМ-ясысь да «калашъясысь», но и минаясысь да весиг снарядъяслён чуктём торъясысь. Тані позьё личёдчыны. Век нин ас йиринкётшын. Нёльнаныслён, быдёнлён, аслас пукаланін, тёрасны и узымёдчыны, öти мог — тайё матыстё. Быттёйöt тувланінын жыр сетисны. Велалан öдйё и кыскö нин со, пыран быттёйöt горгад, кёні, кызд шулласны, и стенъясыс отсаласны. А тані и сточ сідзи.

...Владысь, пысасяс кё, кокниа он мын.

— Йöz мунёны мёдар югыдö и бёрсö эз на мыччысылыны...

— Тын ыдкыд лёкыс абу, князь.

— Ме кёсъя овны век.

— Сæk олёмыс сувтас. Шу: кёсъя овны кыдз позьё дырджык.

— А мыйла оз позь помтёг?

— Морт сæk дзикöдз дышмас. Оз кут тэрмасыны вочны бурсö. Енмыслён ставсö думыштёма лючки-бура. Ов пöttöдзыд, коль ас йывсыыд ошкана казтылёмъяс и сольнитчи ен югыдysкёд, аслад вужъясыдкёд, мед найё эз орны.

— Абу кокни эскины сыё, мый он аддзы.

— Коло эскины. Оз вермы лоны, медым морт эскис кыз нэмъяс чёж сыё, мый збыль вылас абу. Видзёдлы енэжланяс — сийё помтём-дортём. Мый вылó либо сийё? Кодлы?

Серафим петны нин мёдёдчис, но артмис медбörяя шуём:

— Вежёрыд оз судзсы, Рюрик, медым висьтасыёттö пыдёсöдзыс гёгёрвоны.

Рюрик кокниа серёктис да шеныштис кинас.

— Судзсяс. Лыддёмаёс: мортлон юр vem сетё ассысö уджёдны сёмын нёль прочент вылó. Тайё талун. А аски тырвыйё сетчас. И сибодас сәки енэжыс мортсö ас бердас. И волисти воссяс...

Чёвлун пукисис. Рюрик ләдзис пуклос бёрсö, чоскыда очсовтис и ланьтис. Пыр жо кывны мёдис нускём шы. Личкёма лунтырья мудзомыс.

Равиль казяліс Серафимлыс вёршитчомсö.

— Кёсъян петны?

— Ветлодлышта. Рюриклон висьтасыёттö бёрын толёдышта юр vemёс.

— Менам унмёй оз на лок, персика ва борад и дзикöдз вошиис. Тані пукышта, а сесся тэ менё вежан.

— Зэрыйс кобома,— казяліс Серафим видзёдан стекло пырыс.— Весиг толыссы со тыдалё.

— Арся войнад дас кык поводдя вежсылё,—вочавидзис Равиль.

Влад эз на узъ, дыркодь бергаліс, кывзысыштіс Рюрикльсь ныргора узъомсö. Шмонитыштіс:

— Ачыс бур морт, а шкоргö мустöма. Да мед нин, бай-бай! Ойбыртлам и ми. Дзескыд кö, шоныддыхык.

Дивитіс Рюрикös, а ачыс сэсся пöйтіс ныргора узъомнас Рюрикльсь вежлася-на шыладъяссö.

Серафим ас думъяснас петіс ортсо. Сырсыыс босытіс «калашсо». Кывзы-сыштіс. Пемыд. Лёнь. Сöмын войтва пу увъясысь тёпкё-усьо. А вöröдан кö увсö, резыштас, кётöдас öти здукён юрсянъ кокöдзыд. Но зэрыс абу нин. Кобо-ма. Мöдіс тэрмасытöг ветлöдлыны бöрё-водзö. Синъясыс велалыштісны пемыдас, а корсюрө енкёла Йирас кымёръяс костын югзыштывліс сюра тöлlyсь. Пыр и ловзис юрас Рюрик Казариновлён броник пытшын сёрни виззыс. «Со енэжын югвидзö тöлlyсь. Кытысь сiёй? Коді сетіс Му гöгöр бергалан öдсö? Кор да мыйла? А эз кö вöвны йöз, тадз жö бергаліс эсъкö? Дерт, тадз жö. Но коді нимкодясис эсъкö? Кымынысь югзöдліс тöлlyсыс мунан туйсö сылысь да Любалысь, кор сiёйс колльöдліс гортас. Быттö налы вылö и эм тöлlyсыс.

Серафим мöдіс восълавны вöрас броник пыран туй кузя. Коліс нин бергöдчы-ны, но сiёйс кыскис пыр водзö и водзö.

Вöт али вемöс?..

Воис восъсаны. Водзын öтка пожём зарвидзö. Шеныштчöм вожъясыс, быттьö чургöдöм кияс. Восъсанынъсад пожёмъясыд татшöмöсь и эмöсь. Вылыс ув вылас кёнкё чук-чуки шыасис ур. Оз-ö мой уръяс узъны та кадö? Али кодкё повзьöдіс да унзіля урлы лои петны ас позсыыс. Пöльыс ошиысыліс: вонас урсö кыйлыштывлö-майс батьыскöд витсёöдз, а съюла, тар да дозмёр, гашкё и, унджык — эз лыд-дышыны. Öнитö, дерт, кысь нин кыян та мыннатö. Восъ-во пармасö пыр ёндыхы-ка урёстöны. Сiсмö пöрёдöм нин вöр. Кытчö он мун, туплясъоны сулеяяс, чепъ-яс, трос, сiмöм бочкаяс, көрт банкаяс, быдсяма шыбласыс. А öд нэмъяс чöж парма ёна зэлöдчывтöг и шонтіс и вердіс, гажöдіс и чöсқыд мудз вайліс. Нэмъяс чöж тадз вöлі. Кыйдöсыйд и вузавны и аслыд тырмыліс.

Ичöтысянъ Серафимöс велöдлісны бурö пуктыны вöр-васö, лелькуйтны да видзны сiёйс, и босытны сы мында, мыйта позъö — öти воё унджык, а мöд воё, гашкё и, этшаджык. Кыдз артельыс шуас да урчитас. Верстёяссянъ пыр вöлі кылан: эн вай горто косымытöм вотöс, ковтöг эн пöрёд пу, эн чег весиг увтор... А быдман да öлöдöмыс нöшта на унджык.

Весиг думъясыс ас вöр йавысыд шонтöны. Кымынысь Любакöд ветлісны вот-чины чöдъя раскö. Кор кык дозий, а кор и öти дозий. Эз нин öтчыид казытыв вöрö ветлöмъястö. Оз чöдсö казытыв, а Любасö. И некор оз дышшöд аддзыны думнас вöрсö, а сэні — Любабöс. Пыр выль и выль серпас чужё. Со, öта-мöдсиянныс ненеылын вотчöны. Серафим вотчö ньöжийджык, сы вöсна мый гусьённикöн кыйк-нитштывлö Любалань, коді овлö Серафимлань и мышкён и водзöн. А Люба видзöдöмсö оз аддзы, но кылö. И синвидзöдлассö ачыс чöвтлас Серафимлань. Сэки Серафим гöрдöдас виччысытöмысла и дыр сэсся чöв олбны...

Серафим тэрмасытöг восъсаліс броникон вöчöм туй кузя. Другон жаль лои ас вöр-васыс. Комиын чирсойын-урёстöны пармасö, а тані со вöрзöдлүтöм на. Но и

мед! Кужёмён кё да абу лёкысь, пармасек век вермас сетны бурсё. Эз на вун сійё кадыс, кор газет да радио чиктывлісны радысла болгааяслён «Добре дошли» чолом кыв вөсна. Но и мый! Дошли! Удорчи, кывлан, балябожнысö гыжъялөнү нәмөвөйсия парманысö лёк ногён пазодомыс (сэтчөс олысыяслы таыс мыйкё чуктыліс-ö?). А болгааяс и оні на дасьось нөшта волыны, мед и оз тәрмасыны важ ног ёртасыны. Кузя йөктөмъяссö пё бара вайлам и. Бур, но мый таыс?..

Изьва вожын нелючкиыс тырмө жё. Ас сертиыс Серафим тёдö: комиас кык дон аттьёалөнү налы вөчлөм бурыс серти.

...Водзын мыйкё тричмуніс. Серафим кывзысыштіс сувтлёмён. Казяліс, по воднёя ылышмома брониксыыс. Ас мөвпъяснас та ылнаодз восьома. Пармаид лунын да войын абу ёткөдь: луннас сійё ловтö қыпöдö, но войнас вермас лоны шуштлёмён, торъя нин дзик тёдтөминын. Либо велавтөм мортлы. Но Серафим ассыс велавтөм мортон эз лыдды. Күтшомкё тёдтөм шыяс мөдісны кывны. Серафим зяткобтіс «калаш» затворон, бара кывзысыштіс, гальс игналіс затворсö. Зілис вөтлұны полёмлунсö ас пытшсыыс — пармасын оз позы сетчины полёмлұныслы, тайос ичтөсян тёдіс. Повзян кё, быд морыс юрад пырас. Тадзнад и ас вуджёрсыыд повны кутан. Ружёя вёралыс, прамой вёралыс, пармасын дась чөртислы паныд мунны. А сы киын быдса «калаш», мир джынийыс вөдитчö тайо роч автоматнас... Тадзи ассыс зілис збоймодны. Но тайкё эз весьбопр: виччысштөг гора шыяс косялісны вör сынöдсö, кодкё карғыны мөдіс и быттö ки на ки шлачоңдны. Кыліс: «Гру-гру-гру!» Мый тайо? Кодо тайо? Серафим казяліс коз пусын костиң чутвидзö быттö мыйкё... қыпöдіс «калашсö» син весьтас, босытіс мет вылö. Но лыйны эз тәрмасы. Воны кутас сы вылö этай мыйкёс, сэки делö мөд. Дорийсшом могыс вермас и сярбтыны, медводз вывлань, а сесся и...

Но пуксис лөнү. Чутыс воши. «Каститчис»? Серафим видзöдліс ас гёгөрыс и, ётаро-мөдаро дзёръялёмён, воськов бөрся воськов, автоматас кутчысшомён, мөддичис брониклань.

Броник пытшкын сынöдис кажитчис сьокыдён. Сöдз сынöда парма бöрад. Лолалёмсисыс вылісін тёпкис узысыяс вылö дэбыд войтва. Равиль, унзіля, петкодліс чуньнас, мед Серафим восытыштіс люксö, кыліс, мый зэрүс кобома, нином эз шу, бергöдчис, и шкоргыны жё мөдіс, но эз гораа, а сізд, кыдзи брониклон дизельыс мургö бур туй кузя төвзигён, шуам, öкмисдас километрөз часнас. Оз дöзмөд ньоти.

Серафим игнаис да зэв лёня қыпöдчис люклань. Восытіс сійёс, синвидзöдлласнас кытшовтіс гёгөр. Парма-вөрыс оліс аслас войся олёмнас.

«Мыйыс и повзи,— дивитіс ассыс Серафим.— Кодкё городіс. Горзысыыд Парма пасыталыс тыр, и быдöнлён аслас гёлөс. Мукöдис вермас и не кажитчыны. Но и мый! Аслыныс кё кажитчö и...»

Но век жё коді городіс да петкодчыліс? Ош? Йöра? Кöр? НЛО?.. Пармаид парма и эм. Быдсамаыс сэн времас лоны...

А восся кё, ёртъясой серам выв ләптасны. Вёралыс пё петёма. Киас «калаш», а пызай-котортö садьсö воштлёмён кыз уклад стен сайö.

И шуис асльс Серафим: «Нином эз вöв. Пемысадас кажитчис».

Регыд ковмас садьмодны Рюрик Казариновös. Тадз сёрнитчылісны. Позяс на час-мөдсö вугыртлыны. Да и унзільыс кутіс нин наяна венны...

Хетта ю пёлён

Вичысътём лоёмторъяса лун бёрын узисны асья югыдёдз. Шондыйс кыза нин мавтыштёма дзор пармасö зарни рёмнас, увыйсы-увий жбыръялісны лэбачясь, дзескыд броникын узьём бёрын асья сынёдыс волі чоскыд, лолавсис кокния.

Пестісны бипур. Шыблалом пожём лыс чишнитіс, бипурыс ырзис, лои сы гёгёр онялан шоныд. Пöс сёян дасытісны консервъясысь. Невылын визувтіс югыд содз ваа раминика боргыс ёль. Ветліс вайсла Серафим. Тані и мыссис да корліс и ёртъяссö. Некымынысь гумовтліс соддзён да юис, нимкодьысла ыкнитлөмөн кёдзыд вёр васö. Пёжом сук пöс чайыс бурмөдіс съёлёмнысö. Нёль армееч збодермисны. Ставсö вочисны öдйö, тэрýба. Кыв-мёдён шыбитчисны сомын колана-инас. Влад юаліс Серафимлыс, эз-ö сiйö кёч кыйны тöрыт ветлы. Серафим бертовтчis сёринас, кинас шеныштліс, мед на по кёчыс аслас туйöд ветлö. Кадыс лоö на сiйös кыйны. И весиг кёсйисскодь. Тöрытъясыс öдйöджык мынём ради...

Шыллыд туй кузя броник исковтіс водзö. Руль сайын пукаліс Серафим. Надым ю вуджöм бёрын воссис чорыд веркёса туй. Но сiйö по оз ло кузялайс, кысянъё бара заводитчас муйёж туй. Сэки лоö ньёжмёдчыны. Но оні броник төвзис тыр öдён.

Кутісны паныдастьны воча вөйс машинаяс. Серафим некымынысь чöвтліс синъяссö Равильлань — оз-ö сувтöд кодöскö Танловын лоёмторъяс кузя, но сержант чöволіс, некутшöм тшöктöм сысянъ эз лолы. Öдсö чинтывліс Серафим сомын воча вөйс машинаяслань матысмigён, а сэсся бара тыр öдён — пыр водзö и водзö. Некод эз манит, эз чуйдöд, эз индав, кутшöм ногён сэт ли тат мунны. Влад мыйкö ассыс висьталіс джын гёлöсöн Рюриклы, мёдыс чöла гогнитлывліс юнас. Равиль ас думъясас вöйтчöма. Быд вуджöм километр матыстіс сiйös да ёртъяссö Серовлань, кöni сiйö дженыыда юörtас ыджыд чина мортлы лючки-ладнö воём йылыс. И ставыс. Висьставны-ö Танловын лоёмтор йывсыс, сержант эз на тöд. Сэн сэсся тыдовтчас. Приказ лоö пöртöма олёмö. Сержант пызды пуктыліс армиялышы устав. Присяга йылыс тан эз гаравлы. И сiдз быдöн вочисны ассыныс удж.

Водзын тыдовтчis УАЗ машина, кöрт кузола, вевт весьтас бияс ворсісны. Милиция! Равиль тшöктіс Серафимлы петкöдлүны фарайасон, мый корö УАЗ-сö сувтны. Бронетранспортёр сувтіс первойон. Сувтіс и УАЗ машина.

— УАЗ-469,— стöчмёдіс Влад.

Равиль петіс ортсо да матыстичис милициялён машина дорö. Машинасты петісны куимён. Равиль кыпöдліс кисо юр весьтас, чоломасис, и мыйкö кутіс висьтавны, кинас петкöдлөмөн. Сёрнитісны минут дас, сэсся Равиль бара чöвтліс кисо, пырис броникö, и кык машина öтарö-мёдарö янсалісны. Равиль, сылён кывъяс серти, юртöма Танловын лоёмтор йывсыс, а сылы висьталісны, мый пышъялышыссысö важён нин корсöёны. Та вöсна и милициялён УАЗИК некымын лун нин журъялo тайö туй кузяыс, нем жалиттöг сотö дона бензин. И сiдз по нин оз тырмы. Туйыс тайö вайöдö Белоярский посёлокöдз, сысыс кындзи Ямало-Ненец округсиян лунвылö эм сомын нöшта öти туй — Сургутлань. Кыкнан туйыс вайöдöны Ханты-Манси округö. И корсöёны пышъялышыссысö кыкнан округгас. Найös волі пуксöйдомаёсЬ олан нэмис кежлö мырдоналёмъясысь Ивдельын,

сэсся вуджёдісны Уренгой бердö, сэтчö вотöдз и пышйомаёсъ. Видзысьяссö виöмайсъ, съорсыныс налён некымын СКС каабин.

— СКС-со ми и кывлім Танловын, командир. Сiйö и котшкодiс миян броник кузя,— гарыштiс Влад.

— Найö нёльёнöсъ,— водзö висътасис Равиль.— Верзилов, сiйö жö и — «Шакал», Дуреев, Бачурский да Сиворонов. Вöліны кö тöрыт Танловын, сiдзкö ылöдз пышйыны эз на вермыны. Тадз шуисны. Да и мотоцикл по öнi налён абу. Нёль морт вылö öти мотоцикл — ылöдз он мун. Кёйысисны пыр жö юртны та йылысь став матiгёёрса постъяслы. Колё лоны сюсъён быдёнлы, найö — зэв опасной преступникъяс.

— Енмыс видзис миянöс тэкöд, князь,— пасийис Рюрик.

— Тэ тшötш вöлін да сы вöсна,— серёктiс Влад.— Менё эсько аслам грекъясысь öдвакö...

— Командирлы аттьё,— шуыштiс руль сайын пукалысь Серафим.— А бöрын-нас сэсся и везитiс.

Равиль быттьё эз кыв найöс. Водзö нуöдiс сёрниссö.

— Іджыдыс милициясыс шабдi юрсиа старлей, киногерой Иван Бровкин кодь. Кыям, шүö. Афганын по тадз жö вöлi — фронт ни тыл: моджахедъяс луннас горт гёгёрынс зырайён кианыс ноксъёны-уджалёны, а войнас гёраясын кыйöдчёны миян бöрся, и кианыс абу нин зыръяс, а миян «калаш» автоматъяс. БТР-яс, тiянлён кодьёсъ, ёна мездылiсны, но унаёс на пынсы жугёдiсны мина-ясöн да гранатамётъясысь. Жуглём техникаыс Афганын эз этша коль. И ми-вокыс, дерт, тшötш. Ловийён петiм-мунiм сэтысь. Аттьё Енлы! А танi по ми-гортаным, и этiё морт виысъяссö бытъ кыям. Ме эсько, шүö, и ловийён татшомъяссö эг коль.

Броникин бара лои бурмёдан чёвлун. 220 вöв вынйöра дизель вöчис ассыыс уджёс кыпзыда, олан руыс усыпаньвыв пуксис, мый вöлi тöрыт, талун эз нин кажитчи сэтшом шуштёмён.

— Броник миян витöд ёрт, кодлы позьё эскыны,— ошкыштiс бара Влад.

— Пышысьясö корсысьяс аттьёалiсны миянöс сывысъ, мый ми удитiм вöчны,— Влад вылö видзöдöмён, нюмсорён шуис Равиль, да содтiс: — Чорыд веркёса туй по регыд помасяс и ковмас кежны кытшола туй вылö. Оз ков тэр-масыны. Туйвежъяс паныдаасясны, но шöр туйвизыс тöдчö. Онö кö ылалöй, туйыс петкёдас Приозёрной посёлокö.

Влад пель пырыс лэдзис туй йылысь юёрсö, сiйö гёгёроис командирлысъ дивитана шмоньсö. Но йöв корсыёмыс лои Влад дор, сывысъ мыжсö небзöдь-дисьён. Од кызд на эсько вермис лоны, эз кö эрдöдны ас кадö сьöд лолаясыслысъ кёсиймъяссö. Онi сьöкыд весиг шуны.

...Эз сетны брониклы позяналунсö дырджык красуйчыны бур туй вылын да сывын кузяджык ассыыс ышёдана кыпсö. Оз весышбöрё шуны: бурыс уна оз овлы.

Ёрчан кывъясöн Влад чолёmalis синъяс водзын другён воссёём серпас: туй-нысö вомёналис Хетта юлён посни гыяса раминик вож, но поссö си вомён вöлi разъёма. Чурвидзисны кык пас: öтиыс индiс водзö мунны кытшола туйёд, мёдис — «кирпич», сiдзкö водзö туйыс абу. Разъём пос саяс кыдзсюрё сулалисны туй вöчан-дzonьталан машинаяс. Некутшом удж эз мун. Йöз эз тыдавны. «Сёйм абутёмла»,— тадз гёгёроис воссёём серпасыс. Кежны колiс веськыдвылö.

Броникысь петалісны. Ёта-мёд вежмён быдён вўзийис ассыс. Влад сетіс мёвп вуджны юёй уйёмён и водзё мёдёдчыны пёдлалём туй кузяыс. Бронетранспортертö ГАИ оз сувтöд. Равиль тёдчёдіс, мый уджыс мунё оз сёмын пос саяс, а туй кузялаыс, уналаын, и торкавны уджъяссö да дёзмёдчыны оз позь. «Армиялон могыс — видзны мирной уджсö, а не торкавны. Абу ёд ми ѹёз мусыс воёмаяс», — кывкорталіс сійё.

Нуръясыштöм бёрын, (дерт, бипуртор пестылісны), броник мёдёдчис индём туйвизьёд.

— Колёкё, вежа, — вўзийис Влад, кор Серафим меститчис руль сайын да тёданавыльсь видзёдліс быд приборё. Спидометр серти, узянінсянь кё лыддыны, вуджисны мато кыксё километра.

— Этша на мунім,— вочавидзис Серафим.— Видлам ѿні кузь вёлёк кёрсö.

Равиль эз кут сюйсыны руль сайын пукалысьяс уджё. Мед асьныс вежла-сёны. Кыкнаныслён тырмё сямлуныс кужёмён вёдитны броникнысö. Да и зильёны ёрта-ёрт водзаныс вёчны ассыныс уджсö кыдз позъю бурджаыка. Серафим — ефрейтор, Влад — радёвой, но ёд сійё и вёвлём старшой сержант, Равильсь, сізд кё нин шуны, вылындыхык. Вёвлём. А Серовын, босътасны да, бёр сетасны званиесö. Парма пыр БТР бура вайёдёмымыс. Армияад тадз овлё. Но ѿні сыын-ё мый делёыс! Быдён тёдё ассыс мог да места.

Пырёдчисны вёрё. Консююр туй индан пасъяс сулалісны, но эз быдлаын. Сулыштасны, мёвпыштасны и бара водзё. Броник эз ыждав, збодера жургис-тургис, любойлай, кодарё вёжжи-рульнас индасны. Шонді дзебисис кымбръяс сайё. Луннас бара нуръясыштисны. Равиль рисуйтчыны мёдіс, мыйла ѿнёдз некутшöм машина эз на мыччысылы.

Влад дивуйтчис мёдтор кузя:

— Тырыс ты, ёти бёрся мёд. Гашкё, вугыр чётвлам? И посни юыс уна. Визулёс. Позъю видлыны — сэн комъяс гызыёны. Век нин мыйкё шедас. Консервыд меным со тан нин,— Влад шеныштіс ки пыдёснас голя дінтіыс.— Кыйсям, кытчöдз кутшöмкё машина оз мыччысь. Кыдз чайтан, командир? Серафим-лыс кёчсö дыр на ковмас виччысыны. А комыд, гашкё, и морттö на эз аддзыв да окотапырысь кутас пысасыны.

— А кён тэнад вугырыд, князь? — юаліс Рюрик.

Серафим пель пырыс лэдзис Владлысь кёч ылыльсь шуёмсö.

— Комтö кыйны и таб оз ков. Сутуга пом сюрас, сы пыдди мыйкё аддзам. Миян эм анькытш банка... Туяс.

— Мунам нёшта водзё,— коса орёдіс сёрнияссö Равиль.— Медводдза пасёдз либо машинаёдз.

Водзё мёдісны. Ётилаысь аддзисны: восьсаинын, мыльк ылын, гымньюв дзав-йома пожём пу. Сьёд памятник моз ётнасён сулалё, он гёгёрво — чоломалё али ѡлодё мыйысъкё. Шуштöм ловру йиджё. Сувтисны. Видзёдышиштисны.

«Памятник» бёрын руль сайё пуксис Влад. Сылён эзджык вёв Серафимлён кодь видччысъёмлуныс. Лёк туй вылын ѿда муномсыс заводитіс чорыда зыркёдны. Равиль весиг ѡлодіс:

— Оз-ё позъ ньёжмыддыхыка. Эн ёдйёась. Запчастьяс миянысь али мый көсъян вочкины?

— Командир, аддзан? Туйнымёс быттьё «беларусьён» гёромаёсь,— дорыйисис Влад.

— Но и мый? Гырысь начальството тадз жё новлётдлін?

— О-о! Найё радейтлісны долыда немуйтны. Полигонъяс вылын ми лэбавлім вёчом кымёръяс вомён, гуранысь гуранё веськалёмъясысь налён кывныс вошліс. А найё: «Нёшта, нёшта!..» И бёрас сэсся аттьёавлісны. А тёдан мыйла? Видзёдан да, недыр мысти морёсъясныс содтёд югзылысны. И погонъяасас чин пасыс содома — ылісиянъджык казялан. Пасийомаось. Миянос эз жё вунёдлыны. Меным кёсйиломаось кутшомкё гырысь начальстволён волём борын гортё лэдзлыны дас сутки кежло. Питерё. Эк! Мёдёдчи эсько Питерской улич кузя!

— Армейской паськомнад? — вильыша юаліс Рюрик.

— Мед быд сё метра сувтодліс патруль?

— Мыйысь тэнö сувтодны?

— Профессор! «Наркомовской сё грамм» Питерын ме чуктода быд кафеын аслам туй кузя мунігён. Сэн найё, быттьё салдатъяс стройын.

— Но ылёдз-ё тэ тадзёсө восълалан?

— Оз сетны усыны. Муна, а паныд мем аньяс — кузъ кокъясаось, топыд дженьызык платтьёаось, лыйыштлоны синъянсаныс миян «калашысь» моз, тшолскийёдлоны-восълалоны вөснүйызик каблукъяс выланыс. А?

— Вежин Питертё Ныда вылё,— небыда крукыштіс Равиль.

— Да! Чёртыс тойліс.

— Помкаяссö тёдам. Висъставлін.

Мунан ёдсö Влад век жё ньёжмёдіс. Воисны визула ю дорё.

— Тані шойчыштам,— тшёктана шуис Равиль.

Броник нёшта отчыд дзобмунліс джуджыд гуранё и сувтіс. Водзö туйыс нүодіс ю пёлөнүс. Өзтісны бипур. Эз нин ков повны пышъялдыс морт виысыясысь. Дерт, найёс важён кутісны. Дугдасны ѹёзсө повзёдлыны. Равиль лои би ви-дзыссыён. Серафим да Влад уськёдчини чери кыян кёлуй лёсъёдны — вугыръяс, си, шатин. Сиыс медся Ѽйё сюри — воддза чери кыйысыяссянъ, вугыръяс вёчини топёга вөсни сутугайыс, а шатиныд гёгёр тырыс. Самалісны консерв банкасыс перйом анькытшён и... здук мысти Серафим чөйтіс муас ассыыс медводдза комсö. Сутугайыд абу заводын вёчом вугыр, мёмляйтны оз позы: самасис кё — пыр и кыски. Ляпкыд ваас чериыс тыдалё. Владлон кыйсёомыс ладмис жё. Весиг венласыны кутісны, кодлы унджык шедё. Дерт, и мынласис чериыс эз этша. Влад гораа ымёстіс, кор васьыс кыском ыджыдкодь ком шлювкнитіс кисьыс и здук мысти бёр лои ваас.

Рюрик Казаринов колис броникин. Равиль стрёга урчитіс, мед оти морт век кольліс пытшкас.

Юысь да вайыс пё некор он дёзмы. Тайё збыльыс сідз. Вайыс сөдз, зонъяс видзёдісны ю пыдёсас ворсысь комъяссо. Гыясыс лёньёдана пальскакылісны, сялькёдчини, юыс визувтіс аслас воргаёт и нином сэсся эз кёсайы тёдны. Юыс визувтіс — да, но войывланы!..

— А мыйла юыс войывланы визувтö? — гораа чуймис Равиль.— Тайё сідзкө нин Хейги-Яхалён ю вожыс. Абу Хетталён. Ми ылышмим туйсянным войывланы комыныс унджык километра ылнаодз. Ми воштім туйсö!

Оти здукён ставён гёгёрвоисны, мый тайё тадзи и эм. Мунісны найё Хетта ю пёлён, катыдланыыс, а сылань жё визувтыс Хейги-Яха юёдз, Равильлон арталом серти вёлі ветымын сайё километра. Сы мында бокё лои мунома! Мёд вожё веськалёмны! Бур, мый Хейги-Яхадзыс эз воны.

— Мый ёні кутам вöчны, командир? — юаліс Влад, нöшта öти югъялсыз ком васыыс кыскигмоз. Няргысьён Владöс некор некор ээ аддзыв. Сы ногён, кытчöдз мортыс ловъя, быдтор на позьё вöчны, вежны, бурмöдны.

— Мый вöчны... Узымёдчыны ковмас. Войнас туйтö корсыны сьöкыд, — чусыда шуис Равиль. Сiйö ээ жö вöв няргысьяс лыдьыс. Кывкутысыджыкда!

— Юква puam! Лунён водзджык, лунён сёронджык. Коркё воам Серовад.

Влад выльыссыз чöйтöс вугырсö и сiйö жö здукас Равиль кокъяс уло шнячкысис визув ком.

— Молодеч! Мыйын кö од колö жö, мед везитiс.

— Кор на ми татшöминас веськалам, командир! Нэм чöж тайö вуграсьёмсö кута казытывны.

— Сэсся, гашкö, тырмас. Неуна кольыштöй юас черисö.

Бугъя рачъяс армияын плавкösöсө. Сэтчö шыд кисытлöны, а вевтас — яй сора рок либö котлет. Рачъяс пöшти нин тырёмайс черинас. Кыкнаныслён. Вуграсьёмсö сигörtисны бура — кык ком öттшöтш югнитлисны сынöдас. Сюйисны рачаныс и мёдöдчиныс бипурлань лöсöдчыны вой кежлö. Биыс раммёма, күснис нин кутома. Пескыс кольёма этша.

Рытъя сёйём лои пётöс, кыпыд и гажа. Лабич лöсалисны-вöчисны. Позис пуксыны. Гашкö и, ковмас на кодлыкö. Черия ю дорад. Черисö керисны ставён жö, а Серафим минут дас больскöдисны керём черисö сола ваа рачын. Видлисны — ого!

— Медся бур ресторанын тадзтö оз кужны дасытыны, — ошкис Влад.

Татшöм ногён солалöм чериыс быдёнлы кажитчис.

— Туйыссыз вошны абу дивö, но од позис казявны, мый некутшöм машина оз ордый ни воча оз во. Миянöс эсъёо разведкаё.., — нерыштis Равиль.

— Быдтор на лоё, командир, и йöз, и машина. Эн шогсы. Позьё шуны, туйным сöмын на заводитчö и сы мында нин лоёмтор паныдасис.

— Танловын дзебсäссыз немортъясöс, дерт нин, кыйисны, — сетис гёллоссö чöв олыссыз Рюрик. — Ен мед видзас татшöм аддзысылёмъяссы.

— Полан? — юаліс Влад.

— Ог. Йöзыс жальбöс.

— А мый! Серовын ошкасны. Вермасны и звание содтыны, менам артыштöм серти, — ышмана шуис Влад.

— Öти сайын и мотоциклыслыс донсö тшöктасны вештыны. Кöзляйыс кö сюрас, — дэльёдыштis Равиль.

— Нинöм! Джынсö мынтас профессор, а мый кольё — тыртчам.

Владöс сувтöдны сьöкыд.

— Ме тшöктi лыйлыны, ме и вешта, — ышловзис Равиль. — Ёна скöрмылi. Вирöй пузылiс.

— Ми öти команда, командир... Эге! Зонъяс, кöч тривксьöдö вёрланысы. Аддзад? Серафим, «калашыд» ачыс котörtас сы бörся. Сы дыра нин виччысиям кöч яй.

— Талун чери лун. Сорлавны сёянсö оз позь. Армияын чери да яй öттшöтш тэд сетлисны? Мёдиссы! Аддзам позянлун. А ёнi тшай юам, сэсся юр сюянин вöчам — вон зэвтам. Вонъясям буретш ва дорас. Со, лаптъя коз. Влад, талань матыст броникымöс, дзик коз дорас. Тöв сайёд лоё.

Влад ээ кут виччысны и пыр жö пöртiс олёмö сержантлыш тшöктöмсö.

— А ёд весышшёрё бирёдісны Россиянын торъя инёдъяса сословиеяс, шуам, князь ним. Сійё тәд сэтшома мунё,— броник дорсиян восьлалысь Владлы шуис Рюрик.

Влад довкнитіс юрнас.

— Бёр пыртасны, профессор. Россияны сы мында гора ним коли: князь Кутузов, граф Толстой... Товарищъясон найё некызд он шу. А князь Симеон Оболенский юрнуәдіс дружинаён Дмитрий Донской да Мамай костын тышын. Куликов эрдъяинын тыш йывсыыс школа бөрад энё на вунёдой? И водзё на, 1917-өд воїдз, Оболенскийяс дорё шыёдчывлісны «Ваше превосходительство» кывъяс содтёмён.

— А царös бёр пыртасны?

Влад сероқтіс.

— Мый оз позы некён, Россиянын позьё.

Бипур руньгис-тышналіс. Вералісны, думъяс чужтісны ѿғыръясыс. Шоныдыс шлонггис бипур дорын mestitit'chom зонъяслы.

— Асывнас нёшта на позяс кыйсыштын,— вўзйисис нисьё кёсийисис Влад.

— Югдан гёгёр мёддочам петан туй корсъны,— паныдаліс Равиль.

— Жаль! Чериыс госа, сыла. Дыр сесся татшом чоскыдсö оғо видлой,— дёэмис кодь Влад. И бергёдчис Серафимлань: — Тәсиян ме тёдмалі чери кыян некымын коми кыв — сам, ком, си... А кыдзи лоёны коми ног «дилер, килер, дизель, руль»?

— Сідзжё. Шуам роч ногён.

— Асланыд абу?

— Ас юрён дугдім овны, та вёсна и дасьсö мёдім босътын.

— Сідзкё и ме кутшомакё тёда тіянысь кывнытö, откодьось кё онъя вежортасъясыс.

— Да.

— Но, зон, вайёдём кывъясыс абу жё и рочось.

— Тёда.

— Рочас тіян кодь жё серпасыс. Нюжмасыны мёдім и суседъяс ордайисны... Кывлін? Тайё абу роч кывъяс.

— Онъя кадё, Серафим, ставыс ми гёгёр письтö и кырё. Выль вежортасъяс ылькнитісны и оні он кут найёс, кывным ныналёт найёс ульнас, путтёг ни пражиттёг.

— Служба бёрын ковмас велёдчыны. Гражданкаад танк ни БТР новлётлыны оз ковмы. Оз ло кокни.

— Тә прав. Во-мёдён кё кольчан, тә быттьё абу тайё планетасъыс. А мый та кузя шуан тә, профессор?

Рюрик чола кывзіс. Вёродаіс бипурсыыс кыском увиён пось ѿғыръяссö, чукорталіс топылдышка, ассыыс мыйкё мёвпаліс.

— Мудзома. Ассыыс мёвпалёт,— шуис кывъяс йылысь сёрнисö сюся кывзыс Равиль.

— Профессор, тә кылан? — торкис Равильёс Влад.

— Кыла.

— И мый йылысь мёвпалан, абу кё гусятор?

— Тіянёс кывза и тәча юрё.

— Но и?..,— ээ лэдчысь Влад.

— Кымын нэм ковмис вуджны морт рёдыслы, медым воёдчыны медводдза татшом бипуръяссянь атомной реактородз. Оттшотш вежсью и сёрнитан кывным. Кыдз? А кыдз артмас. А кадыс пыр ёддзё. Миян польяс да батьяс нимкодясисны карасина лампа биён да радиоён. Миян посёлокын радиоыс уджалис сёмын рыйтъясо и сёмын куим час чёж. На кадо. И со, воёдчим атомной бомбайдз, ракетаясадз, толысь вылёт кыпёдчим.

— Кодкё кыпёдчис.

— Ми. Морт рёд.

— И мой тайён көсъян шуны?

— Мортлон ассыс видзан ётувъя вежёрыс сёвмё ёна ньёжийджык. Онъя зыксъёмъяс вёсна ми вермам вайёдны мусё овтёмёдз.

— Тэ ёд шулін: ставыс Енсиян.

— Шулі и оні шуа. Енлон бурлуныс помтём. Но, миян вылёт видзёдёмён, вермас и морт рёдсö вештыны бокё, артмитём пёжасос моз. Вёвліны нин Содом да Гоморра, Ной дырии паськыда ва ойдлём. А ми бара на чайтам: Енмыс ставсö лёсёдёма миянлы. Зыксаям немдумайттёг. Күштам мусё. И лэбам тыр ёдён тшотшыд помланыс...

— Уф-ф! Профессор, эг и чайт, мой лэдза сулеяясь джиннёс.

Равиль сувтис выльён вёчом лабичясь.

— Татшом сёрнияснас ме вунёді, мой броник пытшкын ёти мортлы колёлоны быть. Оні Серафим Чупровлон кад — кык час чёж видзас миянлысь уннымёс. Сідз?

— Сідз, командир,— вочавидзис Серафим.

Тэрыба кыскисны кыз дёра вонсö, зэлдисны, вёчинсны юр весътаныс лэб. Та бёрын Серафим пырис броникö. Кыскалисны и узьлан мешёкъяссö, быдсён ассыс. Талун ковмис нин.

Медбёрын Равиль нёшта ётчыд шыасис Рюрик дорö. Мыйкё кольёма на юавтёмыс.

— Тэ шулін, Рюрик, ставыс Енсиян.

— Да. Тайё истина. А кык истина оз овлы.

— Кык истина... Эмсö Ен-бать да сылон Кристос-пи. Но эм и Аллах да Магомет, сылон водзисысь. Кыдз тэ та вылёт видзёдан?

— Кык эскёмлы колё лёсиявны. Миянлы нинём юкны. Мусыс ёти.

— Соглас. Эм та йылысь и Коранын: «Аллах дугёдас венсö Ловзьёдан лунё».

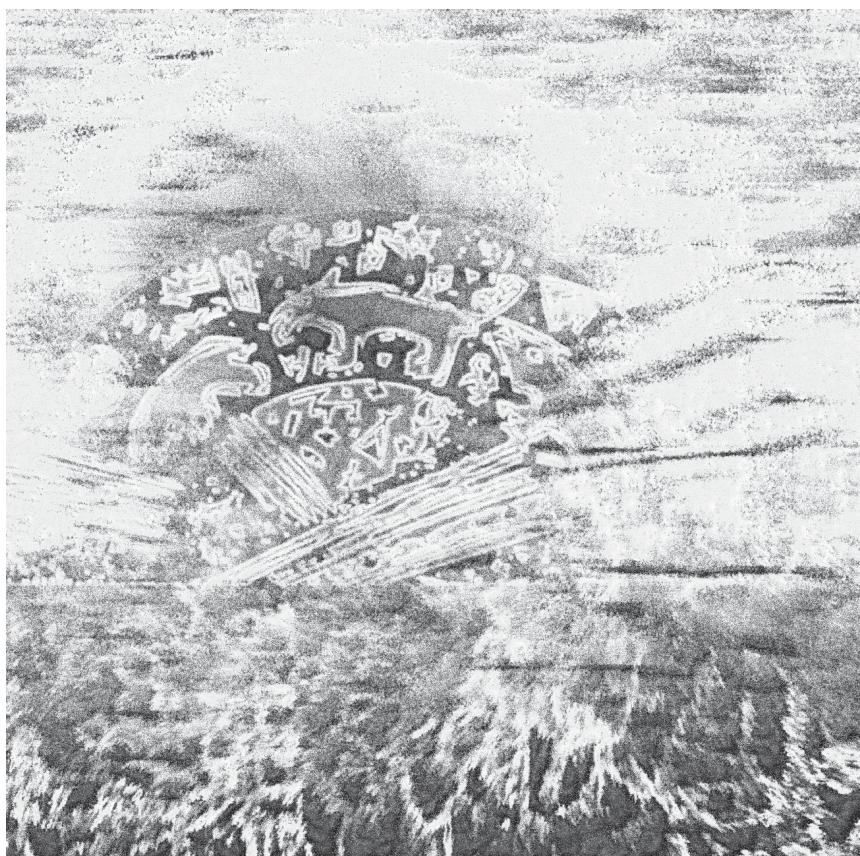
— Югыд юёр.

— Аттьё! Бур вой, профессор! Тайёс и кёсий юавны.

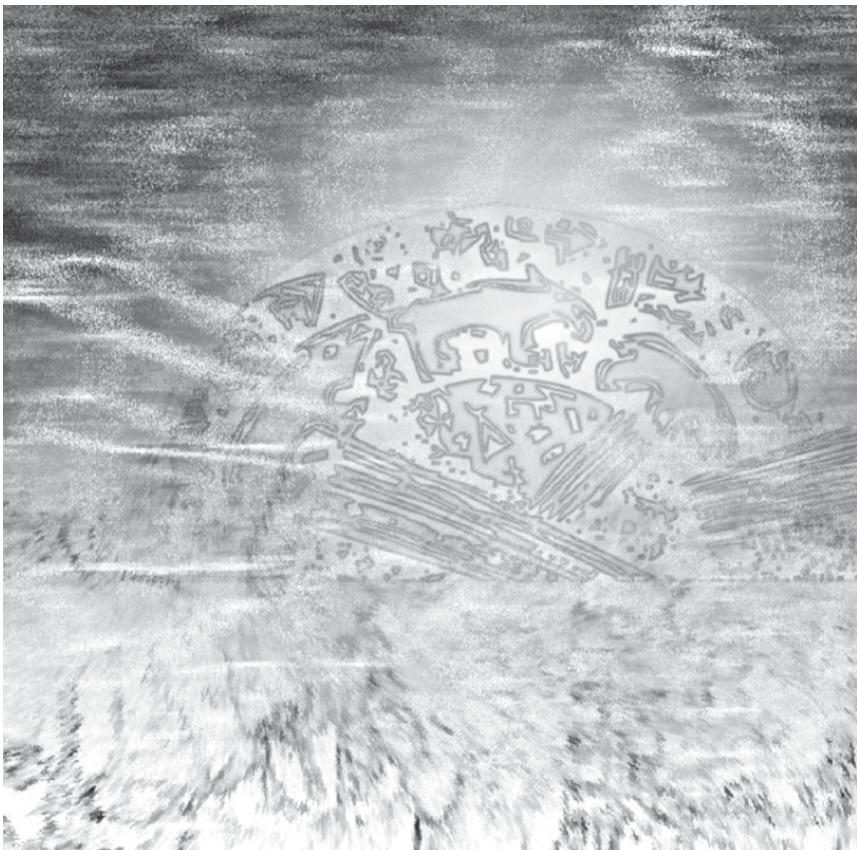
Равиль медводдзысь нимтис Рюрик Казариновös профессорён. Эз шмонитёмён. Сэсся босытис киас узьлан мешёкссö, бёриис места бипур дорын, лёдсыштис сийёс да водис узыны. Бипур мёлладорас аслас шоныд мешёк пытшкын кыпышда шкоргис Влад.

Рюрик ээ узь. Мыйкё ассыс мёвпалис.

Водзё лоё на...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Вениамин Полещиков

Полещиков Вениамин Михайлович родился 24 июля 1938 года в деревне Кошки Княжпогостского района Коми АССР. После службы в армии в 1964 году с отличием окончил историко-филологический факультет КГПИ. Преподавал в институте историю, был учителем в школе. С 1968 по 1992 год служил в органах госбезопасности в Республике Коми, последние три года занимался вопросами реабилитации жертв политических репрессий.

Автор книги «За семью печатями», посвященной судьбам репрессированных деятелей отечественной культуры.

Иван Шергин

Мысленно вспоминаю писателей Коми республики, подвергшихся репрессиям в 30-е – начале 50-х годов, и передо мной возникает череда образов В.И. Лыткина, В.А. Савина, В.Т. Чисталева, И.Н. Симакова, И.В. Изъюрова, Н.П. Попова и других. В этом ряду, считаю, особое место надо отвести Ивану Алексеевичу Шергину, потому что он одним из первых подвергся необоснованным репрессиям.

Судьба этого человека, много сделавшего особенно в дореволюционный период, и тем самым вошедшего в историю северных народов, заслуживает самого пристального внимания.

И.А. Шергин родился 4 ноября 1866 года в селе Серегово Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Княжпогостский район РК). Когда ему исполнилось двадцать лет, его призвали на службу в армию. В 1892 году он закончил службу и пешком прошел из Нижнего Новгорода в Петербург. В этом его судьба в чем-то схожа с судьбой Ломоносова.

С 1906 года начал заниматься литературной деятельностью. В газете «Северная земля» опубликовал свои первые очерки. Через два года выходит его первая книга «Богатства Севера». Позднее он напишет книги: «В дебрях Севера», «На Севере», «Поездка на Север», «Жизнь на Севере», «В Северных трущобах», «В Северных захолустьях». Эти книги были написаны человеком, не имеющим образования. Но творческая сила Шергина заключалась в живой связи с народом, знании его быта, нравов и уклада жизни.

С 1911 по 1916 год Иван Алексеевич издавал в Петрограде журнал «Вестник Севера», одновременно являясь его редактором и издателем. Царское правительство неоднократно подвергало журнал и его издания конфискации, грозило ссыл-

кой. В журнале и книгах Шергин бичевал роскошь, капиталистическую эксплуатацию и духовенство, разврат «лаврских котов», как называл их он в своих произведениях.

Со времени издания журнала Иван Алексеевич свою ходатайскую деятельность считает не менее важной, чем литературную. Он заступался не только за отдельных людей, но и за весь северный край. Об этом говорят помещенные в журнале статьи: «Распродажа Архангельской губернии оптом и в розницу с людьми и без оных», «Мертвые богатства», «Сереговские мученики» и др.

В Февральской и Октябрьской революциях Шергин, проживая в Петрограде, а затем в Серегове, участия не принимал. Последняя революция застала его в селе Серегове.

«О большевиках и эсерах, — пишет внук Шергина, петербургский писатель Николай Коняев, в очерке «Не дали жить»...», — здесь до середины 1918 года знали только понаслышике, и даже сами местные партийцы полагали, что это, скорее, религиозное движение, нежели политическое».

«Социализм ведет к установлению Царства Божия на земле. Это — учение, требующее выполнения библейской заповеди: «Не работающий да не ест...». «Мы... открывая двери райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим, и прежде чем их допустить, мы должны их к этому приготовить, давая им понять, что идея коммунизма — священная идея, и что социальный строй — это царство правды, истины, про которое говорит о своем учении великий учитель Иисус».

Эти цитаты приводит писатель Коняев. Они взяты им из выступлений руководителей яренских районных парторганизаций.

По своим политическим убеждениям И.А. Шергин, как он неоднократно заявлял в ходе следствия, являлся крестьянином-трудовиком, индивидуалистом. С Октябрьской революции по 1929 год проживал в Серегове вместе с женой — Марией Густавовной. По словам Ивана Алексеевича, она — «из образованной немецкой семьи, идеал аккуратности и такта». Вместе с ними проживал младший брат писателя — Павел Алексеевич. Занимались сельским хозяйством. Имели одну лошадь и две коровы. Кроме занятий по хозяйству, Иван Алексеевич по просьбе местных жителей писал различные заявления, жалобы, ходатайства, в которых вставал на защиту безвинно пострадавших и добивающихся правды людей. Отзывы на свои статьи и заявления не заставили себя долго ждать. Судя по воспоминаниям писателя П.Г. Доронина, лично знавшего Шергина, в 1918 году за статью «Свободная Россия» он был арестован, около года провел в Устюжской тюрьме и был осужден на ссылку в Сибирь.

Между тем в описываемый нами период времени коммунисты на местах устанавливали свой порядок. В 1918 году по поводу первой годовщины Октябрьской революции в Усть-Сысольске «председатель уездного исполнкома Осипов, председатель уездной ЧК Ляпунов, председатель Ревсовета военком Казаков вместе с другими партийными работниками устроили пьянку. Ими было выпито два ведра и двенадцать бутылок спирта, реквизированного ими в аптеке.

Деревенским партийцам, которых на пьянку не пригласили, это показалось обидным, и уже на следующий день затеяли переворот — они собрали общее партийное собрание, чтобы сместить своих заправил. Надеялись они, должно быть,

на то, что занятые похмелкой товарищи не успеют опомниться. Но тут обиженные партийцы просчитались. Чекисты товарища Ляпунова ворвались в здание, где происходило собрание, и произвели аресты. В Усть-Сысольске ввели военное положение – после пяти часов вечера горожанам было запрещено выходить на улицу.

Рядовым партийцам был преподан тогда хороший урок, и многие из них, разъехавшись по своим деревням, начали вести себя подобным же образом. Ощущение полной вседозволенности и безнаказанности и привело к трагедии, разыгравшейся в ночь на 16 января 1919 года в Нижних Коквицах. Произведя реквизицию продуктов и самогонки, местная партичейка решила расстрелять неугодных им односельчан. И возможно, эта чудовищная расправа сошла бы им с рук, но тут в дело вмешался Иван Алексеевич Шергин».

5 марта 1919 года в газете «Петроградская правда» была опубликована его статья «Коквицкие коммунисты». В ней речь шла о бессудном расстреле местными властями пяти крестьян из деревни Нижние Коквицы:

«Пока Окулов ходил за патронами, «коммунисты» добивали Першукова штыками... А Василий Васильевич Порсюров замерз с пальцами, сложенными в крестное знамение... После расстрела «коммунисты» возвратились в деревню, потребовали хлеба, масла, молока. Десять фунтов масла растопили в печке и макали кусками хлеба. В избе расстрелянного особенно весело пировали...»

«Коквицкая трагедия, – отмечает Николай Коняев, – ошеломила Ивана Алексеевича. Все эти расстрелянные по пьянке коммунистами Першуковы, Порсюровы, Гановы были не просто хорошо знакомы ему, но и вместе со своими братьями и сестрами, отцами и матерями, женами и детьми населяли страницы его книг. Иван Алексеевич говорил тогда, что это его расстреляли в Нижних Коквицах».

Дело, благодаря Шергину получившее огласку, было передано в суд, где в качестве свидетеля выступал и сам писатель. Правда, и за статьи, и за свидетельские показания ему весьма скоро предстояло дорого заплатить.

В 1919 году Северо-Двинским губревтрибуналом Шергин был осужден на три месяца заключения.

Так начиналась для него череда репрессий, приведших к гибели в 1930 году.

В период описываемых нами событий на территории Коми края вовсю шла Гражданская война. Она захватила и Усть-Вымский район. Между «красными» и белогвардейцами шли жестокие бои. Белые, захватив село Усть-Вымь, отдали приказ о розыске виновников коквицкой трагедии. В Усть-Выми они расстреляли шестнадцать коквицких коммунистов, еще девять человек – в селе Оквад.

«Точно святое небо послало казнь за невинную кровь!» – горько иронизировал в своей статье, написанной 14 января 1921 года, Иван Алексеевич Шергин.

— Но небо допустило промашку. Главные виновники, организаторы расстрела, опять ускользнули и теперь снова осуществляют исполнительные функции Советской власти».

Желая покарать палачей, белогвардейский капитан Орлов покарал людей практически невинных.

Но и на этом не завершается коквицкая история.

Вернувшиеся большевики немедленно предприняли розыск виновных в гибели коммунаров и арестовали всех родственников тех еще прежде убитых кресть-

ян. Мыслили они вполне логично, полагая, что именно родственники и должны были пытать мщением, и они предали коммунаров «белым». И какое имело значение, что один из арестованных вообще отсутствовал в то время в деревне, а другие, как, например, Иван Козлов, во время орловского набега сами прятали коммунистов.

«Справедливей...— писал в своей статье Иван Алексеевич,— было бы поставить на могиле Нижне-Коквицкого расстрела крест помилования...»

Статья эта так и не была напечатана. Уже тогда, в 1921 году, за Шергином был установлен надзор, и письма его подвергались перлюстрации.

В 1922 году за написание жалоб в центральные органы власти Шергин снова арестовывается, но вскоре за недоказанностью улик дело прекращается.

В 1923 году, когда Шергин представил во ВЦИК сорокастраничное сообщение о «налогово-взыскательном погроме» в Северо-Двинской, Вологодской и других губерниях, он опять находился на грани ареста.

В 1925 году — новый арест. Поводом послужили обращения Шергина в защиту униженных, ограбленных и оскорбленных. Вот одно из них, адресованное Председателю ВЦИК Калинину:

«На глазах народа совершаются чудо, зажигающее самое глубокое возмущение. Сто сестер-тружениц разбежались во все стороны из созданного ими гнезда и благовестят о неслыханных доблестях...

Разогнали Кылтовских монахинь-тружениц. Это власть имела право... сделать: но отбирать у бедных женщин личные их вещи не имела права... Когда областная власть стала отбирать у сестер самовары, швейные машинки, холст и т.д., напуганные труженицы стали прятать свое добро по деревням... Это естественно, бедные женщины-труженицы желали сохранить свои вещи, но, скрыв это добро по деревням, ныне оказалось, что несчастные потеряли все... Так, крестьянка Сольвычегодского уезда Селянской волости Ольга Чевыкалова перевезла свои вещи из монастыря в деревню Чесадор и отдала на хранение Михаилу Мельнику. Милиция разнюхала и отобрала, причем сделал осмотр и опись вещей О. Чевыкаловой, при этом вещи были сложены в корзину и опечатаны. Теперь Чевыкалова получила от милиционера Ерогодского в Серегове корзину, в которой из 12 полотенец оказалось только три... Был в корзине ситец, но остался только кончик, а вместо других вещей оказалось тряпье.

В 1924 г. Областной народный суд осудил безвинную монахиню Артемьеву (Островскую) за сказанное ею будто бы слово «грабители» на полтора года принудительных работ в Ульяновский монастырь, где она и ныне распространяет недобрую славу... Всякий мыслящий и верующий признает решение Обсуда формальностью и одобрит пострадавших.

Не одна Ольга Чевыкалова сдала свои пожитки на хранение и получила кончик холста, ситца и тряпье. Многие труженицы, сдав свои вещи на хранение сердобольным и верующим, получили пустые корзинки.

Кто же именно и где опорожнил... сундучок Чевыкаловой, должен установить суд и следствие. Сама же Чевыкалова боится суда и готова отказаться...

У монахини Анны Лобанцевой взяли самовар, у монахини Савватии взяли швейную машину и самовар в пользование колонии. У монахини Некучаевой корову, у сестер Буницевых лошадь, 200 пудов хлеба и 400 руб. золота. Сотни

тружениц разбежались по лицу земли и благовестят о неслыханных доблестях лучше всякой зажигательной агитации, подрывающей в народе нравственные корни власти, а такие решения Обсуда только подтверждают бессилие власти.

Как, товарищ Калинин, страшен местный произвол, совершенно с корнем искающий распоряжения Центра?

Образцовое хозяйство разорено. Оно создано трудами бедной женщины, выброшенной без необходимых вещей, а местные правители ездят в колонию и устраивают там пирушки на развале. Из ста тридцати сестер разбежались сто, а в колонии осталось 30. И нетрудно предсказать, что будет дальше.

Но стыдно и прямо жгет позор потери Чевыкаловыми последних тряпок. После таких актов оголения мало остается веры в могущество... Местная... Устьвымская и областная сильна безгранично и Центр издал декрет, что крестьянские дома не отнимать; а в Усть-Выми Комхоз отнял дом крестьянина Пономарева да еще «прикрасил» факт отнятия, что весь дом Пономаревых выстроен на средства земства, а в Серегове отняли старый дом у крестьянина П.А. Шергина и не позволяют П.А. садить картофель на огород около этого дома. П.А. Шергин, брат мой, и когда-то служил урядником, но еще в 1910 г. бросил службу. Да и на службе пользовался уважением, как человек кроткий и безобидный, а ныне он безвредный бедняк. И вот у этого бедняка отняли старый развалившийся дом, в котором он не жил, так как дом требует капитального ремонта, а в селе Онежье у бывшего пароходовладельца Козлова тоже отняли дом большой и ценный, но НКВД возвратил дом Козлову. Итак, вот чем занимается местная власть. Нет, не весь дом Пономарева выстроен на средства земства, а Пономарев брал 300 руб. ссуду на отделку 4-х комнат для школы. Это ложь...

В 1922 г. выдавали краденые премии на Сереговском сользаводе и отправляли народ грязной солью, а в 1924 г. выдают премию за порчу соли. И местные дельцы Сорвачевы и К° слепы: но вот отбирать старые дома, отбирать самоварчики, швейные машинки у бедных женщин, ныне благовестящих о позоре – эти дела идут отлично... Но власть, если она действительно есть, должна смести и смыть следы позора и немедленно возвратить Лобанцевой, Чевыкаовой и др.»

Другая статья И.А. Шергина «В Кылтовской детской колонии» вызвала настоящий переполох среди устроителей «новой жизни». В заявлении от 10 марта 1925 года он сообщает: «Я писал о страшных заболеваниях детей кылтовской детской колонии и пригрозил, что пошлю эти материалы через Патриарха Тихона за границу».

В 1925 году дело в отношении И.А. Шергина было прекращено в связи с амнистией.

В сентябре 1929 года И.А. Шергин направил во Всероссийский Союз писателей статью под названием «Строительство социализма». Перечитывая ее сейчас, можно подумать, что она из сегодняшней прессы, поэтому заключительную часть ее привожу почти дословно.

«...Итак, не взирая на убедительные уроки опыта, практического прозрения руководства диктатуры не произошло. Нападение на «кулака», объявленное 15-м партгайджом осенью 27 г., переходя различные фазы и метаморфозы, привело осенью 29 г. при усилении машинизации и коллективизации крестьянского хозяйства к восстановлению активизированного противодействия всего крестьян-

ства, к сокращению размера хозяйства, к упадку скотоводства, и раздутая советскими хватами пятилетка вкупе с горе-горькими болтунами самохвальства оказалась под неминуемой опасностью краха... Последние схватки агонии самосохранения ускоряют под взрывы злорадства торжествующей реакции приближение падения. На лысых горбах тупой ленинской ограниченности и в огне опасностей самосохранения вспыхивают огненные гривы взбешенного возбуждения и ударными налетами на крестьянство, расстрелами «кулаков» и ограблениями накаливают темные слои крестьянства на кровавые отмщения.

Розовые туманы иллюзии самовосхваления на фронте ожесточающейся борьбы с крестьянством дают поучение и развлечение буржуазно-демократической идеологии, а затруднения последней хлебозаготовки 1929–30 гг., обусловленные противодействиями крестьян, выбрасывают новые десятки тысяч жертв взамен похороненных на Ухтинских истязаниях, о коих и представим мы живые иллюстрации в следующей статье...».

Следующая статья уже не появилась.

Можно предположить, что из Всероссийского Союза писателей статья была направлена в ОГПУ. 23 ноября 1929 года начальник Секретного отдела ОГПУ Агранов дает указание начальнику Коми-Зырянского областного отдела ОГПУ и копией в Полномочное представительство ОГПУ Северного края:

«...Обыскать Шергина, изъять у него материалы, арестовать и дело прислать на Особое совещание. Прилагаемое письмо можно использовать в качестве следственного материала».

Таким образом, судьба Шергина была уже предрешена.

Чтобы сделать писателю больнее, чекисты не дали ему возможности встретить Новый 1930-й год в кругу семьи и родственников. Последний год в его жизни. Его арестовали 31 декабря 1929 года.

При обыске 19 декабря у него обнаружили статьи: «Ленинско-коммунистическое самооболванивание», «Верхоглядство и бюрократизм», «Строительство социализма» и стихи «Вождю красного движения» и др.

8 января 1930 года начальник Коми областного ОГПУ сообщил в ОГПУ Севкрай и в Секретный отдел ОГПУ в Москву, что «Шергин Иван Алексеевич (до революции литератор) писал и направлял контрреволюционные письма во Всероссийский Союз писателей и в «Правду», одно из которых препровождено Коми ОГПУ и второе непосредственно издательством. Произведенной проверкой подобные письма и контрреволюционные статьи обнаружены в массовом количестве и предназначены за границу, о чем показал сам Шергин при следствии. Шергин и его брат Павел содержатся под стражей».

В ходе следствия Ивана Алексеевича допросили три раза. Весь фарс, разыгранный в отношении его и брата, вряд ли можно назвать следствием и судом. Было задано всего три вопроса. На вопрос об отношении к Советской власти Шергин ответил:

«К Соввласти я отношусь доброжелательно, но я вижу много практических ошибок в управлении СССР, в политике Соввласти также я вижу много неправильностей, которые мешают строить социализм и которые привели сейчас нашу страну к разорению, к упадку хозяйства СССР. Направлению данной политики Соввласти я не сочувствую. Я считаю громадной ошибкой Соввласти то, что она

производит нападение на крестьянство, зажим крестьянства. С одной стороны, она принудительно гонит крестьянство в колхозы, а с другой, – ограничивает развитие индивидуального хозяйства. Колхозное же строительство в современных условиях СССР не может вести нашу страну к социализму, колхозное движение является тормозом постройки социализма. Нападение на кулака – есть нападение на все крестьянство. По своим политическим убеждениям я – народник, считаю необходимым организацию народной власти с дачей возможности индивидуального развития крестьянства. К социализму при теперешней политике Соввласти не придет. Возможно мы придем к социализму через большие сотрясения, через большие изменения в хозяйственной и политической жизни нашей страны. Я против классового расслоения крестьянства. Советская власть делает неправильно, что она проводит классовое расслоение деревни и создает бедняка, середняка, кулака. Этим Советская власть не уничтожает классы, а сама создает классы и создает среди них классовую борьбу, вражду. Сейчас крестьянство в СССР у власти не находится, управляет только рабочие. На крестьянство Соввласть нападает, ее жмет и не дает развиваться. Настоящая политика Соввласти привела к разорению страны, наступил голод и это Советская власть еще сама усугубляет. Хлебозаготовки проведены удовлетворительно, а население посадили на голодный паек. Эти затруднения, этот упадок хозяйства страны в дальнейшем еще более увеличатся. В СССР управленческий аппарат негибкий, в СССР управлять страной не умеют».

На ВКП(б) я смотрю так же, как на Соввласть, т.е. ее идеям я сочувствую, но практическую ее работу теперь считаю совсем неправильной. В своей практической работе она ошибается и линию ведет неправильно. Ее политика к социализму не приведет. Построение социализма – это фантазия. Учение коммунизма, социализма я не признаю. Учение Ленина я не признаю, Ленина гением я не считаю. Деятельность Сталина считаю в корне неправильной. Свои статьи «Строительство социализма» и др., критикующие Соввласть, я писал для советской прессы, а также посыпал в ВЦИК, ЦК ВКП(б) для того, чтобы они убедились в своей неправоте...».

Сегодня по прошествии семидесяти лет, мысленно представляя путь, пройденный нашей страной, приходится удивляться политической прозорливости сереговского писателя. Им были обозначены перспективы развития страны на многие десятилетия вперед.

Во время другого допроса И.А. Шергин показал:

«В душе моей навек осталось воспоминание и глубочайшее уважение к Вождю русской Революции, свершившему великий перелом блистательно; но как практический исполнитель Ленин часто запинался при подъемах на предгорья идеала и часто говорил: «На ошибках мы учимся....». Это оправдание практической бездеятельности, а не идеальное исполнение, ибо практический деятель должен обладать зрелыми взглядами на возможности практических достижений...

...Я не имею здесь возможности говорить об этом подробно, но сталинский оптимизм основан на приливах минутного облегчения. Невозможность широкого освещения советского развития, в частности крестьянской политики, вынуждала меня на необходимость искания путей к освещению; но, ведя совершенно замкнутую жизнь и не имея никаких решительно ни с кем политических связей или

просто знакомства, я рассыпал свои статьи просто наугад или, в лучшем случае, в ЦК. Сверх того, статьи были плохо обработаны, хотя освещали центральные вопросы развития...».

В предъявленном обвинении Шергин признал себя виновным в том, что «...действительно вышеупомянутые статьи писал я, но не с целью отправки их за границу или распространения среди населения, а только с целью довести до сведения представителей власти. По смыслу они являются чисто критическими заметками существующего порядка управления и вообще практической работы власти и изложенные в них идеи являются только личными моими убеждениями как народника...».

В обвинительном заключении сотрудники Кomi ОГПУ ходатайствовали перед Особым совещанием по Севкраю о заключении Ивана Алексеевича и его брата Павла Алексеевича в концлагерь на пять лет.

22 марта 1930 года тройкой ОГПУ Севкрая они оба были приговорены к 3 годам ссылки в северный край.

В январе 1930 года Шергин прошел медицинское освидетельствование. Врачи установили, что он страдает артериосклерозом и хроническим миокардитом. И тем не менее старого и больного человека отправляют в ссылку.

В том же году Иван Алексеевич Шергин от истощения и болезней умер на этапе в Архангельск.

И.А. Шергин и его брат Павел реабилитированы 9 октября 1989 года.

* * *

Система учинила страшное надругательство над святынями народа, над его вековыми традициями, обычаями, отняла у него право на самое сокровенное – на веру в Бога. Физически уничтожена большая часть духовенства, разрушены многие храмы, закрылись монастыри. В страшный голод 1922 года по призыву властей начали грабеж церквей, цинично подчеркивая, что умирающие с голода крестьяне вряд ли смогут оказать серьезное сопротивление грабежу. И.А. Шергин был защитником церкви. «Церковь» – мать нравственности: она оставляла в душе священные запахи, которые сохранялись долго...», – писал он.

Уничтожено само крестьянство как класс с его вековыми традициями.

Даже монголо-татары не чинили такого страшного насилия, какое обрушили на народ сталинисты. Сталинский геноцид унес жизнь многих миллионов лучших людей. По данным Министерства безопасности России, с 1917 по 1990 год на территории бывшего СССР по обвинению в государственных преступлениях было осуждено почти 4 000 000 человек, 827 995 из них приговорены к расстрелу. На самом деле число тех, кто попал под «красное колесо», значительно больше. Среди жертв коммунистической тирании – миллионы членов семей «врагов народа», раскулаченные крестьяне, депортированные...

Точных цифры сегодня, похоже, не знает никто, но пепел погибших стучит в наши сердца.

Иван Алексеевич Шергин не был врагом Советской власти. В одном из своих заявлений в 1924 году он писал, что «власть в большой опасности и надо ее спасать всеми силами...». Он был противником догматического тупоумия, мастро-

вого консерватизма и ханжества, лжи, лицемерия, двойных стандартов, шкурничества, выдаваемого за интересы трудящихся. Он был противником того, чтобы победившие в массовом сознании ценности отсталого, добуржуазного общества – уравниловка, примитивный коллективизм, культ бедности, нищеты, неприязнь к яркой индивидуальности, таланту и т.д. выдавались за эталон цивилизации и достижения социализма. Он был обличителем. Вспоминаются его слова: «Одно мне не понятно – это психология людей, командующих ветрами. Что за мания безумия – потрясать материки и горы, покорять далекие миры, повелевать, осуществлять какие-то исторические миссии, которых толком никто не знает...». Как все это перекликается со словами Ивана Михайловича Полещикова, члена колхоза Сереговского сельсовета, брата моего отца: «Партия ведет политику – куда ветер дует, перегибы, недогибы...» В 1930 году он за выход из колхоза и организацию переселенческого товарищества с «целью срыва лесозаготовок и коллектivизации», как чуждый элемент, был исключен из партии и чудом избежал репрессии.

Своими статьями И.А. Шергин вскрывал гнойники социализма, пытался обратить внимание властей на его недостатки и упущения с тем, чтобы исправить и устраниить их. Но в условиях казарменного социализма, когда такого наплевательского отношения к человеку не было даже в старой России, он остался не понятым ни партией и властями, ни многими окружающими его людьми. Он по-своему заботился о здоровье и благополучии нации. И в этом его колоссальная заслуга.

В христианских преданиях широко распространены сказания о праведном Иове, испытуемом сатаной. В одной из легенд рассказывается о том, как сатана с согласия Бога подверг Иова испытанию на верность. Четыре вестника беды поочередно сообщают о гибели его ослов, овец и верблюдов вместе с пастухами и погонщиками и, наконец, о смерти сыновей и дочерей. Бедный Иов раздирает на себе одежды, обрывает в знак траура голову, но отказывается хулить Господа.

«Господь дал, Господь и взял – благословенно имя Господне!» – восклицал Иов после каждой новой напасти.

Видя страдания мужа, жена Иова изрекла: «Похули Бога и умри».

Смелые, честные люди, не запятнавшие белых одежд, так и поступали. Говорили правду и шли под штыками сталинской диктатуры на свою Голгофу. Имена одних из этих людей нам теперь известны, других еще предстоит узнать. Но для целого народа это неприемлемо. Народ умереть не может.

В Евангелии от Луки есть мудрые строки: «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрий. Ибо всякое дерево познается по плоду своему».

Старый сад оказался бесплодным. Настало время избавиться от бесплодной смоковницы и отдать землю под деревья, приносящие плод.

Иван Шергин

На Бутканском волоку

Это было 20-го января 1924 года. Мороз дошел до сорока градусов по Реомюру и сердито потрескивал. Вороны и галки спрятались под крыши и в стога. Даже воробышки не смели показывать носа. Среди дня в облаках морозного тумана всплыл кроваво-огненный шар солнца и окрасил бледной позолотой волнившиеся массы тумана, клубившиеся снежными горами над овеянным инеем и снегом хвойными узорами леса; но скоро и эта позолота померкла. Только на вершинах облачных гор светились радужными переливами последние отблески зимнего дня.

В это самое время от села Шежам на лесной Бутканский волок, растянувшийся от реки Вычегды на 140 верст до деревушки Буткан на реке Мезени, выезжали длинные обозы с хлебом Госторга и хлебопродукта, предназначенным в Удорский край в обмен на пушнину.

С Шежамской горы обозы плыли под уклон высокими копнами сена, что темнели в клубах пара от дыхания лошадей, которые, уныло понурив головы, озирались по сторонам и лениво, неохотно шагали в лесную даль, что в начале от села пестрела по уклонам холмов редкими елками на снежной белизне, а дальше темнела густой щетиной, касавшейся острыми шпиллями самого неба, окаймлявшего ясной лазурью хвойные вышивки, осыпанные снежинками, мертвенно-бледной вуалью прикрывавшей весь простор, морозными кружевами лесной панорамы.

За возами шагали впроприжку возчики в шубенках, а сверху шубенки озямы. За перевозку 20 пудов хлеба за волок платили 5 пудов ржи; но из этих 5 пудов возчик платил на каждой станции за отдых по три фунта ржи, а на волоку четыре станции, да столько же надо было на обратный проезд. Оставалось возчику не больше четырех пудов за целую неделю муки, причем лошади надо было сена скормить пудов десять.

При выезде из села мужик Калимов колол дрова и, опустив топор, стал прилежно разогревать руки натиранием одной рукавицей о другую: «Стужа, да нужа, нет их хуже! – крякнул Калимов. – Не дешево обойдется этот хлеб?! О-ох, не дешево...» – и Калимов окинул взглядом обозы, скрылся в избу.

Нужда выгоняла из далеких деревень тех, кто больше страдал от недостатка хлеба; но как на беду те же бедняки были слабже защищены и от холода. Движение шло две-три версты в час, и на переезда волока в 140 верст с остановками надо было не меньше четырех суток. Прежде на станциях были большие дома; но в гражданскую войну дома сожгли, а теперь на месте домов выстроили лесные избы, где, когда скоплялось много возчиков, не было места присесть, а о просушке валяной обуви нечего было и думать. На сырому и грязном полу обувь намокала, а на морозе обращалась в грузные мерзляки. И в этих-то мерзляках возчик отплясывал 140 верст, поддерживая воз, перекатывавшийся по избитой и раскатанной грязи дороги из ухаба в ухаб. Когда воз сильно бросало в ухабы, возчики нагревались так, что от них шел пар, а после всепарки съедали у присяд-

ка фунта по три хлеба. У кого жира было больше, тому теплее; но нужда выгоняла того, кто имел меньше жировых веществ. Когда дорога была лучше и воз не бросало в ухабы, то при медленном движении лошадей возчиков в легких шубенках сильнее донимал мороз. Поэтому для нагревания необходимо ускорять движение, и возчики кружились, прискакивали и ударяли рукавицами одну о другую и, таким образом, чрезвычайными усилиями получали необходимое нагревание...

В таких именно шубенках были возчики из деревеньки Межог Василий, Степан и Сенька Косой, приехавшие в село Шежам верст за сорок, чтобы получить перевозку хлеба за волок... Тepлее всех частей тела были защищены от холода у Василия руки; на них он одевал большие собачины сверх шерстяных исподок и прикрывал ими лицо, а у Степана топырилась на голове мохнатая шапка с клочьями шерсти; но кругом Степан был слабо защищен от холода и постоянно кружился «как волчок». Сенька же был в толстом озяме сверх шубы, а на спине озяма была еще нашивка, вследствие чего холод его брал не так скоро. Вдобавок, хотя все три возчика ехали вместе, но сходства между Сенькой и Василием со Степаном не было: они говорили, но не «парились». Василий и Степан были люди особого склада, а Сенька совсем не похож. Лицо Василия дышало покорностью, а глубокие морщины при виде горя и беды кому бы то ни было складывались отзывчиво и как-то жалостливо, а сам он тревожно ежился, как будто беда опрокинулась на него вверх ногами и смертельно давила, а Сенька в таких случаях закатывал косой глаз так, что на беду или каверзу другому насмешливо блестел белком. Кроме того, Сенька бранился здорово: в проход кого-нибудь или чего-нибудь «пушил» на чем свет стоит, так что, если «отсеять из Сенькиной словесности» то, как говорил Василий, чистого зерна вовсе не останется... Упадет Сенька – выругается, а устоит – еще крепче загнет, улыбался Василий Степану и грустно закрывал лицо собачиною. При выезде на волок в селе Шежам навстречу возчикам попала старушка Пелагея с рассеченной губой. «За волок?» – спросила Пелагея. Василий приподнял шапку и утвердительно кивнул: хлеба надо, урожай не вышел полный... Пелагея оглянула с ног до головы Василия и поддержала воз, катившийся в ухаб. Лошадь Сеньки шла на пригорок тяжело так, что пар из ноздрей клубился белыми струйками, а сам Сенька сидел наверху воза и закручивал цигарку. Когда воз поднялся на пригорок, сейчас же покатился на бок, а Сенька слетел с воза в сугроб и запушил того, кто накаверзил ему... Пелагея с Василием помогли поднять воз, и Василий легко со свежим запасом силы и тепла бросился догонять своего гнедка, а Пелагея долго поглядывала. «О-ох, далеко, далеко, – вздохнула Пелагея, – знаю, сама бывала... На волоку мороз еще злее. Так смерть и так смерть». Сенька вскочил на задок саней и, отряхнув с озяма снег, открыл фонтан священного бисера прямо на Пелагею, отчего она сильно затерла рукавицей щеку, прихваченную морозом... «Ой, не дай Бог беды никому крещенному», – произнесла она вслед Сеньке, который пристроился на возу и сидел, как за горюю... «С таким и лошади не красно, – сказала Пелагея, – умает сердешную на волоку...».

«Надо в коммунисты», – произнес Сенька и пустился в словесность, так что Пелагеяшибко затерла рукавицей щеку, на которую летела Сенькина «словесность» и свернула в бок... «Не обстоятельный человек», – проворчала Пелагея, – пустое бает, слушать нечего. С таким и лошади мука...». «Больше тридцати

пудов воз нагрузил. Да сверху сам усядется...». От Сенькиной словесности Пелагея отвернулась, но скоро снова взгляд ее привлекли обозы, и она ускорила шаги, чтобы догнать Василия, который ласково хлопал на своего гнедка собачинами, а в нырках, когда гнедку было трудно поднимать воз, помогал.

Обоз свернул из села Шежам и быстро покатился под уклон. Первую станцию возчики ехали незаметно со свежим запасом силы и надеждой на заработок, но чем дальше ехали вглубь волока, тем сильнее угнетала усталость.

На третий день солнце даже не показывалось из-за тумана, а лишь на вершинах леса временами вспыхивали кровавые отражения, и скоро мертвенно гасли в хвойной поросли бледно-розовые оттенки кровавых отражений. Затем над гущей леса, сквозь кудрявые шапки сосен, мигало бриллиантовыми узорами звезд морозное небо. Среди мертвого равнодушия, царившего кругом, скрип половьев звучал болезненно, как «тянул за душу», и в лесах разваливалась печальнойной музыкой тяжкая скорбь однообразной жизни. Из-за хвойных переплетов леса вдруг показались световые полосы, опоясывая небосклон севера желтоватыми и фиолетовыми лентами. Угрюмые ели, свесив хвойные космы ветвей, осыпанные снегом, как будто ожили в дивном свете северного сияния, а световые ленты переливались в радужные тоны и скоро над головами возчиков сложился царственный венец, сверкавший ослепительными искрами. Василий широко зевнул и поежился от мороза: «Там и край света...», — произнес он. Царственный венец над головою поднимался выше, и блестящие искры гасли. В лесу игриво трепетали фантастические тени и почти моментально меркли.

Гнедко Василия тревожно насторожил уши и радостно заржал. Из-за волока возвращались знакомые возчики из села Зевсерт Микола, Андрей и «збой баба» Анна, прозванная так за веселый характер и расторопность «збой бабой».

На санях Андрея лежала вороная лошадь Анны, заболевшая на волоку. Анна с «жару» напоила воронка и лошадь легла. За перевозку больной лошади Анна заплатила Андрею два пуда ржи.

На привет Василия Анна даже не кивнула. Других ведь беда настраивает к пространным объяснениям; но Анна прошла точно среди мертвых деревьев. Василий долго не мог отвернуть головы от Анны, как будто тяжкие цепи беды Анна перебросила на него и тянула за собою. «Беда еще может быть впереди, — подумал Василий, — если падет лошадь».

Сенька, увидав лошадь на санях, выпустил в знак удивления сильный заряд «словесности» по поводу необычного явления, но, взглянув на Анну, как-то неловко снизил в силу неприличия выражений громких чужой беде и дико выкатил на Анну косой глаз: «способие на счет лошади должно быть, потому у коммуниста бедняк на первом планте».

Лицо Степана насмешливо перекосила грустная улыбка на Семена, а Василий молча отвернулся и, нахлобучив шапку до глаз, тихо зашагал, насилиу передвигая ноги, которые натирали промерзшие валенки, как тяжелые колоды.

На горизонте с севера светилась громадная дуга, как преддверие в царство вечного холода и льдов.

Полверсты, не доезжая до станции, дорога была запружена возами. Возчики, свернув в сторонку, выпрягли лошадей. Несколько дальше в чаще пылали костры под навесами елей. В обвеянных снежинками кружевах хвой и ветвей кружи-

лись золотыми змейками, осыпая сплошным дождем искры. Около костров, улегшись на сухие сучья и хвою полудремали возчики, неохотно поворачивая к огню задние части тела, кои сильнее прихватывал мороз. В станционной избе было так полно, что негде было разогреть хлеб. Усталые возчики лениво жевали мерзлый хлеб. Жажда в этом хлебе была сильнее всех страданий, связанных с его получением. Тускло было, точно сама тоска и скорбь участвовали в этой могильной тишине. Изредка проносилось среди этого угнетения восклицание, вызвавшееся как порыв отогревшейся и воскресшей от оков леденящей стужи жизни, и замирало.

В небе сияло спокойное величие. В сияющей высоте мигали ослепительные блестки звезд, и косматые ели, окутанные снегом, дремали в величественном свете полярной ночи.

Василий два раза ходил к своему гнедку, надавал ему сена, прикрыл его шерстяной накидкой и очень был расположен поговорить с гнедком насчет мороза и, в особенности, о коммунистах, чтобы узнать, как он чувствует себя, а, главное, высказать ему свои мысли и чувства. «Благо нам сулят, — сказал Василий гнедку, — а дело клонится к одному сходу. Сгонят много нашего брата... Необходимость тоже вывести из жизни норовят и царство свободы возводить, а необходимость — кнут жизни... без коей немыслимо никакое движение... Ну кто без необходимости поехал бы за волок?». На обратном пути в избу поперек дороги Василия перескочила мохнатая тень с охапкою сена и скрылась где-то за возами. Сделав несколько шагов, Василий увидал карую лошадку с очень маленькой головой. «Карько» стоял без сена и вопросительно заржал на Василия, как будто жалуясь, что какой-то негодяй взял данное ему хозяином сено и дал своей лошади. Теперь он должен стоять без сена, а потом голодного погонят. «Все и лошадь понимает, — сказал Василий, — только замалчивает боль и обиду, и так всю жизнь! Коммунист так хорошо объясняется, а Карько все молчит, да везет...». Над головой Василия небо загорелось сплошной бриллиантовой россыпью, и огненные стрелы сверкали по всему небосклону севера. Василий сделал поворот к своему возу, чтобы взять охапку сена и дать Карьку. Хотя сена у Василия было немного, но остановиться Василий не мог. «Каждый мотив свой должен исполнять!». «Без мотива шагу человеку сделать нельзя — мотив проходит через сознание и становится действенным фактом... Поди забрался хозяин в избу, — перевел Василий, — развезло там, в тепле и задремал... Коммуниста тоже развезло с мороза на хорошем жалованье и теперь пророчит важные для нас открытия...».

На предпоследней станции с воза слетела в ухаб коквицкая баба Анисья. Лошадь вытащила воз из ухаба, но Анисья, растянувшись на снегу, осталась! Возчики столпились около окоченевшего ее трупа. «И все для Анисьи, — проговорил Василий, и, сняв шапку, осенил себя крестом. — Все нужды и заботы перестали существовать...».

«Анисье амнистия от коммунистов вышла!» — улыбнулся оквадский возчик.

«Вот оно! — произнес другой возчик. — Да-с. А нам еще надо дотягивать одну-две...».

Как мало нашему сознанию открыто?!

Скрип полозьев звучал так же равнодушно среди мертвого величия, а лошадка Анисьи, видя неожиданный переполох, поднявшийся вдруг, лениво повернула

голову и безучастно поглядела из-за оглобли. Возчики положили Анисью на воз, прикрепили труп веревкой к саням, и обоз двинулся.

На последних станциях возы были значительно облегчены, так как на каждой станции сено оставляли для корма лошадей и на обратный проезд. Поэтому лошади шли легче, а усталые возчики падали на возы и засыпали. Так заснул еще один Арабацкий возчик. Василий сделал попытку, чтобы поднять труп своего товарища, но не мог: руки и ноги его «свело». «На морозе беда,— простонал он,— на сон тянет...» А мороз злился и потрескивал еще сильнее, а полозья в нырках звучали пронзительно. По всему волоку будто тянулась скорбная вереница, оплакиваемая однообразной музыкой, тянувшей невыносимой тоской грустные аккорды бессмысленных страданий. «Не так живи, как хочется,— вздохнул Василий,— а как Бог велел...». Сенька же думал только о том, как бы поскорее попасть на «положение» коммуниста: «Ему, что мороз, что буря — все едино! Какое в обществе может быть облегчение людям?» «Ах, едри твою! — воскликнул Сенька.— Топеря ежель вылечу на коммуниста, какой выигрыш может быть. Огребай полтораста на месяц и никакая тебя тоска не возьмет... Кто поперек дороги стал твоему удовольствию, спихнул в сторону и айда. Коммунисту все можно. Полюбил какую-то бабу, спихнул мужа под штраф за измену власти и пользуйся! Лемзакова жену следователь-коммунист очаровал. Настрочил и упек, а сам счастье свое обнял и целует... Муж под строгой изоляцией отлягивается за счастье жены... Ха-ха...». И от прилива тепла Сенька вскинул шапку на лоб.

Уныние напало на Василия, а усталость угнетала еще больше. Сенька тяжесть «путинь» переваливал на лошадь, которая и плелась у него в «пене» и даже не глядела по сторонам, как будто не было никакой надежды, тогда как Гнедко Василия озирался, а когда навстречу ехали лошади, радостно ржал и обнюхивал.

До последней станции Василий едва-едва добрел. Ноги его мертвели, и он часто присаживался на воз; но на пригорки, когда Гнедку было труднее поднимать воз, вскакивал и болезненно покачивался. На последней станции Василий сам ухаживал за Гнедком. Валенки Василия разбухли в избе, и в ногах началась сильная ломота, а по телу пробегала леденящая дрожь, отчего он вздрогивал и ежился. «Оставайся», — посоветовал ему Степан. Но Василий отрицательно мотнул головой: «Ведь полпуда вычет сделают, — возразил Василий, — а то и все тридцать фунтов. На четыре дня хлеба, вся семья будет сыта, нет уж, — решил Василий, — как-нибудь... Вот переобуться бы? Пятьте сутки из дома не снимал валенки. Да негде расположиться-то».

Но Сенька протискался сквозь толпу к печке и хозяйствовал там. Понемногу он отодвигал других на задний план и скоро расположился, как дома... «Тут «равны все», — говорил Сенька, — и у коммуниста эфто на первом планте. Финансовая ресурса слаба, а то б коммунист показал справедливость».

Местами лес редел. Дорога то взбегала по холмикам, то спускалась в низину, где среди кудрявых шапочек сосен темнели мертвые осты, у вешанные черными клочьями мха. Эти осты-мертвецы протягивали голые сучья над низкими захудальными живыми сосenkами, точно указывая на предел жизни, перейденный ими. Дальше и эти низкие сосны вовсе исчезли, и на снежной белизне мерещилась грустная резьба болотной жизни: уныло крепилась мелкая поросль, а там на

просторе, не защищенном гущей лесною, носились целые облака снежной пыли, кружившейся белыми столбами. Порывами ветра вздымало волны снежной массы, на гребнях коих вырастали загадочные великаны, окутанные в белые саваны, и вдруг великаны исчезали из вида — лишь на мертвые узоры болотной резьбы ложились бледные полосы.

И от таких ураганов, бушующих привольно среди мертвого раздолья, нет спасенья и пощады! Дорогу заметало грядками, и лошади плелись тихо, а возчики в шубенках вертелись за санями, как привязанные на цепи.

«Недалеко», — вздохнул Василий и покачнулся на воз. Вдруг он почувствовал себя легко, даже обернулся с ласковым обращением к Степанову воронку, который шел быстрее и часто ударял копытами в мерзлые валенки Василия. «Ну-ну, не торопись, — сказал Василий, — хлебушка получим и тебе будет легче, такой муки не будет. Ишь, сердешный, как взопрел. Хлебушка получим, что жить? Семен Андреича все на коммуниста поддерживает, а тоже большого успеха в шагах коммуниста нет...». Василий присел сбоку на воз и обернулся к Степану: «Вот Семена Андреевича на положение коммуниста все тянет. Широко берет коммунист, а тоже сам про себя славу сочиняет, ину пору из искры целую зарю раздует, особенно когда свои грехи и неудачи замазывает или начинает отставать от своих пунктов». При словах Василия Степана потянуло к сильному выражению, но он сплюнул и глубже нахлобучил шапку на лоб: «от положения и поведение».

Василий неопределенно кивнул: прожили день, а больше что мы можем знать?

В белой массе тумана взвились черные клочья мха. «Слава Богу, — произнес Василий, — близко. Чем труднее, тем легче отдых. Вот и лес; все-таки не так берет, — произнес он, — а то ветер с морозом, беда». «Хуже нет, — отозвался Степан, — так тебя обнимает и целует — просто извините за выражение...». Василий покачнулся на воз, а Степан, прикрыв лицо шубницей от поцелуев мороза и ветра, отвернулся. Гнедко Василия тоже повернулся голову к лесу, который темнел высоко, грядою, а сквозь хвойные вышивки серебрилась луна, бросая чудные оттенки. «К стуже», — произнес Степан. «Василий Иваныч, — обратился он к Василию, — луна в кольце, пожалуй, закрепит еще». Но Василий не ответил.

«Девять верст осталось, — воскликнул Степан, — о, о... конец!» «А там за тоже... Степан почувствовал позыв к словохотливости. Девять верст не осталось, и тогда Степан побежал к возу Василия, но Василий спокойно заснул от всех мук и бед. На веках его серебрился пушок инея.

«Славные собачины остались, — сказал Семен, — топеря оне ему не к чему!»

В Буткане похоронили трех возчиков и много возчиков с отмороженными конечностями отвезли в больницу.

На обратный путь мороз ослабел; но возчики возвращались не веселы. Взвешивали хлеб на весах десятичной системы, в коей возчики не понимали ничего. Оказалось нехватка и вычет...

Охотник, убивший в два месяца охоты 300 белок, получил двести пудов хлеба, а возчик хлеба в целую зиму мог съездить за волок пять раз и получить двадцать пудов ржи... на 26 рублей.

«Беда»

В селе Шежам при самом выезде с волока было оживлено. Около дома Калимова на соломе под сараем лежала больная лошадь Анны, которая около недели уже ждала лошадиного «пельтшера».

Дома в Шежаме почти все как один точно придавлены отлогими крышами и расположились вширь, а из-под навесов слезились морозные окна. На южный скат горы к реке Вычегде расположены дома окнами к реке, а задние части домов с хлевами, дворами и поветями выходят к передним фасадам домов, расположенных на другой стороне тракта. На каждый дом ухлопано пятьсот деревьев леса и даже на некоторые дома не меньше тысячи; эта масса бревен срублена и навалена как попало: есть в ином доме рядом по два наката...

Пелагея была потрясена горем Анны и рекомендовала дать лошади самогонки...

«Полштопа дать и встанет», — пояснила Пелагея. И на самом деле, после приема самогонки лошадь стала подниматься на ноги, но потом опять впала в болезненное состояние. Около сарая, где лежала больная, толпились крестьяне: кто выражал Анне сочувствие, кто высказывал удивление на отличное действие самогонки.

«А никто, ни хрена... — философствовал Калимов и с высока лукаво косил глазом: «Глина хорошо пользит... Только с умением». «Нет, сват, — возразила Пелагея, — самогон лучше». Но Анна, подавленная горем, ходила как не «в уме».

«В горе и беде, Анна, — сказал Калимов, — каждый хочет сочувствием подбодрить, а прошла беда, и Анна поднялась, на нее зависть глаза пучит... Даже ножку при случае подставит...».

А на волок тянулись новые обозы. В декабре платили за 40 копеек с пуда, а потом на две копейки урезали... Но возчики ехали и за эту плату.

В КЫЛТОВСКОЙ ДЕТСКОЙ КОЛОНИИ

Эта колония основана на месте разоренного коммунистами в 1923 году Крестовоздвиженского женского монастыря, выстроенного купцом Булычевым в 1895 году в глухом лесу на берегу лесной речки Кылтовки в 15-ти верстах от села Серегова.

Выстроив церковь и здания для общежития, Булычев удалился в Соловецкий монастырь, где в 1902 году умер.

В апреле 1924 г. в московской газете «Правда» напечатана статейка некоего Зорича, что 18 лет назад купец Булычев основал в лесу на реке Кылтовка женский монастырь и пьянствовал с монахинями, а монахини тунеядствовали...

Вышло так, что года три-четыре спустя после своей смерти Булычев выстроил монастырь и пьянствовал с монахинями...

Циничное вранье коммунистов на живых и мертвых пустило гнилые корни: но грязная ложь была бы отвратительна тем, что опачканные ею газетно-коммунистические листы были совершенно закрыты для обличения. Таким образом, на-

глая ложь распространялась безнаказанно и сделалась привилегией негодяев-коммунистов, подрывавших вместе с распространением лжи, пускавшейся в оправдание злодеяний, моральные корни коммунистической власти.

На самом деле это был не монастырь, где «спасались», как в других монастырях, но чисто трудово-религиозная община.

Из далеких уголков северного края: Шенкурского уезда, Сольвычегодского из Устьсысольских дебрей сбежались в Кылтовскую обитель сестры-труженицы, причем многие из сестер привезли с собой из дома разное добро, чтобы навсегда поселиться от разгульной мирской жизни в лесном уединении.

Так четыре сестры Бушуевы Сольвычегодского уезда Селянской волости привезли в Кылтовскую обитель 200 пудов хлеба, лошадь, четыреста рублей золотом. Крестьянка Часовской волости Цивунина привела корову, крестьянка Некучаева из села Серегова тоже корову. Каждая сестра принесла, кроме того, свои самоварчики, швейные машинки и пр.

В течение 28 лет эти сестры-труженицы разделяли на дикой лесной почве поля и огороды, развели образцовое хозяйство. Летом монахини не шлялись с образками, не пьянствовали, как расписывали советско-газетные вруны, а расходились по лесам корчевать пни для выгонки смолы и снимали бересту для разных изделий и выгонки дегтя...

На уборке в лесах сена сестры не столько страдали от труда, сколько от разных «водов» и «гнуса» лесного, пауков, комаров и мошек, носящихся тучами. В грибную пору уходили в леса верст за 15 «об ночь». Однажды монахиня Таисия расположилась на ночлег в лесу: наломав сухих сучьев, приготовила постель. В чаще леса захрустело: скоро Таисия увидела громадного медведя, шагавшего прямо на Таисию, но она не растерялась, достала спичкой огонь и подожгла сучья, обросшие волокнами. Сучья с треском вспыхнули, а мишканец вернулся лыжи...

Так вот как сестры «тунеядствовали». Зимой они занимались разными работами, кто по хозяйству, кто плетением корзин, тканьем одеял из коровьей шерсти. Это была громадная мастерская.

Все лето 1923 г. сестры пахали, сеяли, убирали сено, сажали и обмолотили хлеб, достали разные овощи, а осенью коммунисты объявили труженицам: «Уходите вон... вашего тут ничего нет... Монастырь выстроен на средства купца Булычева...».

При этом у сестер отобрали личные их вещи: самовары, швейные машинки, шкафчики...

Напуганные грабежом труженицы, с целью спасти свои тряпки, развезли ящики по деревням. Так, много ящиков было сдано на хранение в дер. Чесадор Медынским. Здесь сундучки и корзины были вскрыты и разгружены, а затем заявлено о нахождении монастырских вещей милиции, которая отобрала сундучки... Затем вышло распоряжение выдать вещи. Монахиня Ольга Чевыкалова имела в корзине 12 полотенец, 9 аршин ситца, 15 аршин пестряди и 10 аршин холста. Милиционер выдал Чевыкаловой корзину, но в ней оказалось только три полотенца... и корзина заполнена тряпьем... Монахиня Артемьева назвала их грабителями и осуждена на полтора года. Суд дал приговоренной право апелляции. Артемьева обратилась к прокурору. «Ну-ка, ты, граммофон, напиши...».

Сестрам Бушуевым сказали, чтобы они освободили принадлежащий им шкафчик, занятый платьем. Обиженные написали жалобу председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Месяц спустя ВЦИК потребовал оплаты жалобы гербовым сбором, что обенные и сделали, но ответа не получили...

Ограбленные разбежались...

В соборе разобрали иконостас, сняли кресты и устроили зал для танцев и спектаклей. Руководил делом инспектор просвещения Н.С. Полещиков, который важно покрякивал: «Я здесь хозяин...».

В обитель поместили около 250 человек детей от 5 до 16 лет.

Жертвы коммунистического просвещения

С осени 1923 года, когда завезли детей в эту глушь лесную, до весны 1924 г. о жизни колонии изредка проносились слухи, исходившие от служивших в колонии бывших монахинь, коих из 140 человек осталось около 40 и от поставщиков самогонки...

Пьяные оргии в бывшем Кылтовском монастыре начались не при жизни основателя монастыря Булычева, а несколько позднее... именно зимою 1923–1924 гг.

Однажды заведующий колонией Курбатов и учитель рисования потребовали хлеба и грибов, а затем пустые тарелки бросили вниз по лестнице и в окна...

Около пасхи 24 года в колонии была послана ревизия ГПУ Тентюков и К°. Во время «ревизии», длившейся недели три, заведующий Курбатов наскоро умер. Почему на три недели затянулась «ревизия» и чего она открыла, сведений нет, но известно, что самогон доставляли успешно...

Монахини, оставшиеся на службе в колонии, рассказывали оочных оргиях, а о питомцах колонии говорили, что содержатся в грязи, спали мальчики и девочки вместе на грязном полу, кроватей для всех не было. Белья и обуви тоже не было. На детях появились коросты и вши, от коих чесались питомцы даже во время учебных занятий и ловили приплод...

Помещения, содержащиеся при монастырской жизни в образцовой чистоте, обратились в клоаки грязи и вони, а стены были замазаны... Детям не позволялось делать замечания и наказывать за пакости... Юноши 16-ти лет крали у прислуги вещи и кидали в прислугу камнями... Летом такие сорванцы разбегались по лесу и творили там бог знает чего.

В январе 1925 года некий подрядчик Поляков посетил колонию. Выбежали две девочки лет 14–15-ти, оборванные и растрепанные. Это были больные. Их стали укладывать в постель, но больные грызли ножки железной кровати и били головами о стену. В Устьвымской больнице было 8 девочек от 10 до 12 лет, страдавшие «истерией». Но всех нервнобольных в колонии было до 40. Один больной бежал в лес зимой в легком лохмотьи, простудился и отвезен в больницу. Учитель колонии Ванеев психически заболел...

О «колонии» благовестили на всю весть, а «коммунисты» шиковали, кутили, получали наливочки госспирта, жалованье и разъездные по 100 рублей в месяц и больше. Навещал колонию инспектор Наркомпроса из Москвы Бойцов, но стало не лучше...

Все возмущались, а суеверная масса видела в болезнях детей, доведенных до психических заболеваний, кару неба за разорение...

И случилось следующее «событие», характеризующее зырянских «коммунистов».

25 февраля 1925 года в селе Серегово, в 15-ти верстах от Кылтовской детской колонии, в клубе коммунистов представлена пьеса из времени гражданской войны Колчака. На сцене дети в лохмотьях чешутся... У костра мальчики с котомками собираются бежать. Их задерживают. Из котомок вынимают вещи и ризы... Проводится следствие в присутствии прокурора...

Сходство с Кылтовской колонией было полное. Публика недоумевала: «Да как же это случилось... Сами коммунисты довели несчастных детей колонии до грязи, вшей и психических заболеваний и представили на сцене на публичный обзор?!» Все так и поняли, но оказалось, что пьеса из времени Колчака... Никто не разъяснил... А когда все выяснилось, публика злорадно кривила рты: «Немножко не смекнули зырянские пни... Представляют на сцене лучшее в худших условиях войны, как «безобразие колчаковского режима», а сами коммунисты допустили в мирное время в лучших условиях несравненно худшее... и колчаковское «безобразие» представили, а о своем помалкивают, но публика не разжевала...

Сваты Устьвымские

Сватья Ромкина пришла из заречья в село Устьвымь рано до благовеста к заутрене и завернула к сватье Дарье, которая хлопотала около печки.

«Дунька, а Дунь, — крикнула Дарья, — кой но мор спишь, полдень вед, скоро заутреню заклещут. Дунь, чуешь нет, сватья уж из заречья пришла. Тыфу, бес ко-а засел там рогами, печку растопить не могу»...

«Не раскачешь вед, — обратилась Дарья к сватье. — Ночь-ноцки чево-кось по собраниям вертятся, танчами и всяко-то кружатся, елегатки какие-кос пошли, бабий отдел тоже в марширует».

«Дунь, кой но лешак не станешь, коров надо обрядить, сватья пришла и всяко-то».

«Поди с вечерки танчи в голове», — заметила сватья.

«Не раскачешь, так до вечера пролежит колодой, — улыбнулась Дарья, — а встанет — метла. Шибко деловита. Другая ведь начнет обряжаться — тут насорит, там нальет, а сама опачкается — в семи водах не отмоешь. Дунька моя делает чисто и скоро. Вся в тетку покойничу... Опять своеноса, как комунист».

«Дунь, ты тай опять спишь?»

«Парень лучше, — перевела Дарья, — ево у Чалиной Мишка-т слесарь, кузнец, птичку на лету бьет, а Колька-то опять гармонь возьмет, да как разведет — по

костям музыка пройдет и кровь в тебе вроде как разольется. Стоять на месте невозможно... Ноги так и шевелит сила под кадриль...»

«Правда нет ляггают,— спросила сватья,— быдто коммунисты сарай к колокольне норовят». «Збыль, сватыушка, збыль,— подтвердила Дарья.— Митька Оничев и бревна возит, а Лешка-т бы и за другой край держит, гот: отруби мою руку, чтоб я стал под дурацкую музыку,— и всяко-то Митьке наговорил, опосля трижды матушку свою, царство ей небесное, шибко крепко помянул... Отча, архереев, всех угодников в кучу смял и почал варзать. Коммуниста умом не остановишь: он как козел и препятствие... Из последствий своего опыта просвещение наверстыивает, а потому и отстает. Лбом берет... О намедни церкви под казарму надумал забрать. Прихожане отпор дали. Тоды летом в церковной ограде балаган для спехтайлей затеял... Гришка с Олькой матюкающч да возят бревна... срам, что, за денежки сооружаем... Степка рубит. В одну неделю такой ералаш в церковной ограде нагородили, поворота не стало... Прихожане опять в Москвурыкнули. Всероссийский исполком убрать велел, а топеря к колокольне сарай норовят...»

«Дунь, ты тай опеть, встань мор заутренню-ту клещут... Дело стоит, сватья пришла».

«Загородит коммунист все доступы к черкви...»

«Дунь, а? Другу пору серче вот возьмет... Ну ж пнешь, как бочку, пнешь и спомнишь, мол родную кровь в неприятность привела, как собаку и у серча счас отмякнет... Побранишься за утро-то. Ину пору с горяча и проклятие вывернешь».

«Дунька! Но лешак, ты тай опять сопиши? Другу пору думаешь: ну понежься, одна дочь, опосля кто зна, на каково беса нарвется... свадьба нонь для примера стала. Запишутся в совдепе, а на утро опять в совдеп: позвольте расписаться, недоразумение насчет характера выяснилось...»

«Так чево-кось все и вертимся, да лягаемся... Коммунист нас к просвещению волокет, а мы опять на свои степени... Так и шарапшимся, да еримся...»

Сватья неодобрительно мотнула головою: «Заручейский поп тай на другой же. Двое жен, значит. Мне, что теперя до дюжины можно иметь...» «Знать, мож-но,— ответила Дарья, у краснова архирем за два рублев шапочку приобрел. Ры-жий. Ты ево хоть к сатане гони, а он свое поведение согласует: поп, но твердиво правила в ем не должно быть. В коммунисты тоже носок-то свистит...»

«А у нас,— перебила сватья,— положение верх взяло, а после кто ково... Ванька на Мишку, Руф на Давыдка... Чево-кось щелт да галт, в стычку друг на дружку вооружацца... Яратца, машут руками. Чево-кось на счет законов Тырины все прохаживаютчча... Ванька-т матюкающч, Олька зубами скрипит... До боль-шово дела из-за недостатка ума может дойти. Потом Давыдка вывернет закон из псалтыри, да как накроет счас облегчит...»

«Дунь! Станешь-нет? Волоку вед... как за косу возьму да прысну...»

— Чево-но уж ждешь. Коммунист на прихожан прет. Те отбой, а он круче берет. За волок ездит мужик неделю с лошадью за семь рублев. Хлеба да сена сколько изведет. За то коммунист облегчение на мужика навалил и свистит... Не знаю, чево уж больше и скажешь. Девки одну косу стали носить, а то другая в комок волос собьет и давай беситься да носом фыркать... Чево только и выкро-ится. Сама после свадьбы поповой к причастию ходила. «К двоежену-то?» «С полгода мutilo... Не жирное, не сладкое не идет в горло и шабаш...»

«К Дуньке свата подсыпал, – шепнула Дарья сватье, – а та шибко закозырилась... Вот какое время стало, свысока улыбнулась Дарья: крестьянку поп сватат – первое лицо окол престола Господня, обряжается, а крестьянка с коровами возится и на попа губу надула!» «У нас то же, – подхватила Дарья, – такое развитие по заречью пошло – от Ероздино до Полавья к Качину полосой фурит... Оно не лягушки поднимается, а бродит. Намедни Коська Ромке в рыло заехал из-за поведения царя Давыда. Греха была куча... Коська библию раскрыл и тычет Ромке в нос законом, а Ромка отвергать стал, ну и пошло на словесность... Коська-т как загнет, а Ромка выше с дополнением и хлесь ему в зубы полным доводом... А кто поумней выводы делат и развитие кверху пучит. Кто удовольствие из эфово спехтахля получает. Выборов бороду гладит и свои заключения пережёвывает, а девкам, да молодкам – что, воля объявлена и завинчивай...»

Валентина Лимерова

Валентина Александровна Лимерова, литературовед, автор более 40 работ по коми литературоизданию, теории и методике коми литературного образования, в том числе книги «Авторская позиция в эпическом произведении», учебника «Енэжтас»; кандидат педагогических наук, заведующая отделом литературоведения Коми НЦ УрО РАН.

«Прошу снисхождения к нескладному, может быть, рассказу моему...»: о «Дневнике Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах»

Начальный этап приобщения коми к литературному творчеству в жанрах прозы принято относить к первой четверти XX столетия. Действительно, именно в этот период, благодаря деятельности К.Жакова, М.Лебедева, а также целой плеяды коми писателей, пришедших в литературу после 1917 года, произошел коренной поворот местной словесности, к тому времени еще мало структурированной и синкетичной, в сторону художественных форм. В то же время те глубинные изменения, которые претерпела национальная литература в начале прошлого столетия, не были столь внезапными, как может показаться на первый взгляд. Появление собственно художественных жанров коми прозы было подготовлено начинаниями десятков авторов, чье творчество сегодня находится вне поля зрения читателя и исследователя, а значит и вне литературной истории. Среди таких произведений, незаслуженно выпавших из современного литературного обихода, оказался и «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах».

Василий Николаевич Латкин родился в 1804 году, в семье усть-сысольского купца, бывшего несколько лет городским головой. Как и большинство детей того времени, Латкин не получил систематического образования. Обучение его было ограничено уроками отца и «хожалого учителя», дьячка, зато с двенадцатилетнего возраста мальчик имел возможность многому научиться из жизни, сопровождая своего отца в его деловых поездках по Архангельской и Вологодской губер-

ниям. Правда, в детстве Латкину посчастливилось брать уроки русского и французского языков у А.И.Ишимовой, но очень непродолжительное время, да и самой «учительнице» – в будущем известной писательнице – было тогда 14 лет. В 1825 году молодой Латкин получил от отца ведение всех дел, но спустя семь лет оставил торговлю и поступил на частную службу в Перми. В 1844–48 гг. он управлял золотыми приисками Бенардаки в Сибири, а с конца 1840-х гг. занимался организацией компании для торговли от Каспийского моря до Печоры. Возможно, дела этой компании не приняли того размаха, о котором мечталось ее создателю, но как бы то ни было, сам Василий Николаевич Латкин вошел в историю и как крупный промышленник – «энергичный пионер разработки богатств северного края», и как человек, оказавший «большие услуги географическому исследованию и описанию нашего отечества»¹.

Особо его занимала мысль об освоении почти нетронутого и так называемого в то время Печорского края. В 1841 г. им была предпринята первая попытка «обозреть пустынный край Печоры» и в месячный срок он проплыл по местным рекам из Чердыни до Усть-Сысольска. Через полгода поддержаный видными общественными деятелями Надеждиным, Полевым, Неволиным, графом Виельгорским и др., Латкин представил министру государственных имуществ гр. Киселеву проект об учреждении компании для развития промышленности на Северном Урале. Летом 1843 года В.Н.Латкин вновь отправился в путь, на этот раз для доказательства того, что Вычегда и Печора пригодны для прохождения больших судов, а устье Печоры свободно ото льдов большую часть года, и нет никаких препятствий для устройства тут гавани. Цель путешествия была достигнута и в своем отчете, опубликованном в трудах «Вольного экономического общества», В.Н.Латкин дал подробное описание речной системы и лесов российского северо-запада и выразил мнение, что Печорский край имеет богатые начала для развития промышленности и торговли. Сообщения о северо-западной части Архангельской губернии В.Н.Латкин представил также в Академию наук, им же были изданы «Карты устья Печоры».

Итак, цель двукратной поездки господина Латкина на Северный Урал была далека от литературного описания своих странствий. Исходя из коммерческого и естественно-научного интереса к Печорскому краю, можно было ожидать, что и его дневниковые записи будут иметь значение лишь сугубо практическое, расширяющее научные представления о российском севере; тем более, что напечатаны они были в «Записках Императорского Русского географического общества». Действительно, текст «Дневника» полон различными сведениями о географии и экономике северного края, описаниями промыслов, занятий и быта его обитателей, а отдельные его фрагменты больше напоминают изобилующие цифрами статистические отчеты о народонаселении, чем вольные дневниковые записи. Не претендовал на художественность, казалось бы, и сам автор. В предисловии к «Дневнику» он пишет: «Представляя его ныне на суд публики, прошу снисхождения к нескладному, может быть, рассказу моему, составленному из путевых заметок. На литературное его достоинство я не имею никакого притязания: развлеченный с самых ранних лет разными трудами и заботами, я не мог получить никакого образования, а все приобретенное мною в русском слове есть плод необходимости, которая была очевидна при занятии таким важным делом, как учреждение Пе-

чорской компании» (Здесь и далее цитаты приводятся с указанием номера дневника и страницы по изданию: «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах». – СПб., 1853). На самом деле, сетования путешественника по поводу своего скучного образования и неумелого пользования русским словом – не более чем известный литературе со временем средневековья и распространенный в зачинах путевых произведений риторический оборот, в данном случае выражавший претензии автора на знание приемов литературного творчества*.

Поэтому закономерно, что издание «Дневника...» не только не осталось незамеченным литературной общественностью, но и вызвало ряд положительных отзывов в периодике того времени. Первый отзыв о «Дневнике...» принадлежит его редактору А.В.Никитенко, сопроводившему издание следующими размышлениями: «Заметки и наблюдения автора о крае отдаленном, малоизвестном и пустынном весьма любопытны, они сливаются с его личными впечатлениями и разными путевыми обстоятельствами; отбросить их и переменить форму дневника на другую редакция записок считала неудобным; она полагала, что этим отнимет у них замечательные подробности, которые неприметно сливаются с личностью путешественника, и лишит их интереса, живости и наглядности. Читателям, без сомнения, приятнее будет в безыскусном рассказе следовать за самим путешественником, переносясь с ним от одной любопытной местности к другой и как бы обозревая их собственными глазами, чем читать предлагаемые им сведения в сухом статистическом перечне². Мнение редактора было поддержано известным педагогом, журналистом и писателем К.Д. Ушинским. В 8-м номере журнала «Современник» за 1953 год была помещена его статья, перешагнувшая, по признанию самого автора, пределы журнального разбора. Бросается в глаза обширное цитирование самих дневниковых записей, объясняемое «рецензентом» редкостью встречи с таким прекрасным и чистым языком, каким обладает «господин Латкин»: «Слог так хорош, чист и выразителен, что мы с наслаждением прочли этот ... дневник, ... и мы с удовольствием будем заменять, где возможно, словами автора наши собственные рассуждения»³. Дав общую оценку произведению В.Н.Латкина с точки зрения его научных и литературных достоинств, Ушинский заключает: «Дай бог нам побольше таких умных путешественников и так прекрасно рассказанных путешествий. Если бы такие «дневники» ... исчерпывали Россию во всех направ-

* Ср. «Не дерзаю же излишним мне приличествующим плачевным воплем наполнять ушеса ваша, ласковый читателю, но вящие прежде воспоминаемой всемирной радости, юже Спаситель мира подал желанию Вашему, вожделех бытии вестник усердный, ему же душеполезной сией радости и всякого благополучия желатель; молю же милостиво очес твоих на сия малейшия труды обращения, иже аще и не красны, ниже преизбранна, но обычному твоему благоутробию да будет приятна. За сия же воздаяния не иного молю, яко толиким воздыханиям моим едино малейшее свое присовокупить...». (Краткое описание о народе Остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. - СПб, 1884. – С.11)

«Честь имею представить публике дорожный свой дневник, начатый печатанием еще в 1840 году и оконченный только теперь, по причине моих недосугов и др. обстоятельств. Я не исправлял, не украшал, не распространял его: как что было замечено в записной книжке, на почлегах, в дилижансах, в письмах к родным и приятелям, так и осталось. Мне не хотелось изглаживать следов живого впечатления от виденных предметов, следов, более всего, кажется, занимательных для читателя». (Погодин М.П. «Год в чужих краях. Дорожный дневник». – М., 1844. – С.1)

лениях, то география ее могла бы в живой, увлекательной картине передать нам характеристический портрет той страны, которую Провидение назначило поприщем деятельности и развития русскому народу»⁴. Заслуживает внимания и такой факт. В 1858 году в Москве вышло первое издание из задуманной серии книг для детей о России и ее народах. Называлось оно «Очерки Печорского края» и имело в своем основании латкинский дневник. Причем, текст дневника в «Очерках...» был представлен не только в пересказе, т.е. в адаптированном для детского чтения виде, сколько в оригинальных фрагментах. Издатели объяснили это тем, что «интересная и малоисследованная часть России» обрисована «неутомимым странником, почтенным Василием Николаевичем Латкиным» «так красноречиво и живо», что лучше «говорить его словами»⁵.

Как видим, оценочные суждения современников писателя относительно литературных достоинств «дневника» касаются, в основном, его языкового исполнения. Если же согласиться с тем, что латкинская книга является не только удачным образцом «учено-художественной» (термин В.Г.Белинского) разновидности жанра путешествия, имевшего в этот период необычайную популярность у русского читателя, но и часть становящейся коми литературной традиции, оценка произведения только с точки зрения авторского стиля и мастерства становится недостаточной. В аспекте истории коми литературы актуальным становится осмысление того, какой жизненный материал становился предметом художественного осмысливания первых писателей и каковы были принципы подачи этого материала.

С позиции этих задач и попытаемся взглянуть на «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» – фактически первое значительное произведение из тех, что были созданы коми в XIX столетии. Оговорим, что в качестве литературного материала нам будет служить не весь дневник, т.е. описание двух путешествий в Печорский край, а только описание первого из них, совершенного в 1840 г. и вполне показательного в отношении свойств всего произведения.

Уточним, что сферой изображения в главах о первом путешествии, как и во всем «Дневнике...», является не исключительно Печорский край, т.е. земли, прилегающие к Печоре и ее притокам. Прежде чем достигнуть печорских земель, путешественник пересек огромные пространства северо-запада России и из разных, в том числе практических соображений, не мог миновать описания этой части своего путешествия. По замыслу автора, явно мыслящего среди адресатов своего произведения делового человека, «Дневник...» должен был знакомить своего читателя не только с природными богатствами Печорского края, но и с тем, какими путями их достичь для промышленного «оживления этой малоизвестной страны».

Первую попытку пробиться в заветный край Печоры, «где есть богатые начала для промышленности», где «десятки миллионов десятин лесов растут и тлеют, в ожидании, пока просвещение, об руку с предприимчивой промышленностью, захочет разработать богатства этой пустыни» (Латкин, I, 31), Латкин предпринимает из Перми. Там 23 мая 1840 г. и сделана Латкиным первая дневниковая запись, в которой он сообщает о намерении – «доплыть до Устьев Печоры, потом достигнуть вершин Усы и пробраться до Соби, притока в Обь...». Однако исполь-

нить свое давищние желание путешественнику не было суждено. Спустившись по системе вод Колвы до Печорского волока (перешейка между реками Богулка и Волосяница), он пересекает его «сухим путем» и уже 29 июня достигает бассейна Печоры. 1 июля, будучи в Троицком Погосте, Латкин получает письмо, о котором он сообщает лишь то, что оно расстроило его планы, и отправляется в обратный путь. Маршрут его на этот раз составляют пеший переход от Троицка до первой Вычегодской деревни – Вэлдына, и от него попеременно то пешеходными путями, то по Вычегде – до Усть-Сысольска. Записью о прибытии 22 июля в Усть-Сысольск, а затем некоторыми уточняющими сведениями о проделанном пути и завершает путешественник свой первый дневник.

Позже, подытоживая результаты своего первого путешествия к Печоре, Латкин напишет: «Я убедился в возможности открыть торговлю печорским лесом, перевозя его на Вычегду». Взгляд на окружающий мир с точки зрения предпримчивого человека чувствуется и в подневных записях. Так, выехав из Перми и направляясь в Чердынь, он сворачивает с пути, чтобы осмотреть дедюхинский казенный солеваренный завод. Понятно, что путешественника занимают не прибрежные пейзажи, а, говоря современным языком, рентабельность солеваренного промысла. Вместе с автором читатель узнает, что на соляных заводах соли вываривается «до 7 мил.пуд», что «в Дедюхине рассолы чрезвычайно добротны», что некоторые из них «по солометру до 27%» (Латкин, I, 6). Автор на этот раз не делится с главной целью своей «экскурсии» на завод, но, как бы между прочим, все же отмечает: дров «потребляется в казенном и частном промыслах до 160 сажен». Чуть дальше, по пути из Соликамска в Чердынь он рассказывает о «положении здешних дровопоставщиков» и в характеристике экономического положения Чердынского края вновь возвращается к этому вопросу. По мере накопления путевых наблюдений становится ясно, что леса и связанные с ними производства составляют главный «купеческий» интерес путешественника. Это вовсе не значит, что он лишает своего читателя удовольствия рассмотреть вместе с ним природные и рукотворные достопримечательности страны.

Особо притягательными для него оказываются приметы исторического прошлого: из нескольких церквей Чердыни взгляд его выделяет каменную часовню, построенную на отдельном холме «над телами 85 граждан, убитых в сражении с Нагайскими Татарами, сделавшими набег на здешний край в 7055 году. На берегу, близ города, еще заметны следы земляных укреплений» (Латкин, I, 7); перечисляя географические названия, он также пытается заглянуть в прошлое этих мест: «Здесь названия рек и селений напоминают о Зырянах: Выльгорт, Изкар, Нырыб, Колва, Низьва – все это зырянские названия; теперь здесь живут русские, или, может быть, обрусевшие Зыряне. Село Изкар, вероятно, было прежде городом, как можно заключить по остаткам вала, вне селения, и по самому названию села. Изкар по-зырянски значит каменный город» (Латкин, I, 9). Затем исторический мотив поддерживается топонимическим преданием о горе Дивъя: «там когда-то жила дева-богатырь; она сидилась на вершину скалы и пряла, а потому скала и носит название Дивьей» (Латкин, I, 10), а прибыв в Нырыб, он осматривает каменную часовню, «построенную над ямою, где содержался невинный страдалец – юноша Михаил Никитич Романов», тело которого после смерти обрело нетленность.

По мере удаления от Чердына «следы человеческой деятельности» заметно убывают. Из сферы описания выпадают исторические рефлексии автора, и единственной областью человеческой деятельности, достойной изображения, оказываются отдельные занятия жителей прибрежных селений. Это тем более бросается в глаза, что в предыдущей части путешествия дневниковой стремится дать целый портрет Чердынского уезда, в котором современное и деловое соседствуют с прошлым и историческим. Начиная с того момента, как путешественник и его спутники «воншили в реку Вишерку» (запись 18 июня) и до того, как они достигли «цели своего странствования – русла Печоры» (запись 29 июня), дневниковое пространство заполняется, главным образом, подробностями самого пути: характеристикой рек с точки зрения их судоходности, описанием множества дорожных затруднений, сведениями о пеших переходах и т.д. Лишь изредка, когда из-за мелководья таежных рек приходится продолжать движение пешком, путешественнику бросаются в глаза «чудные боры»: «Мы сами шли пешком по чудесному бору. Везде, как ковер, разостлан белый мох. В сумерках ночи, в этих лесах, так редко посещаемых людьми, царствовала совершенная тишина. Сосны, как великаны, высоко раскинули свои ветви. Изредка испуганные тетерева слетали с уединенных ночлегов своих и быстро скрывались вдали» (Латкин, I, 16).

Вообще, этот участок пути от устья Вишерки до истока Печоры кажется безлюдным или малозаселенным. «Отсюда начинается уже пустыня» (Латкин, I, 11), – отмечает автор. Краткие известия о хозяйственной деятельности местного населения («Жители занимаются рыбною ловлею в Вишерке, иногда на Чусовском Озере; вообще они бедны; хлебопашество ничтожно; для скотоводства было бы приволье, но им занимаются мало» – Латкин, I, 11) не снимают этого впечатления, так же как и рассказ о знакомстве со старым рыбаком Филиппом. Старик и сам по себе привлекателен для Латкина как «настоящий житель лесов» (Латкин, I, 12). Но в контексте дневниковой записи общение с Филиппом отступает на второй план, встреча с ним становится толчком, отправной точкой, мотивом для включения информации о занятиях местных жителей рыбной ловлей, переводя текст в деловую плоскость: «Филипп платил в казну оброка 20 руб. сер. За право ловить рыбу от устья озера по реке Вишерке на 6 чемкосов. В прошлую зиму была ему большая удача: он наловил до 1000 пуд язей, щук, сигов и проч., но это не всегда случается»; «Озеро неглубоко, ...тинисто, а потому обильно рыбью. На нем содержит теперь рыбную ловлю какой-то пермяк, за 120 руб. асс. У него 12 работников, неводы длиною до 12 саж. Рыболовы живут на западном берегу. Налавливаемую рыбу солят, а часть доставляют в Пермь будто бы живою. Большею частью попадаются язи, щуки, судаки, а иногда и лини...» и т.д. (Латкин, I, 12,13). Кроме того, встреча с Филиппом происходит не в деревне, не в оседлом пространстве, а в рыбакской хижине старика. Этот момент крайне важен для концептирования преодолеваемого путешественником пространства. В описаниях Латкина территорию от Вишерки до Печоры неосвоенной не назовешь: по ней перевозят грузы, там ведется лов рыбы, сбор кедровых шишек, – но оживляются эти места не жителями деревень, текст дневника вообще не содержит упоминаний о них, а рыбаками, судовщиками, проводниками, перевозчиками грузов, т.е. людьми, находящимися в пути. Это впечатление поддерживается и сообщениями о пристанях: Пуповой, Остожье, Свинка, вместо селений, маркирующих простран-

ство. Таким образом, в течение довольно длительного временного промежутка единственным предметом вояжных наблюдений становится сам путь.

Кардинальных изменений в заполнении пространства не происходит и в последующих записях. Первое село на Печоре, в котором путники делают остановку, – Усть-Волосяница. Вопреки ожиданиям читателя, автор дает о ней крайне лаконичную информацию: «Мы теперь в 4 верстах от устья Волосяницы, на правом берегу Печоры, в деревне Усть-Волосянице, которая состоит из пяти дворов. Мы отдохнули, выпарились в бане и с полдня поплыли дальше». О следующих деревнях сделаны такие же краткие, вплетенные в описание самого пути, записи: «Проплыли мимо деревни Пожег, находящейся на левом берегу Печоры. Жителей ее зовут Момылями; не от зырянского ли слова омыль (худой, дрянной) произошло это название? В деревне до шести домов» (Латкин, 18), «В деревне Пороги всего два дома» (Латкин, I, 19). Как видим, эти отрывки лишены быто- и нравоописательности, составляющих характерную черту путевых жанров того времени. Кажется, что дневниковоед намеренно усиливает впечатление пустынности и без того немноголюдного края. «Везде пустыня, берега покрыты лесами; нигде нет и следа человеческой деятельности», – заключает он. Таким образом, несмотря на присутствие человеческого жилья, характер пространства не меняется.

В чем же дело, почему в отличие от случайно встреченного близ Чусовского озера рыбака Филиппа, никто из жителей прибрежных деревень ни разу не удостаивается внимания путешественника? Почему путешественник, замечая деревни, не замечает «следов человеческой деятельности»? Вернемся к Чусовскому озеру, которое и служит своеобразной границей между пространством, имеющим «следы человеческой деятельности» и «пустыней», и рассмотрим внимательнее, какие сведения о нем Латкин считает нужным включить в свой дневник. В первую очередь, читатель узнает о том, какая рыба водится в озере, затем – его географические особенности, наконец – какая промысловая деятельность организована на нем и как. Все это как раз и входит в обычный перечень направлений, по которым строится «ученое» описание местности в путешествии. И все же именно здесь, на границе перехода к «пустынным местам», начинает ясно пропасть авторская «тенденциозность» в освещении материала, определившая затем, на уровне целого произведения, жанровую специфику последнего. В путешествии с научными целями для автора актуальнее позиция хроникера, человека, объективно, без отбора воссоздающего жизненные факты. Латкин же по отношению к явлениям действительности заметно избирателен. Из природы, полезной и бесполезной, в записи Латкина попадает, в основном, только ее полезная, вовлеченная в хозяйственную деятельность человека часть. Обратим внимание, информируя читателя о «фауне» Чусовского озера, он перечисляет лишь промысловых рыб, а не всех, как следовало бы сделать в научном описании.

Что касается других сфер жизни местного населения, и они увидены, как выразился Ушинский, «глазами человека, желающего открыть в нем (Печорском kraе – В.Л.) новое поприще для русской торговли» (Ушинский, 35). Ничего удивительного, что из представителей местного населения в качестве «героев» дневника он выбирает людей предпримчивых, а из селений привлекательными для описания оказываются те, в которых есть хоть какие-то признаки промышлен-

ной, торговой деятельности. Таким образом, главным свойством «пустыни», пустынной местности выступает не ее малозаселенность, а отсутствие торжественно-промышленной жизни.

Любопытно, что на пути следования по «пустыне» не возникает и исторических ретроспекций, по крайней мере, подневные записи, сделанные на не оживленных торговлей и промышленностью территориях, их не содержат. И наоборот, местность, куда ступала нога торгового человека, тут же становится обладательницей истории. Показателен в этом отношении отрывок из подневной записи, сделанной в Троицком Погосте: «Вчера... проплыли мимо устья двух речек, называемых Разбойничими. Есть предание, что в близи их жили разбойники, и что, наконец, две шайки, сойдясь, истребили одна другую. Полагают, что на берегах этих рек скончаны клады... Если эти предания достоверны, то, основываясь на них, должно полагать, что здесь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойников не заведутся в дикой, безлюдной пустыне; им нечего там делать» (Латкин, I, 20). И далее путешественник излагает свои соображения относительно вероятности торговых путей, проходивших здесь и соединявших Зауральскую Собь и Великий Новгород, приводит предание, согласно которому «здесь лежала древняя торговая дорога из Азии к северным народам Европы» и делает вывод: «этот край тогда не был пустыней» (Латкин, I, 21). Путешественник так увлекается образом этого пути «из цветущих долин Кашмира, Багдада и Дамаска, через древний Самарканд и холодную Биармию, к устьям Двины и Печоры», что напрочь забывает о самом Троицком Погосте, оставив только запись о тамошнем священнике, ставшем на время их спутником.

Ко времени пребывания в Троицком приурочено еще одно отступление от основного сюжета. От Троицкого Латкин решает вернуться к Усть-Сысольску, пробившись к водам Вычегды через Печорский Волок. Местные жители уверяют его, что «будет трудно перейти его, что болота наводнились от дождей, что и привыкшие к пешеходству, часто изнемогают» (Латкин, I, 22). Однако путешественник не отступает от своего решения, решив повторить путь, пройденный им когда-то в юности из любознательности. Рассказ об этом давнем путешествии имеет значительные стилевые различия с основным текстом дневника и приобретает очертания вставной новеллы, в котором художественный тип изображения является преобладающим. В первую очередь, это сказывается на активизации субъективного начала. «Трудно было проехать нам до села Устьколома 170 verst; в санях, в телегах, иногда верхом, тащились мы порой по непроходимо-грязной дороге, а иногда по замерзлым колотням. Мы так спешили, что часто даже и ночью тряслись без седла на зырянских лошадках; зато час отдыха был невыразимо отраден.... Опасно было сидеть на неподкованных лошадях: они скользили, шатались; того и гляди, что вместе с лошадью упадешь на твердую кору льда, а из веревчатых стремян нескоро выпутаешься». Что передает этот фрагмент: объективную реальность или эмоциональное состояние юноши, впервые оказавшегося в такой ситуации? Очевидно, то и другое. Но путевое пространство, строго говоря, не изображено, а дано в личном восприятии рассказчика, поэтому фрагмент и имеет повышенную концентрацию эмоционально окрашенных слов: «трудно», «тащились», «тряслись», «непроходимо-грязной», «невыразимо отраден», «шатались» и др.

Дальше меняется ландшафт дороги: юный путешественник с единственным спутником отправляется по Пожегодскому волоку, – но определяющим моментом при построении текста остается эмоциональное состояние юноши. При этом информативный пласт содержания, т.е. особенности перехода по тайге от одной охотничьей избушки до другой, также важен, но выражен он через эмоциональные реакции рассказчика. Отдаленность от людей, от человеческого жилья так остро переживается юношой, что кажется, будто первый переход совершается им с закрытыми глазами. Ничего из того, что могло окружать юношу в пути, не попадает в поле его зрения, а затем – в дневник. «День был сумрачный», – сообщает Латкин, словно настраивая читателя на дальнейший рассказ о путешествии, и тут же добавляет: «Мы, вдвоем с моим товарищем, дотащились до зимовки, или зимовой избушки, и расположились в ней ночевать». Предельно сокращается время рассказывания и, как следствие – предельно сокращаются субъективные, литературные пространство и время пути. Остановка на ночлег тоже непродолжительна; расставшись с надеждой, что придет кто-нибудь из звероловов провести (с ними) длинную осеннюю ночь», юноша и его спутник «в темень, по неровной лесной дороге, где на каждом шагу коренья, пни, ямы» (Латкин, I, 23), делают еще один переход и, наконец, оказываются среди людей. «Но вот достиг до нас запах дыма; потом мелькнул огонек; слава Богу, там есть люди, подумал я, и мы пошли скорее. Вот мы и перед зимовой избой; мигом долой котомки и я вошел, согнувшись, в низкую дверь. Шесть человек звероловов сидели пред огнем и занимались обыкновенной работой: после удачного промысла сдирали шкурки с белок и весело разговаривали. До десятка собак лакомились мясом добычи и, уничтожив его, облизывались, следили глазами за движениями рук своих хозяев и нетерпеливо ждали новой подачи. В печи, сбитой из глины – а это было уже большое удобство – варился ужин; огонь ярко пылал, обхватив смолистые, сосновые дрова; дым чуть ли не до полу носился серым облаком вплоть над головами собеседников» (Латкин, I, 24). Как и предыдущий отрывок, этот участок текста явно имеет литературную природу. Быстрая смена объектов действительности (коренья, пни, ямы, запах дыма, огонек, люди), инверсионный строй предложений с глагольной препозицией (достиг запах дыма, мелькнул огонек, есть люди, подумал я) создают впечатление нетерпеливого ожидания, желания как можно скорее оказаться за пределами тревожного, таинственного, безлюдного мира тайги. Эмоциональное напряжение достигает кульмиационной точки («мигом долой котомки и я вошел») и рассказчик попадает в освещенное, обжитое человеческим присутствием пространство. В восприятии юноши оно даже празднично. Скученность людей и их четвероногих помощников, веселый разговор, готовящийся ужин, ярко пылающий огонь – за счет этих деталей пространство избушки кажется ярко освещенным и наполненным звуками.

Проведя ночь среди охотников, путешественники вновь отправляются в путь, но безответный, суеверный страх перед лесом уже не посещает юношу, как бы прошедшего посвятительный обряд в результате своего первого перехода по тайге. Этот момент заслуживает особого внимания, т.к. непосредственно связан с концепцией национального героя в коми литературе, суть которой через полтора столетия очень точно и просто окажется выраженной в словах поэта Д.Фролова: «Я свой в лесу». Заметное место в произведениях коми литературы занимает и

сам мотив испытания молодого человека тайгой, в результате которого и происходит взаимное о-свой-ение человека и леса: только ставшему «своим в лесу» сопутствует удача на охоте, только «свой в лесу» становится полноправным членом человеческого общества. Ср.: «Алой лента» (Алая лента) и «Биа нюор» (Огненное болото) В.Юхнина, «Шурклы шыд» (Шуркин бульон) И.Торопова и др.* Воспоминания Латкина-путешественника о своем давнем посещении коми тайги как раз и воспроизводят те моменты, когда лес из разряда чужого пространства переходит для юноши в разряд пространства своего, не страшного, понятного, а сам он принимается в круг охотников. Не случайна резкая смена настроения юноши; не случайно, отправившись утром в путь, он словно попадает на охоту, заслонившую собой другие подробности пути: «Еще было темно, когда мы ...шли по дороге к Пожегу. Две собаки пустились в чащу леса отыскивать добычу. Удивительное свойство зырянских собак: они издали попадают по запаху на незаметный след белки – и тогда уже пропала она, бедняжка; как по знакомой тропе, бежит ее неутомимый преследователь и останавливается только у того дерева, в ветвях которого скрылась беглянка; нетерпеливый лай привлекает туда зверолова; он старается разглядеть маленькое животное; привычный глаз скоро открывает место ее убежища, и как бы высоко она ни была, но метко пущенная из винтовки (по-зырянски – пищали) пуля редко минует свою жертву; бывает однако же, что белка, завидев охотника, пускается в дальнейшее бегство, с дерева на дерево, делает удивительные прыжки с одного на другое, сажень по десяти; ей нужно, чтобы хоть бы одна тоненькая веточка попала в лапку – и она уже в одно мгновение на вершине дерева; собака преследует ее, охотник настигает, и бедняжка все-таки не избегает пули своего проворного и неутомимого врага» (Латкин, I, 25–26).

Сравнивая описания этого дня пути, фактически полностью заполненного сценой охоты, с предыдущим путешествием по лесу, можно заметить, что текст дневника из плана выражения внутреннего состояния юноши снова переходит в план изображения внешнего мира. Как отмечалось выше, реалии первого дня пути воспроизводят не столько особенности объективного мира, сколько изолированность от людей, остро переживаемую юношней. Занятый собой, своими переживаниями, рассказчик не то чтобы совсем лишен зрения, но явно «близорук», т.к. кругозор его ограничивается лишь ближним планом. В этой связи, вечер, проведенный в лесу с охотниками, приобретает метафорический смысл: вместе с дверью в охотничью избушку как будто открываются глаза юноши, он становится обладателем главного для охотника качества – способности видеть окружающее. И тут же пустое, неживое пространство Пожегодского волока оказывается вполне заполненным и оживленным. На уровне организации произведения это впечатление достигается за счет подвижности зрительного поля: в него поочередно попадают то охотник, то белка, а вместе с ними словно перемещаются и симпатии зрителя-«болельщика», наблюдающего за поединком зверя и зверолова. Кажется, что и сам наблюдатель находится в стремительном движении, чтобы поспеть за «героями». Обратим внимание: вся сцена погони помещена в одно предложение,

* Кстати, и мотив вхождения в избу как приход на праздник тоже достаточно устойчив и продуктивен в коми литературе: ср. «Коми бал», «Видёд, эстён жырыс» (Смотри, вот комната) И.Куратова, отдельные эпизоды романа «Алая лента» В.Юхнина и др.

чем и передается непрерывность, безостановочность действия. Не менее находчив писатель в создании эффекта «эстафетности» действия: составные части предложения не только разносубъектны, но и интонационно равновелики, поэтому смена действующих лиц имеет свою ритмичность. Итак, рассмотренные фрагменты строятся на целом наборе литературных средств и вполне свидетельствуют о способности автора к художественной рефлексии. Если же учесть художественный опыт, приобретенный с тех пор коми литературой, можно утверждать, что В.Н.Латкин стоит у истоков формирования ее национального содержания, т.к. из всего круга жизненных реалий он одним из первых выделил наиболее отзывчивую для поэтизирования сферу деятельности коми человека – охоту. Из всего путешествия именно первый поход по лесу, встреча со звероловами, сцена погони за зверем в наибольшей степени отвечают требованиям художественного изображения и литературного сюжета.

Кроме охоты, вниманием путешественника удостаивается еще одно занятие вычегодских коми – сбор кедровых шишек, но рассказ о нем краток и признаков художественного повествования не содержит. Вообще, завершающая часть дневника снова напоминает скорее дорожный журнал, чем дневник, т.к. в подневных записях, сделанных по пути от Троицка до Вэльдына, а затем – до Усть-Сысольска, описание и повествование как композиционно-содержательные единицы текста уступают место следующим крайне лаконичным сообщениям: «В Вэльдыне я нанял лодку. До Пожега плыли по Вычегде; здесь ночевали и сейчас едем верхом в Устькулом через Пожегодский Волок около 50, а по Вычегде был бы круг до 180 верст», «Не сходя с лошади полных 14 часов, мы, усталые донельзя, приехали в Устькулом вечером 20 июля, с большим трудом перебравшись через грязи и движущиеся мосты волока. Часа через два, я в моей лодке поплыл по Вычегде», «Мы плыли хорошо и благополучно. Вчера уже было довольно темно, когда мы с Вычегды вошли в пролив, соединяющий ее с Сысолою, около 5 верст выше города; его называют Потеряем. Скоро завидели церкви Устьсыольска и около полуночи пристали к берегу» (Латкин, I, 29). Вероятно, эта часть пути была достаточно хорошо знакома Латкину, и он не чувствовал необходимости вносить в свой дневник подробности относительно своего маршрута и топографии местности. Что касается занятий жителей вычегодских деревень, самое главное из них – лесование – к этому моменту уже становилось предметом рассказа, и автор более не возвращается к нему. По всей вероятности, при подготовке дневника к печати Латкин и сам почувствовал неполноту последних подневных записей и посчитал неизлишним объяснить недостаток в дорожных деталях тем, что «обстоятельства отвлекли (его) от дальнейшего обозрения края» и он «не достиг цели ... странствования» (Латкин, I, 29). Последние замечания дневниковеда крайне существенны: именно они придают первому дневнику композиционную и содержательную завершенность и подтверждают, что кроме научно-делового описания Печорского края, дневник имел и эстетическое задание, вполне осознавшееся автором.

Подведем итоги:

«Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» имеет дуальную жанровую природу. С одной стороны, текст дневника направлен на фиксацию достоверных сведений о природе, географии,

населении Печорского края и прилежащих к нему земель. С другой стороны, дневникoved не занимает позиции нейтрально-объективного наблюдателя, свойственной научно-деловой разновидности путешествия, т.к. его любознательность распространяется лишь на определенные стороны природной и социально-экономической действительности. В частности, в первом дневнике ясно ощутим повышенный практический интерес автора к лесным богатствам края. На наш взгляд, точка зрения человека, питающего надежды оживить родной край торгово-промышленной деятельностью, и служит в «Дневнике...» эквивалентом того личностного, субъективного начала, которое является условием всякой художественности. Именно ею вызвана избирательность дневникovedа по отношению к жизненному материалу, обязательная в художественном произведении, ею же определяется его стремление эмоционально воздействовать на читателей, среди которых путешественнику мыслятся и возможные разработчики «вековых лесов».

«Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» обращен к традиции русского литературного путешествия, но одновременно может рассматриваться и как этапный момент возникновения литературной традиции у коми. Его появление приходится на период оформления в отечественной литературе натуральной школы. Известно, что ее поэтика «складывалась под влиянием задачи как можно более полного изучения и описания действительности, среды»⁶. Требование «натуральности», предельной жизненной достоверности изображения, тяготение к неприкрашенной «прозе» жизни с наибольшей силой выразились в жанрах документально-беллетристических, в том числе путешествий. Именно этот жанр, в котором почвой для художественности являлось непосредственное отражение подлинной действительности, оказался наиболее адекватной, наиболее посильной формой литературного творчества для начинающих коми писателей, вступивших в литературу в середине XIX в.

Литература

1. Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. С. 88.
2. Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1853. Кн.7. С.1.
3. Современник. 1853. № 8. С. 33.
4. Там же. С. 62.
5. Очерки Печорского края. Чтение для взрослых детей. Издание К.Солдатенкова и Н.Щепкина. М., 1858. С. 3.
6. «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М.: Наследие, 1997. С. 7.

Василий Латкин

«Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах»*

Пермь. Мая 23-го 1840 г.

Наконец я решился ехать на север России, исполняя давнишнее желание мое – обозреть пустынnyй край Печоры. Хорошо, если бы я успел доплыть до устьев Печоры, потом достигнуть вершин Усы и пробраться до Соби, притока в Обь. Нелишним было бы также подняться по некоторым истокам Печоры, более других известным обилием лиственничных и сосновых лесов, растущих по их берегам. Путь мой труден; но еще труднее исполнение предположений моих. Нужно немало терпения, чтоб достигнуть цели. И достигну ли ее? Но надежда подкрепляет меня в моем предприятии, когда подумаю, что обширное пространство, орошающее Печорою и её притоками, изобилует вековыми лесами; что эти реки, богатые рыбью, тундры, наполненные многочисленными стадами оленей, Ледовитый Океан со множеством животных, минералы Северного Урала еще вовсе не исследованы и что не даром ходит молва о возможности соединения Оби с Печорой. Может быть, и я успею что-нибудь сделать.

Река Ильдыз.— Предания о разбойниках.— Торговля в минувшем и пути через этот край.— Троицкий Погост.— Поездка на Брусяную Гору.— Поездка в Печорский Край в 1825 году.— Пожегодской Волок.— Ночлег в зимовой избе.— Звероловы.— Промысел за белкой.— Переход пешком через Печорский Волок.— Путь с Вычегды на Печору через Переволок между мыловами.

Утром 1 июля мы плыли мимо деревни Усть-Ильдыз, состоящий из 13 домов, расположенных на самом устье реки Ильдыз, на правом высоком её берегу. Ильдыз вливается в Печору с правой стороны; она едва ли здесь меньше этой реки; течение её от самого Урала полагают больше 300 верст; в нее вливается 14 притоков; по её берегам много лиственничных, сосновых и кедровых лесов. Говорят, что по этой реке есть и золотоносные пески. Печора, по соединении с Ильдзем, принимает наименование Большой Печоры; выше зовут её Малою. Вчера, в 11 часов вечера, проплыли мимо устья двух речек, с обеих сторон впадающих в Печору; они называются Разбойничьями. Есть предание, что вблизи их жили разбойники, и что, наконец, две шайки, сойдясь, истребили одна другую. Полагают, что на берегах этих рек скончены клады; по крайней мере есть охотники их отыскивать. Удивительно, что в таких пустынях, при такой ничтожной промыш-

* «Дневник...» публикуется в сокращении.

лленности, существовали шайки злодеев и отнимали плоды тяжелых трудов и дальнего странствия. Если эти предания достоверны, то, основываясь на них, должно полагать, что здесь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойников не заведутся в дикой, безлюдной пустыне; им нечего там делать. Вероятно, в старину, во времена участия Великого Новгорода в торговле ганзейской, по Сухоне, Вычегде и через переволок между Мыльвами, шли на Печору и в Сибирь европейские товары и по этому же пути вывозились произведения Зауралья. Таким же образом через Собь, Усу, по Печоре, Ижме и Ухте, через переволок на Вымь тянулся торговый путь по Вычегде и Сухоне к Великому Новгороду. Есть еще предание о древнем торговом пути от Каспийского моря к Северному океану; он будто бы тянулся по Волге и Каме, через город Чердын, на реку Вычегду, и оттуда к устью Двины и даже Печоры; этим путем будто бы производили торговлю персидские и индийские купцы со Швецией и Норвегией, или, говоря другими словами, произведения Азии этим путем доставлялись в Европу. Мне сказывали, впрочем, что с Камы к верховью реки Локчима, впадающей в Вычегду, и где-то в другом месте, тоже к истоку Вычегды, есть следы тележной дороги; но на ней выросли уже вековые деревья и, может быть, не первое поколение лесов покрывает этот древний торговый путь. Полагают, что Европейцы получали остинские товары в древности через реки Каму, Двину и Печору. Если в самом деле здесь лежала древняя торговая дорога из Азии к северным народам Европы, то этот край тогда не был пустыней; может быть, грозные нашествия Монголов уничтожили мену произведений юга на произведения севера, а потому и пути из цветущих долин Кашмира, Багдада и Дамаска, через древний Самарканд и холодную Биармию, к устьям Двины и Печоры, заросли вековыми деревьями; а о тогдашнем плавании по морям севера не осталось даже никаких преданий.

Вечером 1 июля мы приплыли в Мыдвинский или Троицкий Погост*, где я получил письма, расстроившие мои планы: я должен был воротиться с Печоры. Но прежде все-таки я хотел побывать на Брусяной Горе.

Мы пустились вниз по Печоре. В числе спутников наших находился священник Троицкого Погоста; изредка мы заезжали в деревни.

Из деревни Усть-Сопласа мы пошли пешком к Брусяно-точильной Горе; путь наш лежал по прекрасному бору. Переночевав у подошвы горы, мы на другой день поднялись на гору. Время было ясное, и перед нами открылась великолепная картина: громадною грядою тянулся, от севера к югу, хребет Урала, а над ним возвышалась темная масса горы Сабли. Слабо шевелил ветер вершинами лиственниц; быстро и шумно, как горный поток, стремилась между скал река Соплас. Внизу, под горой, по берегу реки, разбросаны хижины – временные жилища рабочих**.

9 июля я собрался в обратный путь.

Печора и все впадающие в нее реки разлились, как весной; вода и теперь прибывает сильно; вероятно, были большие дожди в вершинах рек; поверхность Печоры покрыта пеной.

Мы прошли мимо реки Вэл, впадающей с левой стороны в Печору; по берегам

* От устья Волсяницы до Якши полагают 12; от Якши до устья Ильдза 20; от Ильдза до Троицкого Погоста 8 чомкостов.

** О промышленности брусяно-точильной я расскажу дальше.

Вэла, как все уверяют, чрезвычайно много лиственничных лесов. Теперь мы в виду деревни Скаляпа; она на правом берегу реки; в ней есть старая часовня, воздвигнутая в честь Чудотворца Николая.

14 июля.

Ми прибыли обратно в Троицкий Погост, на устье Мылвы.

Отсюда собираюсь идти пешком через Печорский Волок; меня уверяют, что будет трудно перейти его: что болота наводнились от дождей; что и привыкшие к пешеходству часто изнемогают; но я решился, и тем охотнее, что с пустынями Печорского Волока я знаком с 1825 года. Любопытство привлекло меня тогда в этот край. Вот несколько слов о тогдашнем моем путешествии.

Октябрь 1825 года, со своими ненастями и холодом, уже приближался, когда я начал просить отца моего отпустить меня на Печору. Непродолжительны были мои сборы. Трудно было проехать нам до села Устькулома 170 верст; в санях, в телегах, а иногда верхом, тащились мы порой по непроходимо-грязной дороге, а иногда по замерзлым колотням. Мы так спешили, что часто даже и ночью тряслись без седла на зырянских лошадках; но зато час отдыха был невыразимо отраден.

Однажды, после трудной верховой езды, одну станцию нас везли на санях; раза три опрокидывались сани, раза два поднимали меня с дороги, я ничего не слыхал; товарищ мой и ямщик удивлялись богатырскому сну молодого путника. Крепко замерзло, когда мы поехали верхом из Устькулома, Пожегодским волоком; опасно было сидеть на неподкованных лошадках: они скользили, таращились; того и гляди, что вместе с лошадью упадешь на твердую кору льда, а из веревчатых стремян нескоро выпутаешься. Так мы проехали около 15 верст, и наконец решились взять котомки, отослать обратно лошадей с нашим ямщиком и идти пешком. День был сумрачный; мы, вдвоем с моим товарищем, дотащились до зимовки, или зимовой избушки*, расположились в ней ночевать, в надежде, что придет кто-нибудь из звероловов провести с нами длинную осеннюю ночь. В наших лесах нетрудно и нестрелявши иметь обед из дичи. Мы нашли близ зимовья пестерь** с рябчиками, взяли две пары, положили за них деньги; нашли также котел; приготовили себе славный обед и с усталости сътно поели. День клонился уже к вечеру; начало смеркаться, а никто не являлся к нам на очлег; меня беспокоила мысль ночевать двоим среди дремучего леса, в самую позднюю пору осени. Спутник мой предложил мне идти к другому зимовью, верст пять дальше; по его мнению, там наверное должны быть лесовщики (звероловы), а нам необходимо было нанять одного нести наши вещи. С радостью принял я предложение моего товарища. Недалеко был переход; но с тяжелой ношей в темень, по неровной лесной дороге, где на каждом шагу коренья, пни, ямы, показался мне за несколько десятков верст. Но вот достиг до нас запах дыма; потом мелькнул огонек; слава Богу, там есть люди, подумал я, и мы пошли скорее. Вот мы и перед зимовой избой; мигом долой котомки и я вошел, согнувшись, в низкую дверь. Шесть человек звероловов сидели перед огнем и занимались обыкновенной рабо-

* Зимовками называются избы, построенные в лесу, где на большое пространство нет деревень, также избы в лесах для промышленников; в них помещается иногда несколько человек.

** Корзина, сплетенная из бересты, которую носят за спиной как котомку.

той: после удачного промысла сдирали шкурки с белок, и весело разговаривали. До десятка собак лакомились мясом добычи и, уничтожив его, облизывались, следили глазами за движениями рук своих хозяев, и нетерпеливо ждали новой подачи. В печи, сбитой из глины – а это было уже большое удобство – варился ужин; огонь ярко пылал, обхватив смолистые сосновые дрова; дым чуть не до полу носился серым облаком вплоть над головами собеседников. Собаки, почуяв чужих, заурчали и были готовы броситься на пришельцев «Видзя оланныд (здраво живете)», – сказали мы, входя, или чуть не вползая в избу. «Локтэ видзя (идите здорово)», – отвечали, ласково взглянув на нас, временные хозяева лесного жилища. «Тэ мудзин, том морт; пукси, шонтысь (ты устал, молодой человек; садись, согрейся)», – заботливо сказал мне старший из звероловов, и отодвинулся от огня, давая место нежданным посетителям. Некоторые из звероловов знали меня, и потому были рады гостю. Из моей котомки вынули медный чайник; один молодой парень сбежал к ручью за водою; вода скоро вскипела; я положил чай и, погодя немного, с наслаждением пил, с домашними сухарями, отвар китайской травы, весело разговаривая с моими новыми знакомцами, с которыми случайно столкнулись мы в темном лесу, в осеннюю ночь. А подле огня уже было не только тепло, но и жарко. Всем собеседникам я подал по чашке чая; не знаю нравился ли вкус его этим добрым людям; но они пили да похваливали; иные верно в первый и последний раз, на всю жизнь, полакомились теплою водою с куском сахара. Они предложили мне поужинать с ними; мы подвинулись к столу, т. е. доске, шириной вершков семи, плохо прикрепленной на четырех палках, и принялись деятельно за работу: восьмеро ужинали шестью ложками. Недолго продолжалась наша трапеза; скоро огонь в печи погас, все улеглись на голых досках; каждый окутался своим верхним платьем. Мы встали рано, и опять закипела деятельность: мигом запыпал огонь; дым опять плавал над нами облаком. Мне надоцно было напиться чаю, им – прибрать высохшие шкурки белок, подкрепить себя на дневной труд завтраком и отправиться в разные стороны. Я нанял одного изочных товарищей, на рубль медью, нести мою котомку до села Пожега, около 30 верст. Еще было темно, когда мы втроем оставили гостеприимный кров нашего ночлега и, радушно простившись с другими звероловами, пошли по дороге к Пожегу. Две собаки пустились в чащу леса отыскивать добычу. Удивительное свойство зырянских собак: они издали попадают по запаху на незаметный след белки – и тогда уже пропала она, бедняжка; как по знакомой тропе, бежит ее неутомимый преследователь и останавливается только у того дерева, в ветвях которого скрылась беглянка; нетерпеливый лай привлекает туда зверолова; он старается разглядеть маленькое животное; привычный глаз скоро открывает место ее убежища, и как бы ни высоко была она, но метко пущенная из винтовки (по-зырянски пищали) пуля редко минует свою жертву; бывает, однако же, что белка, завидев охотника, пускается в дальнейшее бегство, с дерева на дерево, делает удивительные прыжки с одного на другое, сажень по десяти; ей нужно, чтоб хоть одна тоненькая веточка попала в ее лапку – и она уже в одно мгновенье на вершине дерева; собака преследует ее, охотник настигает, и бедняжка все-таки не избегает пули своего проворного и неутомимого врага.

Настрелянных белок навешивают за пояс. Когда промысел удачен, то они составляют красивую кисть около талии охотника; тогда ему весело возвращаться

ся в зимовую избу. Редкие берут с собой матку (так называют Зыряне маленький компас); лес – их стихия, и они в глухи его ходят, как по знакомой тропе; в ясный день солнце, в ненастный – сучья и кора дерева* указывают им дорогу; добравшись до приюта, иногда уже поздно ночью, раскладывают огонь, поедят чего-нибудь и принимаются снимать шкурки с белок; инструмент один – хорошо наточенный нож, но привычная рука им ловко действует; минута – и шкурка готова; мясо белки принадлежит собаке – это награда верному животному за дневной труд; немного нужно времени, чтобы кончить дело, т. е. снять шкурки, расправить их и поднять для сушки. Такова жизнь, проводимая на промысле несколькими тысячами жителей этого края, и они счастливы, когда вознаграждаются труды их. Они весело беседуют вечером, сидя в зимовке перед пылающим огнем, о приключениях того дня, о следах других зверей, на которые попали они, а всего больше об удаче и неудаче промысла; вспоминают своих домашних и терпеливо ждут дней возврата под родную кровлю.

Поездка на Печору в 1843 году.– Шлиссельбург, станция Новинская.– Тотьма.– Г. Устюг Великий, г. Сольвычегодск, г. Яренск.– Село Устьвымь.– Г. Устьсысолыск.– Село Небдино.– село Устькулом.– Пожегодский Волок, село Пожег, село Помоздино.

С.Петербург, 13 июня 1843 г.

Сборы оканчиваются. Приведены кони. Через час оставляю берега Невы и направляюсь к пустынным берегам Печоры. Когда-то здесь была пустыня; когда-нибудь, может быть, и там возбудится промышленная деятельность. Теперь надо желать хорошей погоды, чтобы было меньше препятствий в этом трудном пути. Журнал нашего Компанейского Собрания подписан 14-го мая. Теперь бы я был далеко, но меня задержали обстоятельства и времени потеряно много; а ведь я еду в край, которого огромные пространства только местами едва заселены, где нет и путей сообщения, где человек промышляет и питается почти исключительно охотою. Пустынен этот край, правда, но в нем есть богатые начала для промышленности. Там десятки миллионов десятин лесов растут и тлеют, в ожидании, пока просвещение, об руку с предприимчивою промышленностью, захочет разработать богатства этой пустыни. Мысль – содействовать оживлению этой малоизвестной страны – давно занимала меня. Еще в 1825 году, пятнадцати лет, в первый раз я был в стране, омываемой водами Печоры, с тех пор прошло 18 лет, и предложения о возможности развития промышленности на Печоре часто занимали меня. В 1840 году я предпринял путешествие, описанное в начале этой статьи и еще более убедился в возможности открыть торговлю печорским лесом, перевозя его на Вычегду; и если откроется возможность – то и с устья Печоры, которая, как слышно, доступна для прохода больших судов. Другая мысль с того времени сроднилась с первою, это – отыскание ближайшего и легчайшего сообщения Сибири с Европою посредством Оби и Печоры. Предположения мои понрави-

* На дереве к северной стороне сучья короче и реже, а цветы коры темнее.

лись многим, и я уже составил компанию для развития промышленности на Печоре. Правительство поддерживает мои предположения; но, чтоб более убедиться в основательности моих предположений, я снова отправляюсь на Печору, с непременным намерением доплыть до ее устья, подняться в вершины Усы, а также обозреть, если будет возможно, и другие реки.

Шлиссельбург, утром 14 июня.

Утро прекрасное. Такая благодатная тишина и какие чудные виды на озеро! В устье Невы твердыня крепости на месте древнего Орешка. Все пробуждает память о Великом; а где нет следов этого дивного гения, коего могучею волею создавались и пути сообщений, и города, и порты, и флот? Была ли где и когда такая деятельность, такое движение в преобразовании целого народа, с его обычаями, поверьями, нравами, общественною жизнью и торговлей?

Станция Золоскина, 20 июня 9 ч. утра.

Больше суток пробыл я в Вологде. Путешественники, отправившиеся на Печору, граф Кайзерлинг и капитан-лейтенант Крузенштерн проехали уже в Усть-сысольск.

Село Пожег, 3 июля, 8 часов утра.

Пью чай и отдыхаю с наслаждением после вчерашнего переезда. Пожегодский Волок переехать не совсем легко и в хорошую погоду, не только теперь, после дождей. В продолжение 13 часов мы сидели на лошадях. В добавок, я, нехотя выкупался в реке Кулом. Через нее нет моста, и лошадей перевели вплавь, мы же переходили по дереву, переброшенному через русло реки. Я поскользнулся и упал в воду. Может быть, опасности большой не было, но ехать ночью в мокром платье – было не совсем приятно; к тому же езда по живым мостам утомительна; а эти мосты занимают едва ли не половину пути. Я называю их живыми потому, что под ногами лошади каждая мостовина движется, выскакивает, открывая местами довольно глубокие ямы. Это короткие, ничем не скрепленные жерди, набросанные местами на деревья, расположенные по бокам дороги; местами эти жерди лежат в порядке, местами набросаны кое-как одна на другую, и по этим-то мостам надобно ехать! Лошадь с трудом держится на них, часто проваливается в болото, выскакивает, старается приостановиться на мосту, но жерди двигаются под ногами и она, спотыкаясь, идет дальше, снова проваливается, а иногда и падает. На непривычной лошади здесь не проехать и версты, особенно при спуске с круtyх и высоких гор, так же грязных и так же намощенных, которых много в этой дикой пустыне. Сначала на опасных спусках я сходил с лошади: мне казалось, она неминуемо упадет; но потом усталость превозмогла опасение, и я вполне доверился добруму животному, которое, будто чувствуя оказываемое доверие, с величайшою осторожностью ступало по движущимся мостовинам, в глубокой грязи, между корней и зыбучих топей, в довольно темную ночь.

Между тем воздух наполнился комарами; в глубину этих лесов едва ли когда

проникает ветер, а потому здесь царство этих насекомых. Проехав 50 верст, мы не видели ни птицы, ни зверя, как будто и животные чуждаются этих диких дебрей. Поздно ночью подъехали мы к речке Пожег, вблизи деревни; лошадей пустили бродом, а сами перешли по дереву. Доехав до села, были очень рады окончанию трудного пути.

Село Пожег состоит из нескольких деревень, где 123 дома и 700 жителей. В одной из деревень, на правом берегу реки, бедная деревянная церковь. Вычегда делает здесь большой круг, протекая до Устькулома, мимо погостов Мыелдинского, Устьнемского и Керчомъи, пространство до 180 верст, тогда как прямо волоком до Устькулома немногого более 50 верст. Здесь она уже невелика и очень извилиста. Отсюда мы едем водою в маленькой лодке.

У Зырянина, хозяина моей квартиры, кормятся несколько лисиц. Одна из них чернобурая. В Устьсыольском уезде промыслом этих зверей занимаются многие. Когда весною найдут лисью нору, то стараются захватить все гнездо и лисенков выкармливают дома. От опыта и умения зависит хорошо выкормить. Им преимущественно дают сырую говядину. Шкуры кормленных лисиц продаются всегда дешевле полевых: они бывают не так пышны.

*Мыдвинский или Троицкий Погост, по-зырянски Мывдын.
8 июля, 3 ч. пополудни.*

Вчера, пройдя от ночлега 4 чомкоста, мы отдохнули на берегу какого-то безименного ручья; шли постоянно в направлении к северу; день был очень хорошо; местоположение не лучше вчерашнего: те же болота и топи, но было легче идти, потому что ветер навевал прохладу и прогонял комаров. Около 5 часов вечера мы подошли к быстрой реке Сойве, впадающей в Мылву. В необыкновено светлой и холодной воде этого потока мы выкупались и перебрались по жердям, переброшенным с одной козлы на другую, между обоими берегами на ширине 30 сажень. Мостик этот лежал над горизонтом быстрой Сойвы более 4-х аршин; нельзя сказать, чтоб переход по этому шаткому мосту был совершенно безопасен. С истертыми ногами едва мог я пройти еще 3 версты до деревни Сойвы, где думал найти лошадь, чтоб доехать до Мывдинского Погоста. К несчастью, все лошади были в лугах, и, отдохнувши, пришлось, хотя с большим трудом, идти дальше, едва ступая. Так прошли мы еще 10 верст и поздно ночью кое-как добрали до погоста на берегу Печоры.

Переходом через волок я не мало выиграл времени.

Река Сойва протекает между высоких гор; вершина ее довольно далеко; она принимает в себя до семи притоков; на берегах ее только два селения: одно, где мы были на пути от города; в нем 8 домов; другое, еще новое поселение, выше по реке около 20 верст от погоста, в нем всего 4 дома. На месте первого, назад тому около полувека, была пустыня. Один из крестьян мывдинских, по имени Фома, деятельный и трудолюбивый, заметил, что луговые берега Сойвы представляют большие удобства для скотоводства, что река обильна рыбой, что возвышенности около нее богаты добродой землей, и решил основать здесь свое жилище; он вырубил лес, с неутомимым трудолюбием разрабатывал поля и девственная почва вознаграждала хорошо его труды.

Путь из Устьцыльмы.— Ижемский Погост, или Слобода.— Первые поселенцы на берегах Ижмы.— Число жителей.— Промыслы; земледелие.— Оленеводство.— Торговля.— Быт жителей.— Храмы ижемские.— Князь Палавандов.— Следование по Ижме.— Деревня Кедвавом.— Биваки на берегу Ижмы.— Пороги Ижмы.— Деревня Усть-Ухта.— Путь по Ухте на Вымь.— Деревня Лачевская.— Деревня Чулки.— Деревня Розь-дын.— Речка Чер.— Путь по этой речке.— Волок.— Река Чер-вычегодская.— Порог Иджид Изъя кост.— Река Вычегда.— Деревня Ваполка.— Погость Ульяновский.— Устьсыольск.

8 сентября.

Вчера после обеда наконец собрались в дорогу. Вечером, не доехав до устья реки Ижмы, остановились на ночлег. Кто спал в лодках, а кто в рыбачей избе, которую нашли на правом берегу Печоры. Сегодня целый день помогал нам попутный ветер. Не будь ветра, по обыкновенному мелководью Ижмы и по множеству заколов в реке, мы не прошли бы половины того, сколько пробежали на парусах. Порой порывы ветра были довольно сильны. Уже поздно вечером остановились мы на ночлег. Ночь была крайне темна.

Листья на деревьях желтеют, прибрежные дубравы становятся разноцветными; особенно красив вид листвен: ярко отделяются их стройные группы между темною зеленью еловых лесов и боров сосновых. Одни поля в окрестностях деревень, засеянных озимовой рожью, еще зеленеют среди повсюду бледнеющей растильности.

9 сентября. Село Ижма.

Сегодня утром мы приехали сюда, и, кажется, пробудем до завтра. Когда приставали к берегу, толпа народа встретила нас: молва о путешественниках, небывалых в здешнем крае, предупредила нас; здесь уж давно нас ждали.

Теперь надо рассказать об этом поселении, замечательном в здешнем крае как промышленной деятельности, так и богатством некоторых из его жителей. Первыми поселенцами на берегах Ижмы были Зыряне, которые перебрались сюда из Яренского, а частью, может быть, и Устьсыольского уездов; они поселились в верховьях Ижмы и Ухты. Есть предание, что обиды казаков, ходивших через эти места с верхотурской казной, заставили их соединить разбросанные поселения и сосредоточиться на месте нынешнего погоста. К ним присоединились пришельцы из других мест, а частью крестившиеся Самоеды. Пришельцы смешались с главным зырянским народонаселением; впоследствии, когда жителей собралось уж много и не стало простора ни для хлебопашства, ни для скотоводства, то многие начали селиться ниже и выше по Ижме, а потом и по Печоре, так что теперь самое дальнее поселение Ижемской Волости по Печоре — Кожва, в расстоянии от погоста, водой дальше 400, а зимним прямым путем до 180 верст. Есть также предание, которое записано в памятной книжке одного Ижемца*, что первый поселился здесь крестьянин из деревни Глотовой, Яренского уезда, наречием

* Василия Попова

Зырянин, и что к нему присоединились пять человек, братья Чупровы, из Устьцымлемского прихода.

В Ижемской волости считается 36 селений, в которых 3 140 душ одного мужского пола, а обоего около 6 500. Из них по Ижме, в 24 деревнях, считают до 5 000 душ; прочие деревни по Печоре и очень немного по речке Неричь.

Столь значительное народонаселение в этом уголке Печорского Края, вероятно, привлечено сюда привольем для скотоводства и удобной землей для хлебопашства. Хотя последнее не обеспечивает их в продовольствии на целый год и не избавляет от необходимости покупать привозимый хлеб, но, при дорожевизне его, все же доставляет хорошее вознаграждение за труд.

В настоящее время некоторые из Ижемцев имеют значительные капиталы, живут с избытком, имеют хорошие дома, с чистыми комнатами, любят пить чай, водку, даже ром и виноградные вина; одеваются щеголевато; обыкновенное, ежедневное платье их летом и зимой большую частью малица, с ситцевой цветной рубашкой, а в праздники надевают сюртуки и кафтаны из тонкого сукна, лисьи и мерлушчатые шубы. В домашнем быту у них есть свои особенности: ижемские женщины не щеголеваты, как пустозерские, но и не похожи на неопрятных Устьцымлемок, а к тому же очень прилежны к работе. В Ижме женщины не допускаются в дружескую беседу мужчин, за общее питье чая и т. п. Часто случается, что женщины исправляют мужские полевые работы с наемными работниками, вывозят на поля навоз, убирают скот или заняты другими хозяйственными делами, между тем, как мужья их сидят за самоваром, распивая чай, часто с надбавкой коньяка или рома. У Пустозерцев, напротив, работают больше мужья, когда их супруги пьют чай. Ижемские женщины трудолюбивы и хорошие хозяйки, чему доказательством служит отличный порядок в домах. Сверх того, они отличаются доброю нравственностью и строгостью правил. Здесь редки примеры дурного поведения; и только, как говорят, в последнее время пошли слухи об этом, а прежде было «неслыхано».

Деятельность Ижемцев проникает повсюду: они и фабриканты, и торговцы, и оленеводы, и рыболовы, и хлебопашцы, сколько возможно по климату; никакое прибыльное дело им не чуждо; они рассеяны в верховьях рек и дальних пределах тундр, на ярмарках и в Архангельске; они везде действуют, торгуют и промышляют. Вот еще замечательная черта жителей Ижмы – усердие к Церкви: ежегодно один, или два карбаса с богомольцами отправляются по Ижме, Ухте, Выми, Вычегде и Двине в Архангельск и оттуда в Соловецкий Монастырь. Церкви ижемские хорошо украшены, особенно в селе Мочинском. В Слободе, в каменной церкви во имя Преображения Господня, есть несколько больших образов с дорогими серебряными ризами под золотом; особенно богата риза на образе Ильи Пророка; есть дорогие сосуды и евангелия; недавно куплены два облачения для священника и диакона, за которые заплачено 430 р. сер.; на колокольне в Слободе довольно большие колокола; один в 300 пуд. Я говорил уж, что жители деревни Керес, или Сизабской, несмотря на то, что живут вблизи двух погостов, вознамерились построить церковь и собрали уже на сооружение ее значительную сумму.

Ижемцы говорят чистым зырянским языком. Я говорю – чистым, потому что они меньше употребляют русских слов, чем другие Зыряне; кроме того, их выго-

вор и произношение мягче. Впрочем, у них есть слова, которых нет в языке Вычегодцев. Ижемцы, тоже как Устьцылемцы, при окончании речи возвышают голос; не знаю, кто из них у кого перенял речь с припевом.

Так как река Ижма по-зырянски называется Изъва*, то Ижемцев в Устьисольском Уезде называют Изъ-ватац.

Исстари Ижемскую Слободу посещали торговцы из разных мест. Говорят, что прежде приезжали сюда купцы из Мезени, Пинеги, также из Холмогор, Архангельска и даже Вологды и Москвы; но так как теперь Ижемцы находят уже сами сбыт произведениям края, то съезд торговцев уменьшился. За всем тем число приезжих в продолжение 1842 года, по сведениям местным, простипалось до 450 человек; в числе их были: Мезенцы, Пинежане и частью Зыряне из Устьисольского Уезда.

Деревня Усть-Уса, за полночь.

Вечером ветер усилился, часу в 11 нашла туча, было много дождя, и мы остановились на полчаса у берега; долго раздавался гром и молния ярко блистало во мраке ночи. Когда сталотише, мы опять поплыли, хотя плыть против ветра работа была не легкая; но надобно было добраться до деревни на устье Усы, где мы теперь, чтобы отдохнуть покойнее. Долго тянулось время в темноте, но наконец с радостью увидали мы вдали высокий мыс правого берега Печоры, у которого впадает Уса; при порядочном волнении переехали эту широкую реку и добрались до жилья.

В эти сутки, при противном ветре, мы проплыли едва ли не более 10 верст. Как приятно отдохнуть в теплой и чистой избе, на мягкой постели из соломы и оленых кож после тяжелого пути и тогда, как бушует буря и льет дождь! Воспоминание о минувшей невзгоде и труде еще более увеличивает наслаждение отдыха. Нас принял радушно крестьянин деревни Феофан Данилов; он, как говорится в сказке, нас накормил, напоил и спать положил.

В лодке на реке Усе, 18 июля, 6 ч. пополудни.

В 10 часов утра, сегодня я простился с моими новыми знакомцами Усть-Усинцами, и отправился по Усе вверх.

11 домов деревни Усть-Усы расположены на уступе горы, на правом берегу Усы, в полуверсте от её устья. По крутизне, обращенной на полдень, позади домов, лежит несколько десятин обработанной земли, на которой сеют немного ячменя и иногда рожь. Феофан сказывал мне, что однажды пуд посейнной ржи дал ему 24 пуда, а 10 пуд ячменя – 65 пудов. Такие урожаи, хотя они и редкие, при дорогоизнене хлеба, могли бы захотить здешних жителей заниматься хлебопашеством; но беда в том, что мало удобной земли: по горе, почти от самого берега, начинаются болота. Правда, не трудно было бы осушить их и работа вознаградилась бы одним урожаем (мука теперь продается по 70 к. серебром за пуд); но для этого нужен непривычный труд; а для удобрения земли достаточно. Некоторые

* Что, вероятно, произошло от слова изъ-ва, т.е. каменная река.

держат по 10 коров и 4 лошади; они могли бы держать и больше, потому что луга здесь обильны кормом; но Усть-Усинцы привыкли к рыболовству и занимаются им около устья Усы, где есть добрые тони, и ни один из них не бывал вверх по Усе даже за 100 верст.

В весенний промысел продают белой рыбы около 1 000 пуд, в осенний красный до 400 пуд; первой цена около 60 коп., второй – 1 р. 50 к. и 1 р. 70 к. серебром за пуд. Меньше улова, выше цена.

В числе местных промыслов ловля куропаток считается одним из выгоднейших; огромными стадами выводится эта птица в тундрах, и зимой, когда обледенеет там почка растений керчи и ивняка, составляющих её единственную пищу, она перелетает в прибрежные леса, опоясывающие тундры; особенно, если перелету её содействуют северные ветры. Южными бурями стада куропаток уносятся далее к северу, к морю, и погибают. В хороший год их бывает так много, что прибрежные кустарники покрываются этими белоснежными гостями широких пустынь северной тундры. Их ловят капканами, как тетеревов, а некоторые и силками.

Замечательно обилен был куропаткой 1841 год: тогда один Феофан в продолжение зимы наловил их до 6 000 штук; были дни, в которые он со своей семьей приносил до 300 куропаток.

«Куда же деваете вы такое количество дичи?» – спросил я моего хозяина.

«Осенью приезжают покупать их в города, – сказал он, – зимой едим её вместо хлеба: тогда продать некуда; к лету солим и бережем в погребах; между собой продаем по 3 к. штуку, а когда продать можно по 4 по 5 к., то и, слава Богу, это уже цена добрая!» – В этом году Феофан продал одних перьев 23 пуда: по 4 р. ассигн. за пуд. Лучший лов бывает в феврале и марте; но тогда продать их некуда. Много налавливают здесь и зайцев; в иной год, хотя это и редко, хозяин мой добывал их от 600 до 800 штук; мясо их едят Самоеды. Довольно выгодную промышленность составляет выкармливание лисиц; теперь их в Усть-Усе до 90 штук; иногда лисицы даже плодятся в домах; хозяева стараются сводить самок чернобурьими самцами, и это изредка удается им.

Поутру едва ли не все мужики деревни перебывали у меня. Много было спросов и расспросов и с их и с моей стороны. По их словам, на путь до верховьев Усы надобно не меньше пяти недель. Проводников я и здесь не нашел; советуют поискать между Самоедами и в Колвинском Погосте. Меня уверяли, что на берегах реки Усы и Сыни много хороших лесов лиственничных, сосновых и еловых.

Здешние жители Печору считают меньше Усы, потому что при слиянии этих рек, русло первой едва ли шире 500, а последней до 700 сажен. К тому же, глубина Печоры до впадения Усы бывает на мелях не больше 5, а ниже Усы нигде не меньше 12 и даже 13 четвертей. Уса впадает в Печору с востока, почти под прямым углом, и это делает первенство Печоре; она принимает мутные воды Усы в свое широкое ложе. Уса, по-самоедски, Сабре-яга, имеет, как говорят туземцы, около 15 больших и малых притоков; но я думаю, едва ли все реки и речки замечены, в такой огромный бассейн вод притоков должно влияться больше.

Теперь я сижу в лодке, в густом дыму, чтобы спастись от комаров, но и это не

совсем помогает – так их много. В нынешнем году долго не было комаров и уже полагали, что их не будет; но неожиданно настала теплая погода с дождями, и они явились с таким множеством, какое редко бывает. Усинские комары пользуются особенной славой по всей Печоре по величине и назойливости. Видно, придется испытать на себе их отвагу, а у меня и сетки нет; здесь же без сетки никто не выходит из деревни.

На половине пути до Колвы мы встретили лодку; в ней сидел старик Самоед. По словам его, я не найду и в Колве проводника к вершинам Усы.

Целый день был противный ветер, мы поднимались тихо; в 5 часов вошли в реку Колву, по-самоедски Тодие-яга, которая впадает в Усу с правой стороны, в 20 верстах от устья. Колва не шире 100 или 120 сажен, но имеет длинное течение, около 500 верст. Начинаясь из озер Сыр-Яр, от хребта, называемого Вангурот, она принимает в себя до десяти больших и малых притоков. Берега её по низовью покрыты довольно хорошими сосновыми строевыми лесами. Говорят, и в верховье есть небольшие еловые и лиственничные леса. Теперь подходим к Колвинскому Погосту, расположенному на левом берегу реки, за мысом. Вот виден бор с мелким сосновым лесом и самоедский чум; подле него расположен огонёк. Вот показались дома, их всего семь; вот и церковь и два казенные дома священников. Местоположение погоста красиво. На берегу стоят люди; видно, приближение моей лодки с парусинной крышей и мачтой заняли жителей погоста.

Из жителей колвинских никто не бывал в верховьях Усы; только один молодой Самоед, Миклей, по-русски Иван, в детстве кочевал в верховьях Ельца, около озер. Он решился ехать со мной.

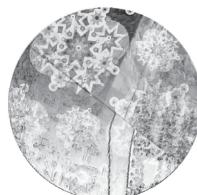
На другой день со священниками пришёл я в квартиру г. Кастрена. Он стоял у искусственной конторки, составленной из двух столов, углубляясь в свои филологические соображения, тут же был его переводчик, колвинский пономарь, коренной Самоед. Мать отдала его в детстве Ижемцам за 9 р. ассигн., но через несколько времени, узнав, что ребенка везли мимо её кочевья, бросилась на проезжих и отняла его у них обратно. Прошло несколько лет, мальчика опять нашли в тундре, заметили его способности и мать охотно променяла его на оленя. Вот образчик материинской любви Самоедок! Молодой Самоед выучился хорошо читать, и его сдали причетником в Колвинском Погосте; теперь он служит переводчиком г. Кастрену. У этого молодца лицо чисто-самоедское, и довольно недурное.

Прошло уже полтора года, как г. Кастрен оставил свою родную Финляндию и пустился на северо-восток для филологических разысканий о языке своей родины. Сначала он был у Лопарей, потом навестил Самоедов Малоземельской Тундры; оттуда переехал в Усть-Цыльму, и потом в Ижемский Погост, к Зырянам. На берегах Печоры и Ижмы не очень приветливо приняли ученого. Суеверные Усть-Цылемцы, по какой-то странной огласке, считали его кто колдуном, кто зажигателем, кто лекарем, который отравляет колодцы. Привычка Кастрена гулять вечером, а иногда и ночью, подтверждала эти нелепые слухи. Дело едва ли не доходило до Волостного Правления. Мужики собирались толковать, что делать с чародеем? Раза два останавливали его на дороге, и Бог знает, до чего бы довело их глупое предубеждение и нелепые подозрения, если бы не успел успокоить их князь Пала-

вандов, чиновник Министерства Государственных Имуществ, проживающий в Усть-Цыльме, уважаемый всеми жителями в низовых селениях Печоры. Таким образом г. Кастрен благополучно уехал в Ижму. Но молва предупредила его и там. С опасением ждали Ижемцы страшного колдуна-немца. И что же? В самую первую ночь его приезда, демоны, послушные чародею, начали тешиться над мирными жителями берегов Ижмы: в одном доме невидимая сила сбросила с печи малицу, в другом, полетели на пол дрова, в третьем, вода в ушате начала колыхаться. Последнее чудо всего более поразило суеверных. Приняты были разные меры к прекращению очарования; вода все колыхалась. «Тут непременно сидит черт», — думали простодушные Ижемцы, — да какой еще нетрусливый! Не смотрит ни на что и не оставляет потешаться! Наконец, пришел помощник окружного начальника, проживающий в Ижме. С совершенным убеждением в истине события рассказывали ему очевидцы страшное чудо, которое видели собственными глазами. К счастью г. Кастрена, чиновник не убедился рассказами и начал искать других причин колыханию воды, независимо от шалостей черта. Оказалось, что доски пола, на котором стоял ушат, тряслись, когда кто-нибудь шел по ним. Это, никем дотоле незамеченное обстоятельство, испытывали потом неоднократно в присутствии всех: и мужики, полуубежденные, разошлись, впрочем, почесывая затылок и все еще с недоверчивостью посматривая на страшного чародея.

Из Ижмы г. Кастрен прибыл в Колвинский Погост. Здесь намерен он заниматься до сентября и потом отправиться по Усе к зауральским Самоедам, а там, далее по северному берегу Сибири, до крайних восточных ее пределов, предполагая все путешествие кончить в шесть лет и надеясь где-нибудь в Сибири встретиться с г. Щегреном. Теперь он составляет зырянскую и самоедскую грамматики. Труды этого ученого заслуживают полного уважения, странствование в этих пустынях сопряжено со многими лишениями, и иногда даже с опасностями.

Г. Кастрену двадцать восемь лет. Он имел хорошее место в Гельсингфорсе и оставил его, увлекшись любознательною страстью к филологии языков финских. В его комнате было два-три стула; в одном углу преображенская печь; в другом, над постелью, полог — необходимая принадлежность здешних спален для защиты от комаров; по стенам комнаты — географические карты края.

АРТ-ФАКТ

Елена Шуктомува

Шуктомува Елена Юрьевна. Родилась и живет в г. Сыктывкаре. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. С 1994 года работает научным сотрудником Национальной галереи РК. Круг профессиональных интересов — изобразительное искусство Республики Коми.

«Татьяна Васильева. Музыка времени»

Татьяна Васильевна Васильева родилась в г. Канко (Корея), с 1958 года живет в Сыктывкаре. Закончила художественное училище в г. Махачкале. Работает в области графики, в основном, в техниках акварели и пастели. С 1971 года — постоянная участница всех Коми республиканских художественных выставок, зональных выставок «Советский Север», «Российский Север». В 1989 году стала членом Союза художников СССР. Произведения Т.В. Васильевой экспонировались на Всероссийских и Всесоюзных выставках в Москве, на торгово-промышленных выставках «Коми-Экспо» в Финляндии (1997), Венгрии (1998), Москве и Кирове (1999), на международной выставке в Париже «120 работ» (2005), персональной выставке в Париже (2005). В 1995 году участвовала в нескольких групповых выставках в различных городах Германии, а также прошла ее персональная выставка в г. Вахтендорф (Германия).

Т.В. Васильева — Заслуженный работник Республики Коми (1998 год), лауреат Государственной премии Республики Коми (2002 год). В 2006 году ей присвоено звание Народный художник Республики Коми.

О ней с полным правом можно сказать: художница не только известная, но и любимая, и востребованная. Ее творчество знают и ценят не только коллеги и люди, профессионально занимающиеся изучением искусства. Картины Т. Васильевой — желанные «гости» на многих выставках и в столичных городах, и в «глубинке», их любят люди различного социального положения и образования,

наверное, потому, что они находят отклик в душе человека, воздействуют на его эмоциональную сферу. А это, что ни говори – главное для произведений искусства.

У Татьяны Васильевой – свой стиль, ее работы пронизаны поэзией, тонким, одухотворенным лиризмом. И что, может быть, еще важнее, они отражают процесс духовного становления личности. Человек всегда ощущает потребность в чем-то большем, чем его первичные потребности, но немногие могут почувствовать потребность чего-то большего, что они могут не только осознать, но и представить. Творчество Татьяны развивается именно в русле этих трудных поисков и, наверное, в этом – его главная ценность.

В стенах Дагестанского художественного училища она приобрела специальность художника-оформителя, свою дипломную работу делала по дизайну, к этой профессии до сих пор относится с уважением, но работать, тем не менее, решила в области «чистого» искусства, так как этот вид деятельности дает гораздо больше творческой самостоятельности и плане самовыражения и профессионального роста, и (особенности) в области роста духовного.

Когда начинаешь анализировать творчество художника, всегда встают вопросы о приоритетных для него направлениях в искусстве, о тех мастерах, которые оставили след в его мировоззрении и профессиональной деятельности. Применительно к Татьяне Васильевой говорить об этом и легко, и трудно. Легко – потому что, живя в эпоху стремительных перемен во всем, в том числе и в искусстве, когда зачастую для художников главными становятся искания только в области формы, нередко доходящие до полного отрицания содержательной стороны произведения, Татьяна сохранила ясность и непротиворечивость и своего мировоззрения, и поставленных перед собой задач. Ее творчество всегда развивалось последовательно и логично.

Трудно – потому что ясность, непротиворечивость и логика – понятия сложные сами по себе, а применительно к внутреннему миру художника – особенно. Логика развития души, а, следовательно, и творчества, не поддается ни математическим вычислениям, ни формально-логическим построениям.

Татьяна Васильева, например, никогда не замыкалась в рамки какого-то одного направления, темы или жанра. Ни портрет, ни пейзаж, ни натюрморт в «чистом» виде для нее не существуют. Так же, как не существуют в «чистом» виде понятия реализма или абстракционизма. Ее видение мира и понимание сущности искусства во многом близки взглядам одного из ее любимых художников – В.Кандинского, который называл художников «искателями Внутреннего во Внешнем» и восхищался Сезанном, умевшим «сделать из чайной чашки одухотворенное создание, вернее, открыть в этой чашке такое создание»¹. Решая важнейший для

каждого вида искусства вопрос формы и содержания, Кандинский отмечал: «Внутренний элемент произведения есть его содержание. Внутренний элемент, созданный душевной эмоцией, есть содержание произведения»².

У В. Кандинского этот «внутренний элемент» составляет абстрактное содержание произведения. «Живопись может говорить нечто даже тогда, когда она ничего не «описывает». Ведь независимо от того, абстрактное оно или предметное, искусство скорее дает себя почувствовать, чем доказать. А разве ощущение не важнее зрителю, чем доказательство!»³

Т.Васильева создала немало абстрактных композиций. Именно в переливах цвета, противостоянии света и тени находит воплощение то, что для художницы невозможно выразить средствами фигуративной живописи: тайную, подсознательную составляющую человеческой души. Характерны названия этих работ: «Ветер и туман», «Свет», «Пробуждение», «Рождество» – отражение духовного пути человека через преодоление, «через тернии к звездам», через сомнения и тяготы – к надежде и вере, к осознанию Света как единственной конечной истины.

Но абстрактными композициями творчество Татьяны Васильевой отнюдь не исчерпывается. Большая часть ее работ – предметна, материальна. Правда, фактура этого материала неизменно преломляется через опыт внутреннего, духовного зрения художницы. Некоторыми чертами творческая манера Т.Васильевой перекликается и с импрессионистическим видением мира. Многочисленные исследователи творчества импрессионистов главным в их живописи считают эффект «растянутого мгновения», продленной мимолетности, их «предметно-временную концепцию мира».

«Предмет, покоящийся или как неизменное целое перемещающийся в пространстве, был заменен предметом, слившимся с временным потоком и меняющим в нем свои обличья. Само пространство (становилось) зыбким, с трудом поддающимся измерению»⁴. Этим же обусловлена и манера письма, в которой «объект расплывается, «смазывается», неся в себе остаточные черты былого и рождающиеся черты будущего положения или состояния. «Незаконченность», «эскизность» исполнения, «размытость будто переливающихся одно в другое пятен, разомкнутость рисунка, отмечавшего скорее направленность движений, нежели границы силуэта»⁵.

Эту же манеру можно отметить в большинстве работ Т.Васильевой. Спиралеобразное, центростремительное движение к еще неясной, еще размытой, но уже проявляющейся сущности («Дорога к храму», 1998); мощный взлет души, растворенной в потоке света, ввысь («Молитва», 1995); вихревое перемещение радужно расцвеченных воздушных масс, как зримое выражение предчувствия весны и счастья («Над городом витает запах черемух», 2003); – в этих и других работах образ действительно не только существует в пространстве, но и обладает временной протяженностью, которую можно удержать лишь на краткий миг, как и все в этой жизни.

Наверное, помимо сознательно избранной манеры, этому способствовала и избранная ею техника работы пастелью. К ней художница пришла не сразу. В разные периоды своей творческой деятельности Татьяна работала с разными материалами, в разных техниках. Все они – не только поиск «своего» материала, но и отражение душевного состояния на разных этапах жизни и творчества, со всеми «складываются» или «не складываются» отношения.

Например, время от времени Татьяна пишет маслом, но при этом чувствует противоречие, возникшее между материалом и собой, своей личностью. Масляные краски, в представлении художницы, призывают к завершенности, окончательному оформлению – и мысли, и душевного состояния, и работы, в то время как Татьяне было близко по духу уже отмеченное импрессионистическое видение мира, с его стремлением передачи неуловимого и попыткой удержать мгновенное. Недаром одна из самых любимых ее работ – «Миг» (1990). ... Женщина-птица, взлет души и краткий миг полета, обреченный на падение, но застывший в неустойчивом равновесии...

Дальше были работы акварелью, которую художница считает наиболее близкой женщине, женскому восприятию мира. Акварель привлекает Татьяну теми свойствами, которые присущи и ей самой, ее темпераменту: взрывной эмоциональностью, динамизмом, живой непосредственностью, легкостью и прозрачностью красок, и в то же время – предельной сосредоточенностью, точностью мазка.

Работала Т.Васильева и в области печатной графики. Существует серия литографий, выполненных, в основном, в 1990-е годы. «Рождение системы», «Противостояние», «В море» – контрастное противопоставление белого и черного, философские размышления о противостоянии Света – Тьме, Созидания – Разрушению. Почему художница отказалась от этой техники? Может быть, именно потому, что она лишает мир его многоцветья, живого трепета жизни?

И то, что с течением времени Татьяна обратилась к пастели, наверное, закономерно: сосредоточенность, приглушенность как бы размытых тонов, мягкие переливы света и теней, должно быть, в большей степени соответствуют и ее видению мира, и периоду творческой и человеческой зрелости.

Пастель – мягкие карандаши «с бесконечно изменяющимися оттенками и полутонами; более тысячи шестисот пятидесяти оттенков, расположенных по цветам спектра, ярость которых не меркнет от времени – разрешает быстроту письма, немедленную передачу эмоций или идей... Она делает возможными раздавливание, бархатистость, матовость зернистости мягкого и шелковистого материала, сияние⁶.

Последние работы Татьяны Васильевой (цикл «По Черногории» и другие) выполнены, в основном, в технике масляной пастели, технике яркой, темпераментной, светоносной. Для художницы это является своеобразным компромиссом между живописью и графикой, работой маслом и пастелью. В изобразительном плане работы масляной пастелью дают заряд живой эмоциональности, работы звучным, открытым цветом. Исчезает поэтический флер – но появляются пластическая выразительность линий, щедрый оптимизм цвета.

И все же определяющим для художника является его мировоззрение и обусловленный им предмет своего творчества, темы, проблемы, система образов, – то, что соответствует его человеческой сути.

Почти весь февраль 2007 года в стенах Национальной галереи Республики Коми будет проходить персональная юбилейная выставка художницы «Музыка времени». От предыдущей выставки, тоже персональной и тоже юбилейной, ее отделяет 10 лет, то есть время, которое можно считать эпохой в жизни человека. За это время многое изменилось – и многое осталось неизменным.

Название выставки 1996 года, «Золотые страницы жизни», – очень точно

отражало мироощущение Татьяны Васильевой того времени. Страницы «золотые» – не потому что счастливые и безоблачные. Такого в жизни не бывает. «Золотые» – потому что жизнь в целом, жизнь как таковая всегда представлялась художнице величайшим и единственным подлинным благом. «Для меня жизнь – это подарок, вечный праздник», – повторяла она. – И все страницы моей жизни я считаю золотыми».

С этим утверждением Татьяна согласна и сейчас, поскольку жизнеутверждающий пафос ее произведений остается неизменным, так как неизменна ее любовь к жизни во всех ее проявлениях. Но теперь уже есть одна поправка: Т.Васильева сейчас, многое испытав, живя интересной, насыщенной жизнью, все же уверена, что самое интересное и значительное в жизни художника – это его творчество, и потому золотой будет любая страница жизни, отданная ему.

Тогда, 10 лет назад, Татьяна задумала цикл картин, посвященный им – разноцветным и разнохарактерным, но в основе неизменно золотым страницам своей жизни. Воплотился ли этот замысел? Частично – да. Есть акварели «К небу» (1987) и «Страница из детства» (1985), есть, может быть, самая пронзительная, поэтическая серия «Дети-птицы» (1980) – попытка вновь взглянуть на мир взглядом ребенка, чистым и изумленным, ощутить первозданную радость познания огромного мира, и печальное осознание невозможности возвратиться в это счастливое состояние.

Есть композиция «Голубая страница» (1996). Может быть, она – не самое значительное произведение Т.Васильевой, но интересна тем, что именно ее можно считать тем зеркалом, в котором отразились характерные для того времени темы, мотивы, образы, поиски формы.

Тематически это – попытка самоосознания: в основе композиции женский портрет, символический образ юности как важнейшей вехи в жизни человека, времени, когда жизнь прекрасна и непостижима, когда самоценно каждое ее мгновение. И хотя это не автопортрет, для художницы этот образ все равно – постижение себя и своего места в мире. Этой же теме посвящены и автопортреты разных лет, которых в творчестве Татьяны было немало: «Автопортрет в травах» (1979), «Автопортрет в старом зеркале» (1980), «Бегущая птица, или автопортрет» (1995), «Кто же я, Господи?» (1998).

Здесь и образ птицы – вечного символа духовной, творческой свободы, а для художницы Васильевой это еще и символ нежности и хрупкости, олицетворение всего того, к чему относишься особенно бережно, поскольку больше всего любишь и больше всего боишься потерять: детства (серия «Дети-птицы», 1980), родных гнездовий (триптих «Вехи», 1990; «Деревни-птицы», 2005).

Образы моря – символа начала начал, стихии-прародительницы, и раковины – жизни, спрессованной в спираль, также постоянно присутствуют в произведениях художницы («Дыхание моря», 1998; «Просторы Валаама», 1998; «Песнь розовой раковины», 1989). И еще – дымка времени, и порыв ветра, и размытость голубой дали – цвет неба и символ духовности, ощущение вечности... Символ и метафора вообще – основа всякого творчества, и в жизни Васильевой-тогдашней они играли главенствующую роль.

Метафоричность – основа творчества Т.Васильевой и сегодня, но с течением времени суть ее меняется: приходит осознание высокой простоты, стремление

искать и находить великое в малом, необычное – в обыденном. Может быть, это – как раз основной «вектор» развития художницы: осознание того, что больше всего загадок и тайн не в сложных умозрительных построениях, а в той повседневности, мимо которой мы часто проходим, не замечая.

Об умении видеть «Поэзию во всем, что нас окружает» и умении «заразить нас этой Поэзией, заставить открыть и изумиться»⁷ писала поэт Н. Мирошниченко в предисловии к альбому Т. Васильевой и Г. Бутыревой «Диалог». «Вглядитесь в предмет их любви. Не правда ли, он безыскусен? Казалось бы, что могут затронуть в нас камни, конский щавель, крестьянские избы, сельские пейзажи с полуразрушенными храмами? Не каждый ли день видим мы то же самое? Но вот пришел Художник...»⁸.

Камни, конский щавель, сельские пейзажи – образы, действительно нередко встречающиеся в творчестве Т. Васильевой последних лет. «Белое утро», «Тихий рассвет», «Старая часовня», «Вода уходит, камни остаются», «Осенний букет», «Травы» – вот названия лишь некоторых ее работ. Особенный интерес вызывает то, что «герои» пейзажей Т. Васильевой, будь то явления природы или архитектурные сооружения, наряду с типичными и универсальными обладают и ярко выраженным индивидуальными чертами.

Все эти особенности проявляются в пейзажах Васильевой, – жанре, который всегда занимал в ее творчестве большое место, но особенно значительным стал в последнее время, может быть, потому, что именно в пейзаже, как нигде, проявляется одна из самых насущных потребностей человека: потребность хотя бы на миг обрести потерянный рай единения с природой.

В любви к пейзажу едины и русские художники, и русские зрители: эта любовь, наверное, заложена в нас на генном уровне. Русский пейзаж – явление особенное. Именно этот жанр в наиболее открытой и полной форме способен передать эмоции автора, его настроение – и вызвать ответное чувство зрителя.

Давно подмечено, что русские пейзажи, как правило, печальны и, по словам С. Довлатова, вызывают «необъяснимо щемящее чувство». Наверное, в этом проявляется не столько характер природной среды, сколько особенности ее восприятия, характерные для русского менталитета, когда вид природы вызывает философские раздумья о смысле бытия, о недостижимости счастья и идеала, о мгновенности человеческого существования и невозможности удержать это мгновение. Во всяком случае, все эти настроения ярко проявляются именно в пейзажах русских художников.

То же можно сказать и о пейзажах Т. Васильевой. Внешне они просты и безыскусны, но именно эти особенности воздействуют на душу человека, затрагивают в ней самые глубинные струны. Северные просторы, неяркая природа, подернутая дымкой, туманом одновременно реальным и метафизическим («Ночная черемуха», 1996, «Белое утро», 1998 и др.); природа, как бы пристально всматривающаяся в самое себя: не случайно одним из наиболее частых мотивов в пейзажах художницы являются мотивы отражения в воде и текущей воды, символа постоянного обновления при внешней неизменности («Разлив в Сидоре», 1991, «Темные отражения», 1996, «Прозрачность осени», 1996 и др.).

Неизменным остается в ее творчестве и убеждение в том, что природа и человек едины. Осознание этого, наверное, рано или поздно приходит к каждому чело-

веку. Все в мире взаимосвязано и все равноценно. Травы и цветы, небо и земля не только эстетически, но и этически равны человеку, и художник чувствует это острее, чем другие. В пейзажах Т.Васильевой не только человек уподобляется природе, но и природа – человеку. Все, сделанное его руками, и сама природа одухотворяются, приравниваясь друг к другу не только внешне, но и по самой своей сути, управляются единым законом.

Не удивительно поэтому, что один из самых любимых образов художницы – птица. Удивительно другое: «Дети-птицы», «Бегущая птица или автопортрет» – символы уже привычные, прочно закрепленные в сознании. У Т.Васильевой до уровня высокого символа вырастают и «Деревни-птицы» (2005) – образ, будто выросший из поэзии Г.Бутыревой, с которой Татьяна в последние годы выпустила 2 совместных альбома (еще одно новое направление ее деятельности).

Кстати, в творчестве Татьяны Васильевой проявляется и еще одна особенность русских пейзажей: их особая поэтичность и музыкальность, возникающие от «... соприкосновения человеческой души и жизни природы, когда вдруг оттенки цвета травы, ритм стволов или тон неба становятся и оттенками чувств и мыслей, сопрягаются в целое, и человек ощущает свою причастность к «поющим силам природы» (Б.Асафьев)⁹.

Причем поэтичность и музыкальность проявляются не только на уровне об разной системы, но и изобразительных средств: всегда выверенного ритма, колорита, характера световоздушной среды.

Все ее пейзажи имеют ярко выраженную индивидуальность, невозможно перепутать, например, среду и фактуру даже схожей по климатическим и природным условиям природы средней полосы России и природы Севера, они похожи – но отличаются чем-то неуловимым: характером, настроением.

Особо следует отметить и архитектурные пейзажи Т.Васильевой. Их много: городские и деревенские, русские и зарубежные, различные как по настроениям и манере письма, так и по замыслу, по художественным задачам. Строго выверенная, геометрически-холодноватая архитектура городов Венгрии («Венгерские ритмы», 1998; «Домик в Хебе», 1991 и другие); пьяняще-свободные, погруженные в знаменитую лиловую дымку очертания Парижа (серия «Весна в Париже», 2005); тяжелый зной Черногории (серия «По Черногории», 2006); – список можно продолжить.

Татьяна много путешествует: Венгрия, Германия, Франция, Тунис, Египет, Черногория – лишь небольшая часть увиденного и прожитого ею. Путешествия для нее – не самоцель, а жадное желание познать что-то новое, для того, чтобы, сверяя новые впечатления с теми, которые уже устоялись, получить наиболее полную картину мира и найти в нем свое место.

Путешествия для художницы – это еще и неоценимая возможность совершенствования своего мастерства: это встречи и общение с коллегами, знакомство с современными тенденциями в развитии искусства. Татьяна уверена, что художник не должен замыкаться в своем мире, «вариться в собственном соку». В этом отношении многое дает и участие в пленэрах, творческих дачах. Так, в 2005 году художница побывала на стажировке в Париже в Международном центре искусств. Результатом этой поездки явилось ее участие в парижской выставке «120 художников», там же прошла и ее персональная выставка.

Немало в творчестве Т.Васильевой и пейзажей, связанных с местами, без которых мы не представляем нашей истории и культуры. Они дороги для нас не только своей значимостью, и не только личностью человека, освятившего своим присутствием эти места, но и каким-то особым ощущением сплоченности, сознанием единства рода и нации, своей сопричастности общей трагической и прекрасной судьбе. Таков, например, полиптих «Здесь Пушкина слышу стихи».

И, наверное, особое место в творчестве Татьяны занимают образы монастырей. Они сопровождали художницу на протяжении всей ее творческой жизни, но исключительное значение приобрели в последнее время. Именно на рубеже веков Татьяна создает несколько серий работ, посвященных монастырям: «Белый ветер Соловков» (1998), «Свет над Валаамом», (2002), «Храмы Великого Устюга» (2003); монастыри Вологды и Загорска, Усть-Вымский и Ульяновский монастыри, находящиеся на территории нашей республики...

Старые, полуразрушенные, – и заново построенные или отреставрированные; всемирно известные – и скромные деревенские; ныне действующие – и ставшие музеями; – для художницы их статус не имеет значения. Все они равно достойны внимания, потому что равно любимы. Для Татьяны это – и коллективная память и судьба народа, и культурно-исторические памятники, и средоточие Веры и Любви. И, может быть, в еще большей степени они любимы за то, что дают человеку надежду хоть немного приблизиться к постижению того огромного, что невозможно выразить словами.

Каждый из них индивидуален и неповторим, стилистика каждого обусловлена и природной средой, и историей, и собственной судьбой. Скалы и сосны, камни и море – суровый свет над Валаамом; белый ветер над несокрушимыми и первозданными монастырскими стенами – мощь и величие Соловков; тихая прелест скромных храмов средней полосы России – все они несходны, но едины по своей сути.

Эти же чувства составляют пафос и тех работ Т.Васильевой, в которых она делает попытку средствами искусства не изобразить и не воплотить, а хотя бы соприкоснуться с невыразимым состоянием мощного духовного взлета, мгновенного растворения в Божественной любви, – и осознания скоротечности этого состояния, – которое дает человеку молитва.

Для Татьяны, человека искренне и глубоко верующего, это отнюдь не модная тема, а глубокая проблема, связанная не только с мировоззрением и нравственностью, но и, в более широком смысле, с самоидентификацией, самостоянием личности, и потому не может являться предметом скороспелого исследования. Это – вопрос совести каждого человека.

Можно лишь отметить, что поставленные перед собой задачи художница решает разными средствами. Часть этих работ – беспредметные композиции: «Молитва» (1995), «Пробуждение» (2000), «Свет» (1998), «Рождество» (2004). Может быть, именно всплеск устремленной ввысь энергии в виде сплошов света, яркие контрасты или тихая гармония сакральных цветов – белого, голубого, золотого, – больше всего подходят для воплощения философско-духовных исканий. В ряде работ появляются традиционные, но осмыслиенные в соответствии с поэтикой произведения иконописные образы и изображения монастырей («Крестный ход», 1998; «Ангел прилетел», 2005; «Разговор с Панагией», 1996 и другие).

Что станет главным для Татьяны Васильевой на следующем этапе ее творчества? Какими поисками он будет отмечен? Невозможно просчитать это заранее, можно с уверенностью сказать только одно: каковы бы они ни были, как бы ни изменилась манера художницы, ее творчество не отдалится от жизни, не утратит ни жажды познания, ни восхищения ею, не утратит духовных исканий и подлинности чувств, которые, в конечном итоге, только одни и одухотворяют и жизнь, и искусство.

Литература

1. В.В. Кандинский. Избранные труды по теории искусства. Т. 1. М., 2001. С. 106.
2. Там же. С. 261.
3. М.Лакост. Кандинский. М., 1995. С. 21.
4. В.Прокофьев. Постимпрессионизм. М., 1973. С. 13.
5. В.Прокофьев. Там же. С. 13-14.
6. Ж.Моннье. Пастель. С. 5.
7. Диалог. Татьяна Васильева. Живопись, графика. Галина Бутырева. Стихи. М., 2001. С. 4.
8. Диалог. Татьяна Васильева. Живопись, графика. Галина Бутырева. Стихи. М., 2001. С. 4.
9. А.Саврасов. Из собрания Государственной Третьяковской галереи. Автор-составитель В.А. Петров. М., 1983. С. 26.

Как-то еще не верится, что ты на Востоке, в Пакистане. Странное чувство раздвоенности испытываешь. С одной стороны, кажется, что видишь фильм, с другой — убеждаешь себя, что это реальная действительность. Все здесь не так, как дома. Даже месяц в ночном небе «висит» совсем непривычно: концами серпа вверх...

...Объявлена посадка в Рангуне. Садились в темноте, когда земля лишь смутно угадывалась, а вышли из самолета при ярком солнце. Удивительно быстро, в какие-то считанные минуты, наступил рассвет, и мы словно по волшебству перенеслись из ночи в утро.

Воздух настолько влажный, что моментально одежда прилипла к телу. Ощущение, как в предбаннике, хотя температура всего плюс 23.

Здание порта небольшое, низкое, почти открытое — в обычном тропическом стиле. На стенах — роспись на сюжеты бирманских легенд.

Необычны костюмы местного населения. Женщины очень маленького роста, одеты в блузы и юбки преимущественно голубых, розовых, чистых пастельных тонов. Мужчины — в вязаных кофтах или простых рубашках, в юбках по щиколотку, самых разных расцветок (преобладают в клеточку)...

...Заполняя дневник и не заметил, как долетели до Вьентьяна. Это последняя остановка перед Ханоем. Все-таки суточный полет утомителен... Задремал. А когда проснулся, самолет уже приземлился в столице Демократической Республики Вьетнам.

21 декабря 1974 года

Ханой. Меня встречал советник по культурным связям советского посольства Ф. А. Филипенок, тут же и мои будущие вьетнамские друзья: переводчики Ким Ай и Бай, член президиума Союза художников Вьетнама Май Ван Хиен, скульптор Чан Ван Лам и живописец Нгуен Бик. Улыбчивые приятные люди. Немного говорят по-русски...

С первых же метров поразило обилие людей на улицах. А движение на знаменитом мосту через реку Красную настолько интенсивное, что напоминает многолюдную демонстрацию.

В лабиринте людей, машин, велосипедов едем очень медленно. Мне это на руку: больше смогу увидеть, а ведь первые впечатления самые сильные.

Обратил внимание, как на одном из перекрестков сцепились бортами два грузовика. Рванули, выдрав с «мясом» все, что можно было выдрать, и невозмутимо разъехались, словно это в порядке вещей. Не укладывается в наши правила уличного движения.

Запомнились три девушки с пионерскими галстуками лет 9–10. Они несли красные флаги на высоких бамбуковых шестах. Остановились, поговорили. Оказывается, девочки возвращались с репетиции: завтра в Ханое торжества по случаю 30-летия образования народно-освободительной армии.

Хотя на дороге, ведущей в Ханой, нет воронок, не встречаются зияющие пробоинами здания, чувствуется, что война закончилась совсем недавно. На обочинах горы битого кирпича, камня, согнутые страшной силой стальные балки собраны в кучи.

Поселили меня в гостинице «Тхонг Ньят». Номер 320-й. Как потом оказалось, в нем несколько лет назад жил Чарли Чаплин. Номер огромный, ванная — целый зал.

Вскоре пригласили в комитет по культурным связям с зарубежными странами. Присутствовали руководители комитета Чан Ху Шуй и Ле Тунг Шон, художник Май Ван Хиен, составитель программы моего пребывания во Вьетнаме тов. Ким и уже знакомые мне переводчики Бай и Ким Ай, которая преподает русский язык в одной из школ Ханоя.

Вьетнамские товарищи рассказывали о минувшей войне, о достигнутом за два мирных года, интересовались моими первыми впечатлениями, планами. Я заметил, что переводчикам трудно, видно, я слишком быстро говорю. Надо будет учесть...

22 декабря 1974 года

До моего номера явственно доносится барабанная дробь. Теряюсь в догадках. Оказалось, что рядом Дворец пионеров. Ребятишки, усевшись в круг прямо на земле, самозабвенно, с упоением колотят палочками по барабанам разной величины. Рокот стоит могучий...

Сегодня — торжества по случаю 30-летия образования народно-освободительной армии. На центральном стадионе, украшенном гигантскими шарами, выстроились пехотинцы, моряки, артиллеристы — представители всех родов войск. На трибунах — руководители ДРВ, гости, передовики производства, пионеры, компонующие из флагов слова лозунгов и скандирующие их.

Состоялся военный парад, который заключал сводный оркестр. А затем выступали спортсмены, дети, начиная от дошкольников и кончая учащимися старших классов.

Торжества транслировались по телевидению, интерес к ним населения огромный. Вьетнамцы любят свою армию, героических защитников страны, отстоявших ее независимость.

Вечером гулял по городу и работал над этюдом «Строится новый Дворец пионеров в Ханое». Попытался сделать по памяти набросок беседки, увиденной на одной из улиц.

23 декабря 1974 года

Сегодня была встреча в Союзе художников. Познакомился с Чан Ван Ламом, Ле Куок Локом, присутствовал на встрече и уже знакомый мне Май Ван Хиен и другие. Все это художники весьма уважаемые во Вьетнаме. Люди они простые, общительные, открытые. Говорить с ним легко и приятно. Есть что-то общее у художников всех стран, потому, наверное, и обстановка сразу создается непринужденная, будто встретились люди давно знакомые.

Вьетнамские друзья потчевали меня чаем, а я угостил их северной ягодой — клюквой. Клюква им очень понравилась, они даже записали себе в блокноты это слово.

Побывал в районе новостроек Ким Лиен. Это окраина Ханоя. Дома, в основном, строятся крупнопанельные, обычной ныне архитектуры. Но в сочетании с деталями пейзажа может получиться интересно. Попробовал, увлекся и написал два этюда.

24–25 декабря 1974 года

В Ханое открыта выставка советского изобразительного искусства, организованная Союзом художников СССР. На ней представлено около сотни работ современных живописцев. Сопровождал меня Л.Ф. Филипенок и попросил быть экскурсоводом, так как оказалось, что некому рассказать посетителям выставки о работах. Но, к счастью, на следующий день прилетела сотрудница музея Восточ-

ных культур в Москве т. Кузьменко, и от обязанностей экскурсовода меня освободила...

Вечером, работая в номере, услышал музыку. Не утерпел — вышел и попал на уличный концерт.

На ярко освещенной площади — открытая эстрада, окруженная плотной толпой. Лоточницы бойко торгуют сладостями, сигаретами, мандаринами, бананами. Мужчины на эстраде — в традиционных европейских костюмах. Девушки — в длинных платьях красного цвета различных оттенков и обязательно в белых брюках. Их яркие костюмы очень выразительны на фоне темных мужских фраков.

Артисты исполняли советские, кубинские, польские и, конечно же, вьетнамские песни. Интересна реакция зрителей. Свое одобрение они выражают не аплодисментами, как это принято у нас, а возгласами, причем, не только после, но и во время исполнения. Вообще зрители очень живо и непосредственно реагируют на тексты исполняемых песен.

Вернувшись в отель, сразу же сделал черно-белый рисунок ночного концерта. По приезде домой попытаюсь восстановить в цвете. Может, получится интересная композиция.

26 декабря 1974 года

Сегодня ездил в комплекс храмов в провинции Ха Тай. Это первая и очень впечатляющая поездка в ДРВ. Сочетание каналов, рисовых полей и сказочно красивых высоких крутых скал, поросших лесом, — необыкновенное зрелище. У деревни Ха Тай стоит храм-пагода, ступеньки которого ведут к каналу. По ним спускаются крестьяне, возвращающиеся с работы. Моются сами, моют буйволов, свои орудия труда. Мирная сельская идиллия!

Сам комплекс несколько в стороне, километрах в двадцати от деревни. Расположен он высоко в горах и именно благодаря этому уцелел во время бомбежек. Добраться туда можно по длинной горной тропе, которой и пользуются крестьяне, и по реке. Мы плывли около часа. Кстати, гребут здесь по-особому — стоя, не вынимая весел из воды.

Удивительная архитектура пагоды «Тиен» и «Пагоды Ароматов». Это древние, уникальные памятники зодчества.

Жаль, но сделал всего один этюд. Больше не успел. Очень много времени заняла дорога, к тому же целый день шел дождь. Устал. Но впечатлений так много, что в отеле сделал еще один этюд — «Возвращение с поля».

27–30 декабря 1974 года

Рано утром выехали к заливу Ха Лонг. Вьетнамцы называют его восьмым чудом света. Что ж, с ними можно согласиться: не знаю, какое по счету, но это действительно чудо. Залив прекрасен. Особенно хорош он лунной ночью, заполненный огоньками многочисленных кораблей и джонок.

В этом заливе около трех тысяч островов. Один из них носит имя Германа Титова. Оказывается, советский космонавт во время посещения Вьетнама был на Ха Лонге, высаживался на островке, которому и было присвоено его имя.

Встретили советских специалистов. Они уже давно, по 3–5 лет, живут и работают во Вьетнаме: прокладывают трассу нефтепровода. Причем, часть работ им приходилось выполнять по несколько раз, заново восстанавливая разрушенное бомбежками. Так что и они испытали на себе тяготы войны.

На катере ездили в Хонгай, небольшой шахтерский городок, расположенный у подножья скал. Побывали и в Хайфоне — портовом городе, втором по величине во Вьетнаме. По архитектуре он напоминает Ханой. Очень сильно пострадал от бомб. Любопытное зрелище представляет порт в сочетании больших современных судов с джонками, чьи паруса, как бабочки. У причалов много наших советских кораблей с самыми различными мирными грузами.

31 декабря 1974 года

По возвращении в Ханой сразу же хотел сесть за этюды. Но не мог собраться: все-таки на носу Новый год. Дома, в Сыктывкаре, конечно, украсили елку, пахнет хвоей... А здесь Новый год не празднуют. Но я остался верен нашим традициям и отметил Новый год трижды: по московскому, вьетнамскому и сыктывкарскому времени. С собой я захватил из дома полиэтиленовую ёлочку, игрушки. Вьетнамские друзья прислали поздравления, цветы и даже бутылочку лимонного ликера...

1–2 января 1975 года

Сегодня поездка в провинцию Хоа Бинь. Местность горная, очень красивая. Перевал преодолевали в сплошном тумане. Видимость — метра четыре.

Заехали в совхоз «Као Фонга». Здесь выращивают апельсины. Ярко-рыжие, они доверху заполняют корзины, а если смотреть издали, кажется, что площадка, уставленная корзинами, покрыта оранжевым ковром.

Здесь, в кооперативе «Лак», я сделал первый во Вьетнаме портрет. Натурщицу предложили мне выбирать самому. Позировала работница кооператива Нгуен Тхи Тян, веселая, словоохотливая. Плохо не знать языка. Как здорово было бы общаться то и дело за помощью к переводчику.

Когда портрет был готов, его повесили прямо на пункте сбора апельсинов. Люди подолгу останавливались возле него к великому смущению Нгуен Тхи Тян, которая подвозила на буйволе корзины с апельсинами к пункту сбора.

3–5 января 1975 года

Эти дни были в моем распоряжении. Очень много бродил по Ханою и много работал. Писал этюды «У дамбы», «Уголок старого Ханоя».

Столица Демократической Республики Вьетнам очень зеленая, много парков, озер, больших и маленьких пагод, красочно вписывающихся в архитектуру города. Улицы старого Ханоя узкие, нижние этажи зданий — кафе, магазины, мастерские по ремонту велосипедов и т.д.

Нет привычного для нас деления на дома. Дом в Ханое — целый квартал, в котором поэтажно перемежаются стили различных эпох. Строятся и современные здания из бетона и стекла. В их числе Дворец пионеров, Дом связи, мавзолей Хо Ши Мина.

В ханойском зоопарке увидел зарешеченного «лютого зверя» — американский самолет «phantom». Его сбили прямо над территорией зоопарка и «посадили» в клетку. Всюду следы минувшей войны...

6 января 1975 года

Сегодня должны были ехать в провинцию Кюа Бинь, но поездку отменили. И я решил поискать небольшой храм-пагоду, которую приметил на одной из улиц Ханоя. Бродил часа три. Бесполезно. Совсем было отчаялся и уже пошел в отель. И неожиданно в переулке нашел то, что искал. Да вдобавок ко всему

обнаружил интереснейший магазинчик «Китайские фонарики». Тут же решил писать. Трудное это дело, потому что одной рукой сдерживаешь совершенно захватившую тебя толпу зрителей, а другой надо водить кистью и придерживать этюдник.

В номере этюд показался слабеньким, решил его по свежим следам доработать. Но тут пришли Бай с Ким Ай и Бинем:

— Завтра дней на 10–12 едем в Куа Бинь, а сейчас собираемся... на свадьбу.

Свадьбу спрашивали в кафе. Было очень много народа. Играет современный эстрадный оркестр. Спиртное на свадьбах во Вьетнаме не принято.

Жених и невеста приехали позднее в сопровождении родителей и друзей-шоферов, по пять человек с каждой стороны. Их шумно приветствовали, обнимали. Минут десять я даже не мог разглядеть молодых.

Распорядитель объявил, что на свадьбе присутствует «лиен-со» (так называют здесь советских людей). Меня представили новобрачным. Я вручил им наш коми сувенир, репродукции своих картин с автографами и украшенную ёлочку, которая скрасила мне новогоднюю ночь во Вьетнаме.

Оказывается, здесь принято желать молодым много-много детей. Ну что ж, раз принято — пожалуйста. И пусть эти дети никогда не узнают, что такое война. Пусть они растут счастливыми под мирным небом.

Когда Ким Ай перевела мои поздравления и пожелания молодым, все долго хлопали в ладоши.

Вся свадебная церемония заняла 45 минут. Дальше ее скромно отмечают в узком семейном кругу.

7 января 1975 года

Погода стоит ужасная: холодно, дождь. Газик наш со всех сторон открыт, так что продувает насквозь.

Пожалуй, впервые я так явственно увидел следы войны: разрушенные мосты, здания, бесконечные воронки, перевернутые вагоны вдоль железнодорожного полотна, остовы машин... что, это неудивительно, ведь мы едем почти к самой 17-й параллели. То и дело приходится сворачивать с дороги, где идут ремонтно-восстановительные работы. Уже действует мост «Хамジョンг». У подножья горы каким-то чудом работает полуразрушенная электростанция, а над горой гордо реет красный флаг. На склоне горы — гигантский лозунг: «Нет ничего дороже, чем свобода и независимость», — так перевели мне его мои друзья.

Переправились через реку Зеленую. Вьетнамские попутчики рассказывали, что со дна ее до сих пор достают бомбы замедленного действия.

Совершенно прдорогшие добрались мы до первой деревушки. Мне отвели комнату и напоили горячим чаем, что было весьма кстати.

8 января 1975 года

Едем дальше на юг. Погода такая же скверная. А вот дорога несколько лучше, правда, и здесь часто встречаются воронки, мосты все до единого, даже самого маленького, который можно перепрыгнуть, разрушены.

Крестьяне, работающие на полях, люди, едущие в кузовах встречных грузовиков, очень сердечно встречают нашу машину. Завидев ее, в знак приветствия начинают махать руками...

К полудню показался Тихий океан. Зрелище впечатительное. Сделали коро-

тенькую остановку, спустились к кромке прибоя. Назад хотел пройти к нашей машине напрямик, но меня остановили: целина ненадежна, можно подорваться на минах. И действительно, все побережье изрыто воронками.

Через час остановились обедать. Я взялся за этюдник. Очень уж хотелось написать океан. Он все время меняется и каждый миг по-своему прекрасен.

Здесь же, на берегу, группа парней и девчата работает на строительстве дороги. Прямо у рабочих мест реют флаги, развешаны лозунги. Выстраивается определенная сюжетная композиция. Но товарищи торопят: нужно до наступления темноты попасть в Куа Бинь.

Дорога идет вдоль океана. Характерны огромные песчаные дюны, слегка заросшие кустарником.

При въезде в город (правда, название «город» чисто условное, война смела все, он строится заново) наблюдал интересную в изобразительном плане сценку: собрание какого-то кооператива. И фон: полуразрушенный дом, украшенный полотнами кумача, а рядом хижины, крытые соломой. Прямо готовая картина. Надо продумать.

Смутно вырисовывается композиция с Хамジョンгом. Даже название условное придумал «Хамジョンг действует». Надо на обратном пути повнимательнее присмотреться. Хочется еще сделать цикл работ на тему «Вьетнам строит, Вьетнам — защищает». Удастся ли? Больше, больше надо успеть увидеть.

9 января 1975 года

Ночевали в Куа Бинь. С утра поехали в старый район. Район — это только одно название. Уцелел единственный дом. Стоит, как черная головешка. Кругом горы щебня, мусора, кучи бомб и мин. С величайшей осторожностью приблизились к одной из них, и мне показали содержимое обезвреженной мины. Но есть и целые, руки до них еще не доходят, а потому категорически запрещено ходить не по дороге.

Дождь льет как из ведра. Писать невозможно. Вернулись в отель. Сделал рисунок для композиции «Собрание кооператива». Этюд удался. Можно с него «зavarить» картину. Чувство удовлетворения почти компенсировало потраченное утром время.

После обеда поехали в авторемонтные мастерские. Писал портрет старейшего токаря цеха Лыонг Тиен Тханя. Очень интересное лицо.

Его товарищи побросали работу. Нас окружила толпа. Мастер тщетно пытался восстановить порядок. Говорят, что я здесь первый советский человек, поэтому интерес людей понятен.

Ко мне подошла девушка, работница этих же мастерских. Заговорила по-русски. Рассказала, что училась в ПТУ в Волгограде. С благодарностью вспоминала о Советском Союзе, о наших людях. Приятно.

Рабочий день закончился раньше, чем я написал портрет. Доделывать пришлось без «натуры». Устал, вымотался. Но с удовольствием бы остался здесь еще на день: сколько интересных людей!

10 января 1975 года

Сегодня отправились к зенитчикам. Свернув с дороги, поехали какими-то немыслимыми зигзагами по целине за указывающим путь солдатом (видимо, чтобы не пробовать колеи, которую можно разглядеть с воздуха). Ведь рядом 17-я параллель, рядом Лаос, где положение довольно напряженное.

В качестве «натуры» подготовили мне целый зенитный расчет у орудия. С трудом убедил, что я не фотограф, что сделать такую работу за 2–3 часа невозможно. Согласились. Договорились на том, что буду писать командира.

Я надеялся увидеть бывалого солдата, участника войны. А командир — старший лейтенант Чан Суан Ан оказался совсем молодым парнем, лет 23–24. Сидел он великолепно, с достоинством, сознавая ответственность момента...

Переводчики уехали обедать, а мне не хотелось прерывать работу. Написал еще и батарею (как фон к моему зенитчику). Лейтенанту портрет понравился, да и я был удовлетворен. Расстались довольные друг другом.

Как выяснилось, батарея эта воевала, на ее счету немало сбитых самолетов. Есть свои традиции, есть — герои войны, которые передают свой опыт новобранцам. Батарея мобильна, она находится в постоянной боевой готовности. При мне была объявлена тревога. Я решил, что учебная, но вьетнамские товарищи объяснили, что она самая что ни на есть настоящая...

Этот день был днем портретов. Писал я еще молоденького милиционера Май Суан Лыонга. Он ужасно смущался и краснел, как девушка. Пока я работал, все время подходили люди, одобрительно кивали головами. Я, конечно, не очень обольщаюсь «самодеятельными» оценками, но тем не менее внимание и доброжелательность окружающих воодушевляли, работалось на подъеме, хоть и устал здорово...

Завтра едем к самой 17-й параллели.

11 января 1975 года

День начался с дождя. Льет словно из брандспойта. Холодно, как осенью на Севере. И тут же пальмы, кокосы, диковинные кактусы, словно в ботаническом саду. Как заиграло бы все это под солнышком, но январь во Вьетнаме — месяц дождей.

Дорога к переправе забита машинами километра на полтора. Ждать своей очереди придется до обеда. «Мои» нашлись: посадили меня вперед к ветровому стеклу вместо визитной карточки. «Визитка лиен-со» помогла: через полчаса мы просочились к парому.

Хорошей дороги хватило ненадолго. Пошла тряска «баллов на семь». Часа четыре двигались со скоростью пешехода, пересчитывая головами все железки в машине.

Слева — дюны, закрывающие океан, справа — залитые водой рисовые поля. От красной глины они кажутся окрашенными охрой. Вдали синеют горы, в вечных, для этого времени, облаках и туманах. Селения встречаются редко. Все мосты разрушены.

Очень много людей работают на ремонте дорог (особенно женщин). Механизации почти никакой, все делается вручную. Землю переносят и раскидывают в каких-то маленьких плошках. Упорство вьетнамцев, как и их мужество, достойны самого глубокого уважения.

Война не могла не сказаться и на уровне жизни народа. Надо видеть, как подетски радуются покупатели в магазине, приобретая простой ситчик. А покупка вельветового костюмчика ребенку — настоящий праздник для семьи. В стране очень многого не хватает, и люди трудятся, не покладая рук.

Мне отвели комнату в «отеле» — хижине из бамбука, покрытой соломой. Очень напоминает большую корзину. Чтоб совсем не пропал рабочий день, написал портрет девушки, работающей рядом с «отелем». Не очень удачным он получился... Надо порисовать кактусы. Как деталь, они могут пригодиться...

12 января 1975 года

Прибыли на историческую 17-ю параллель. Дорога к ней совершенно разбита. Самые большие воронки присыпаны землей. До настоящего ремонта пока руки не дошли.

Меня на этот раз, кроме постоянных попутчиков, сопровождала художница Лан Фыонг из отдела культуры провинции Вин Линь. Окончила художественный институт в Ханое. Неплохо рисует (показывала наброски).

Писал этюд с тремя мостами: разрушенный старый, строящийся новый и временный понтонный. Здесь проходит граница между Северным и Южным Вьетнамом. Строители все беспокоились, не замерз ли я, снабдили плащом и каской. Вид, наверное, у меня был хороший, если учесть к тому же, что я основательно измазался в грязи. Во всяком случае, проезжавшие мимо посматривали на меня с любопытством.

Было воскресенье. Но работа на мосту шла вовсю. Лебедками натаскивали готовые фермы на очередной бык.

Охранники показали мне остатки самолетов, сбитых здесь же, на переправе, бомбы и снаряды, собранные в груду. Демонстрировали они все это с гордостью. Что ж, чувство вполне естественное!

Вечером у себя в комнате писал портрет Лан Фыонг. Двери были открыты, и собралось много народа. Нашлись и такие, что спокойно говорили по-русски. Попросили показать этюды. Пришлось устроить нечто вроде выставки. Вьетнамцы долго жали мне руку, благодарили. Такие встречи обиодополезны, мне думается, люди начинают лучше понимать друг друга.

13 января 1975 года

Сегодня нет дождя. День удивительно красивый. И как назло, придется провести его в дороге: мы возвращаемся назад.

Та же дорога, тот же пейзаж. На переправе через реку Дзань сделал наброски. Ким Ай купила апельсины и какие-то неведомые мне фрукты, назвав их «яйцо». Я про себя решил, что она что-то напутала. А когда попробовал, то действительно почувствовал вкус вареного яичного желтка, только сладкого. Плод по форме напоминает яблоко, он оранжево-желтого цвета с тонкой корочкой, очень нежный, рассыпчатый. Конечно, до Сыктывкара не довезти, а так хотелось бы удивить друзей...

Преодолели горный перевал и сразу въехали в дождь. Его серая пелена все скрыла из глаз. Океан сегодня неспокойный. Вода от берега до горизонта охристо-красная, очень сложная по цветовой гамме, прекрасной в обрамлении белой пены. Ощущается сдержанная, но страшная сила...

Свет здесь гасят рано — в 10 вечера: экономят электроэнергию. Думал, что так будет и на этот раз. А очень хотелось сделать рисунки по памяти, потому что поработать сегодня практически не удалось. Свет, действительно, отключили. Но принесли очень оригинальный светильник, гибрид русской «летучей мыши» и примуса. Работает на бензине. Огонь яркий, словно от сварки. Любопытно!

14 января 1975 года

Едем в Ниань. Расположен он в горной местности. День серый. Горы светятся прозрачным мерцающим светом. Видимо, пелена облаков не плотная, и эти громадины, в ровной мягкой дымке, кажутся невесомыми. Так и хотелось остановить машину и начать писать...

Ниань, видимо, был большим городом. Об этом можно только судить по сохранившимся черным скелетам зданий, которые когда-то были, видимо, окрашены в разные цвета. Очень много развалин, но много и новых строек.

Должен писать рыбаков. Хочется найти интересный, живописный мотив. Нашел: стоянка типичных вьетнамских парусников и крытых лодок. На берегу сушатся сети, стоят огромные чаны для засолки рыбы...

Писал долго. По-моему, получилось.

15 января 1975 года

Сегодня мы были в деревне Ким Лиен (уезд Нам Дан, провинция Нге Ан). Это родина Хо Ши Мина. Деревня большая. Много каменных хороших домов. Когда подъезжали к деревне, обратил внимание на буквы, высеченные на высоком склоне горы. Надпись гласила: «Вечно благодарны дорогому дядюшке Хо» (так любовно называют вьетнамцы своего вождя).

В деревне два дома-музея. В одном Хо Ши Мин родился, в другом, который ему построили крестьяне, он жил около четырех лет.

Первая хижина маленькая, ничем не отличается от сотен других, которые я видел во вьетнамских деревнях. Она делится на три отсека: кухня, жилая комната с традиционной подвешенной к потолку люлькой, топчаном, покрытым циновкой, и рабочая комната, где плелись сети, хранились орудия труда и продукты. Полы в хижинах земляные.

Обстановка второго дома Хо Ши Мина тоже очень непрятязательная. Те же бамбуковые столы, топчан, циновки. Самый большой стол, за которым занимался Хо Ши Мин: учил грамоте крестьянских детей, беседовал с приходившими к нему людьми. На стенах — фотографии вождя вьетнамских трудящихся, его сестер, братьев, товарищей Хо Ши Мина по революционной борьбе.

Территория вокруг дома приведена в образцовый порядок. Крестьяне бережно ухаживают за хлебным деревом, под которым любил отдыхать «дядюшка Хо». Рядом с домом вырыт большой колодец. Это скорее не колодец, а пруд. Здесь Хо Ши Мин в свободное время удил рыбу. На дне этого колодца пряталось оружие...

Вьетнамцы бережно хранят память о своем вождe.

16 января 1975 года

В Вине моим гидом был Нгуен Ши Туй. Он неплохо говорит по-русски: учился в Москве.

Винь сильно разрушен. Я нашел интересную композицию: особняком на пустыре стоят два здания, вернее, то, что осталось от них после бомбейки. Когда-то эти дома были окрашены в розовый цвет (вьетнамцы любят этот цвет). Кое-где он сохранился, и в сочетании с красным битым кирпичом, обгоревшими черными головешками создает впечатление до сих пор тлеющих углей. Руины... Война... Все здесь напоминает о ней...

После обеда поехали на ТЭЦ. Она наполовину разрушена. Из шести агрегатов действуют два-три.

Писал портрет Героя труда ДРВ Хун Игок Дуна. Он прошел путь от рабочего до инженера ТЭЦ. Пожилой человек с интересным усталым лицом. Хочется передать не только внешнее сходство, но и внутреннюю сущность, характер его...

Написал сегодня еще и героическую переправу Бен Туй на реке Лан (Синяя река).

17 января 1975 года

Проснувшись, услышал русскую речь. Спустился вниз. Оказывается, привезли с корабля советского моряка. Подозревали, что у него аппендицит. К счастью, диагноз не подтвердился, видимо, ничего серьезного.

Сегодня делаю последние этюды в Вине. Завтра едем в Ханой. Поездка подходит к концу. Срок командировки истекает. Хотелось сделать как можно больше портретов людей разных профессий. Чувствую, что не успеваю, и появляется неудовлетворенность. Кажется, что сделано мало...

Права пословицы: «В гостях хорошо, а дома — лучше». Все чаще думаю: как там у нас в Сыктывкаре?

18 января 1975 года

Предстоит проделать путь более чем в 300 километров. И когда понимаешь, что все на этой земле видишь, может быть, в последний раз, стараешься быть особенно внимательным. Хочется, чтобы любая мелочь, любая деталь отложилась в памяти. Ведь, как правило, общее впечатление остается, а частности «уплывают». А потом, когда начинаешь работать, чувствуешь, что они-то как раз и необходимы.

Просматривая работы художницы из Винь Линя, я обратил внимание на такую деталь: на боках буйволов она рисует нечто вроде звездочек или маленьких солнышек. Сразу не придал даже этому значения. А сегодня, увидя на дороге буйволов, удивился: художница-то была очень точной: шерсть на боках буйволов расположена по какой-то спиральной кривой, образуя те самые «звездочки». Вроде бы и мелочь, а для художника она — необходимость.

Кстати, буйволы не произвели на меня особого впечатления: толстые, круглые, совсем не экзотические животные. Зато очень понравились местные коровы и лошади. Последние настолько миниатюрны, его напоминают скорее пони...

Проезжали очень интересный храм «Хуон Выонг» (провинция Нге Ан), который сейчас реставрируется. Очень понравился городок Нинь Бинь. Через него протекает река, и это придает городу особый колорит. Очень много парусников. Удивляешься, как они разворачиваются в этой узкой речке?..

Дорога длинная. Мои спутники устали. Оживились перед самым Ханоем. Их тоже можно понять: домой возвращаются.

19–22 января 1975 года

Последние дни во Вьетнаме заполнены официальными и неофициальными встречами.

Был в мастерской Зиен Минь Чау и его жены Чан Тьи Фыонг Зунг. Он — скульптор, она — живописец, пишет акварелью пейзажи, натюрморты и т.д. Чай, на мой взгляд, большой мастер рисунка. Учился в Праге. Бывал в Советском Союзе.

Человек он очень приятный, деликатный. Долго извинялся, что принимает меня в мастерской, которая полуразрушена (метрах в пятидесяти от нее упала бомба). Я сравнивал мастерскую Чау с мастерскими знакомых мне скульпторов.

Все они чем-то схожи, в каждой обилие материалов, наборы работ — от маленьких эскизов до проектов памятников. Очень много работ Чая посвящено Хо Ши Мина.

Чая — известный скульптор. Но у него немало и удачных портретных рисунков. Среди них портрет советского художника Глазунова, советских писателей, композиторов. Бывал в мастерской Чая и Евгений Евтушенко. Скульптор хранит его портрет с автографом и стихами поэта, посвященными мастеру. Чая не только рисовал, но и лепил Е. Евтушенко.

— Может, не совсем удачно получалось,— улыбается он,— уж очень ваш поэт подвижный...

Нарисовал он и мой портрет. Попросил оставить автограф и что-нибудь написать на память. На меня вдруг нашло непонятное вдохновение, и я разразился двумя четверостишиями. А на память подарил репродукции своих работ, наш сувенир — куклу в малице, которую Чая поставил рядом с дымковской игрушкой.

Посетил выставку, посвященную 30-летию образования народно-освободительной армии. Выставка большая. Широко представлены живопись, графика, скульптура. Причем, экспонируются работы не только профессиональных художников, но и самодеятельных, в том числе солдат и детей.

Ходил очень долго, внимательно смотрел. Больше всего понравились традиционные вьетнамские лаки и акварели, особенно исполненные на шелке. Их отличает цветовая сдержанность, мягкость тонов. Написанные в плоскостной манере, они, тем не менее, создают иллюзию пространственности, объемности, передают жизненную трепетность.

А потом уже мои работы смотрели вьетнамские художники, сотрудники нашего посольства, комиссии по культурным связям с зарубежными странами, искусствоведы, журналисты. Народу было много. Встреча длилась часа три. Все мы немного устали, но получили большое удовлетворение от искреннего интересного разговора, который касался, в основном, вопросов развития изобразительного искусства. Журналисты отсняли несколько моих работ для опубликования в печати. От имени Союза художников СССР я преподнес вьетнамским друзьям книги об искусстве, подарил наши северные сувениры и пригласил их при посещении Советского Союза побывать в Коми республике.

Завтра домой! Тридцать этюдов, много рисунков и набросков увозу с собой. Но в них далеко не все, что я увидел во Вьетнаме, что отложилось в памяти, в сердце. Впечатлений получено так много, что их невозможно выразить сразу. Нужно время, чтобы их осмыслить. И, может быть, из какого-то маленького факта выльется большая картина.

Я уезжаю из Вьетнама, преисполненный чувства благодарности и глубокого уважения к гостеприимному народу этой страны, народу мужественному, стойкому, строящему новую жизнь, несмотря на огромные трудности и разорение, оставшиеся от недавней еще войны.

Обзоры. Рецензии

О Всероссийской научной конференции «Духовная культура финно-угорских народов России»

1–3 ноября 2006 г. в СыктГУ состоялась **Всероссийская научная конференция «Духовная культура финно-угорских народов России»**, организованная СыктГУ и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-04-41480 г/С) и Министерства культуры и национальной политики Республики Коми. Ее проведение было приурочено к 80-летию Анатолия Константиновича Микушева, известного финно-угроведа, фольклориста, литературоведа, организатора науки, педагога.

Проблематика конференции вызвала большой интерес у представителей различных областей гуманитарных исследований. В работе конференции приняло участие свыше 90 ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Петрозаводска, Перми, Кудымкара, Ханты-Мансийска, Сыктывкара, Венгрии, Эстонии и др. На конференции работало 5 секций («Фольклор народов России», «История и поэтика финно-угорских литератур», «Художественные поиски современных финно-угорских литератур», «Финно-угорское языкознание», «История и культура народов европейского Севера»), состоялось два пленарных заседания, круглый стол («Научная, педагогическая и общественная деятельность А.К. Микушева: воспоминания современников»).

В ходе заседаний обсуждались различные аспекты изучения фольклора, языка, литературы, истории народов России, большой блок выступлений был посвящен культуре финно-угорских народов и проблемам взаимодействия разноэтнических традиций, истории науки. На конференции были обозначены актуальные проблемы региональных исследований духовной культуры, важное место среди которых в настоящее время занимает междисциплинарный подход. Большой интерес вызвали выступления по проблемам введения в научный оборот новых источников по истории культуры народов России. На конференции обозначился большой отряд молодых исследователей, успешно занимающихся изучением традиционной культуры финно-угорских народов и народов российского Севера.

На конференции неоднократно звучали оценки заслуг А.К. Микушева, отмечен его личный вклад и вклад его соратников и учеников в собирание, изучение и публикацию памятников коми фольклора, в развитие новых направлений коми фольклористики и литературоведения. Участники конференции отметили, что во многом благодаря активной научно-педагогической деятельности А.К. Микушева сложилось не одно поколение ученых-филологов, многие из которых в настоящее время являются ведущими специалистами в области фольклористики, литературоведения, языкознания, журналистики, культуры в Республике Коми; Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра РАН и Сыктывкарский

государственный университет являются одним из крупных научных центров по изучению духовной культуры народов европейского севера России.

Отмечая высокие заслуги А.К. Микушева в развитии финно-угорской филологии, участники конференции выступили с предложением о присвоении имени Анатолия Константиновича Микушева кафедре коми фольклора и литературы СыктГУ.

В рамках насыщенной программы конференции ее участники посетили отдел редкой книги Научной библиотеки СыктГУ, выставку «Эпос народа коми», посвященную 80-летию А.К. Микушева и 140-летию К.Ф. Жакова в Музее истории просвещения Коми края, а также отдел этнографии Национального музея Республики Коми. На открытии конференции выступил ансамбль народной музыки «Зарни ань» под руководством М.Н. Бурдина. Гости и участники конференции получили возможность посетить могилу А.К. Микушева и почтить память ученого.

Графическое сопровождение конференции осуществляла студентка факультета искусств СыктГУ Т. Безбатичнова.

По итогам конференции готовится к изданию сборник материалов.

* * *

С 18 по 21 декабря 2006 г. в Переделкино (Московская область) в доме творчества писателей состоялся семинар главных редакторов литературных журналов, выходящих в республиках Российской Федерации и в странах СНГ. Тема семинара — «Литературный журнал сегодня». За круглым столом собрались коллеги из Удмуртии, Татарии, Карелии, Коми, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Казахстана, Северной Осетии и Республики Чечня.

Организационные заботы легли на плечи журнала «Дружба народов».

Обмен опытом, мнениями, планами, проблемами — приблизительно так проходили семинарские часы. Вечерами разговоры продолжались уже более в непринужденной обстановке за чашкой чая...

Мне посчастливилось принять участие в этой декабрьской встрече в Переделкино. Польза от семинара — несомненная. И за это большое спасибо и журналу «Дружба народов» и Агентству печати и массовых коммуникаций РФ. Во-первых, каждый из нас отныне знает, кто, где и чем занимается. Как живут литературные журналы, кто им помогает и кому помогают они... Ведь главная задача подобных журналов, и все пришли к такому выводу: способствовать литературному процессу прежде всего... Хотелось бы верить и надеяться, что и наш журнал «Арт», как и его собратья, востребован, любим своими читателями. И не только у нас в республике.

Главный редактор журнала «Арт» Г.Бутырева

* * *

В ноябре 2006 г. СМИ РК приняли участие в Международной профессиональной выставке «Пресса — 2007». Из 42 периодических изданий республики, участников выставки, журналу «Арт», а также газете «Коми му», «Йёлёга» и журналам «Би кинь» и «Чушканзі» присвоен знак отличия «Золотой фонд прессы».

12 февраля состоялась торжественная церемония вручения знаков в конференц-зале Российской государственной библиотеки (г. Москва).

* * *

В последние дни минувшего года вышел в свет музыкальный диск «Памятники коми фольклора: песенная и инструментальная традиции», подготовленный сотрудниками отдела фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (Памятники коми фольклора: песенная и инструментальная традиции (CD) / Сост. А.В. Панюков, Г.С. Савельева. – Сыктывкар, 2006). В диск вошли 37 произведений, общая продолжительность звучания 73 минуты, сопровождается приложением – буклетом, в котором даны тексты песен с переводом на русский язык и краткими комментариями.

Представляемое издание включает в себя подборку аудиозаписей песенного и инструментального фольклора, которые были сделаны в ходе фольклорных экспедиций на территории Республики Коми, и сегодня хранятся в фольклорном фонде Института языка, литературы и истории Коми научного центра. В основном это записи 1959–1970 гг., именно в это время в экспедиционной практике коми фольклористов начинает активно использоваться запись исполнителей на магнитофоны. Основу фольклорных материалов этого периода составляют записи, сделанные П.И. Чисталевым, Ю.Г. Рочевым, А.К. Микушевым.

Данный диск является первым опытом подобного рода издания памятников коми фольклора и ориентирован на широкий круг слушателей, чьи профессиональные интересы связаны и с научной деятельностью, и деятельностью в области культуры и искусства.

Содержательная часть во многом продиктована желанием включить в подборку образцы всех условно выделяемых фольклористами традиций: вычегодскую, сысольско-лужскую, вымско-удорскую, ижмо-печорскую. Каждая из них обладает своими специфическими чертами в области музыкальной стилистики. Кроме того, составители попытались отразить и жанровое многообразие народной песенной культуры – от эпоса до детского фольклора.

Эпические жанры представлены двумя песенными образцами, которые, по определению А.К. Микушева, относятся к двум самостоятельным группам коми эпоса – ижмо-колвинскому и коми-зырянскому.

Первый из них – «Сизим ареса детина» (Семилетний мальчик) записан в с. Мужи – районном центре Шурышкарского района Тюменской области от Георгия Николаевича Валеева. Георгий Николаевич родился в д. Ляпино, но вся его жизнь была связана с Мужами и Большеземельской тундрой. Свою этничность определял как «изъваса яран» – ижемский ненец, с 13 лет кочевал со стадами оленей через Урал, к Карскому морю, за пределами тундры нигде не бывал, эпическим песням научился от оленеводов во время продолжительных кочевок.

Песня «Дас кык ая-пия» (Отец и одиннадцать сыновей) является памятником коми-зырянского эпоса, записана в деревне Ыб Усть-Вымского района от Ирины Федоровны Быковой. Всю жизнь она безвыездно провела в своей деревне. Песни восприняла частью от матери, частью от паломников в Ульяновский монастырь, которые часто останавливались в доме Быковых.

Достаточно большое внимание в данном издании уделено причети («бёрдёчан-кыв»), имевшей широкое распространение у коми и исполнявшейся как в обрядовых, так и будничных ситуациях. В содержание диска включены причитания, сопровождавшие обряды жизненного цикла (свадьба, похороны), проводы в армию, хозяйственную деятельность, и образец личного плача-импровизации. Сва-

дебная поэзия также представлена свадебными лирическими песнями, корильной песней дружкам и песней «Пахомовна», которая исполнялась в знак благодарности за угощение.

Подборка по традиционной лирической песне и песенно-игровому фольклору во многом ориентирована на знакомство с голосами таких народных исполнительниц, как Анастасия Арсентьевна Шуктомова (ее репертуар лег в основу отдельного сборника «Ипатьдорса фольклор» (Фольклор села Ипатово) (Сыктывкар, 1980), Устинья Филиппьевна Калистратова из с. Богородск Корккеросского района (неизменная запевала песен, записанных в большом количестве фольклористами Г.А. Муравьевой и П.И. Чисталевым в 1962–1964 гг., многие из которых включены в сборник «Коми народные песни. Сыктывкар, 1993. Т.1). Не менее уникальны и записи, сделанные от ансамбля с. Шошки (Вымь).

Если эпические жанры, причеть, лирические и игровые песни в современных коми традициях большая редкость, то образцы детского фольклора в материалах экспедиций последних десятилетий встречаются достаточно часто. В содержание диска включены ижемская колыбельная песня по типу причитаний, фрагмент кумулятивной песни-сказки, потешка, вариант достаточно своеобразного жанра «щutoчной» песни (смысловое содержание подобных песен не поддается однозначному переводу, тексты состоят из устойчивых мигрирующих формул, которые соединяются между собой в оригинальные песенные контаминации).

Коми инструментальную традицию с уверенностью можно назвать одной из самых ярких сторон музыкального наследия коми. Представляют эту традицию записи нескольких народных инструментов.

Бадь пу пёлян – дудка из тонкого ствола ивы с выкрученной сердцевиной, надрезанным язычком и двумя-четырьмя грифными отверстиями. Записи игры на бадь пу пёлянах были сделаны П.И. Чисталевым летом 1965 г. на сельском празднике песни в селе Ипатово, где собирались исполнители со всего Слудского сельсовета.

Чипсаны – относятся к типу флейт Пана и представляют собой трехствольные закрытые продольные флейты, сделанные из дудника.

На Верхней Вычегде бытовала традиция шестиствольных флейт подобного типа – пёлянъяс, со своим строем и звукорядом, приводится запись, сделанная в с. Нижний Воч.

Другой тростниковый инструмент – ётика пёлян. Этот инструмент требует высокого мастерства игры, техника игры на ётике пёляне заключается в очень искусной комбинации работы губ, силы вдувания воздуха и закрытого или открытого положения дудки. Приводится запись, сделанная от Виталия Ивановича Кочанова. От него же и от его супруги Анастасии Григорьевны записана игра дуэтом – многоствольные пёляны и ётика пёлян.

Завершает инструментальную подборку игра на смычковом струнном инструменте – сигудке. Записать его удалось только на Верхней Вычегде (Скородум, Помоздино), хотя в прошлом у коми сигудёк был распространенным музыкальным инструментом.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры и национальной политики Республики Коми и Общества М.А. Кастрена (Финляндия).

С. н. с. отдела фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, канд. филол. наук. А.В. Панюков

Конкурс журнала «Арт»

Уважаемые читатели! Предлагаем Вашему вниманию вопросы из истории нашего журнала. Тем, кому удастся дать больше всех правильных ответов, будет предоставлена бесплатная подписка на 2008 год.

1. Кто из коми литераторов, ставших в разные годы Лауреатами Государственной премии РК им. И. Куратова печатались в журнале «Арт»?
2. Кто из Лауреатов премии им. М. Кастрена (Финляндия) печатались в журнале «Арт»?
3. Авторы из каких стран печатались в журнале «Арт»?
4. Какие известные писатели России печатались в рубрике «Переделкино»?
5. Кто из авторов журнала «Арт» стал победителем Всероссийского конкурса «Дебют»?
6. За какой номер журналу «Арт» было присуждено звание лауреата конкурса «Победа – 60», проводившегося в Санкт-Петербурге?
7. В каких международных мероприятиях принимал участие журнал «Арт»?
8. Авторы из каких городов России печатались в журнале «Арт»?
9. Какие компакт-диски выходили приложением к журналу «Арт»?
10. Какие выставки и концерты были организованы журналом «Арт»?
11. Какие имена писателей, ученых, художников стали для вас открытием благодаря журналу «Арт»?
12. О каком памятнике А.С. Пушкину писал журнал «Арт»?
13. Назовите самые известные имена ученых, о которых писал журнал «Арт»?
14. Какие романы были напечатаны в журнале «Арт»? Назовите их авторов.
15. Чья подборка стихов в журнале «Арт» называлась «И жаворонок в небе ярком пел...»?
16. Назовите автора «Семейного альбома» Клочковых, Кармановых, Латкиных?
17. Какие книги выходили в издательстве «Библиотека журнала «Арт»?
18. Какой известный коми прозаик выступил на страницах журнала «Арт» с поэтической подборкой?
19. Какой номер журнала «Арт» выходил на шести языках и почему?
20. Назовите автора статьи «Национальные божества. Из материалов этнографии сысольских и вычегодских зырян». Что вы о нем знаете?
21. Кто из финно-угорских художников печатались в рубрике «Арт-факт»?
22. Какая известная певица выступала в «Арте» со своими литературными сочинениями?
23. Какие известные люди писали приветствия-напутствия журналу «Арт»?
24. Интервью с какими выдающимися людьми печатались в журнале «Арт»?
25. Назовите самого великогородского и самого юного автора журнала «Арт»?
26. В каком году вышел первый номер журнала «Арт»?
27. Ваши любимые рубрики?
28. Ваши любимые авторы?
29. Ваши любимые художники?
30. Ваши пожелания журналу «Арт».

12 февраля 2007 г. в г. Москве состоялась торжественная церемония вручения Знаков отличия «Золотой фонд прессы» и Почётных дипломов «Общественное признание» «Золотого фонда прессы».

Среди тех, кто был удостоен этой почётной награды, — журнал «Арт».

«Золотой фонд прессы» учреждён Оргкомитетом выставки «ПРЕССА» в 2005 году. Главная цель Золотого фонда прессы — всемерно содействовать продвижению к читателю **качественной прессы**, пропагандирующей высокие этические и нравственные принципы, способствующей интеллектуальному оздоровлению и обогащению нации.

В качестве экспертов для оценки периодических изданий были приглашены руководители центральных и региональных библиотек России. Общественный экспертный совет Знака отличия «Золотой фонд прессы» возглавляют генеральный директор Российской государственной библиотеки, член президиума Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, президент Библиотечной ассоциации Евразии В.В. Фёдоров и президент Российской библиотечной ассоциации, генеральный директор Российской национальной библиотеки В.Н. Зайцев.

С мая 2006 года Российская библиотечная ассоциация взяла «Золотой фонд прессы» под свой патронат.

Издания, вошедшие в Золотой фонд прессы, рекомендуются российским библиотекам для комплектования своих фондов.

SUMMARY

In November, 2007 «ART» celebrates it's 10th anniversary. Various activities and events, such as meetings with readers, exhibitions, «ART» presentations in St. Petersburg, in the National Gallery of the Komi Republic and others, will be dedicated to this anniversary.

We hold a contest in «ART» history, devoted to the coming anniversary. The winners will be announced in the 4th issue, they will be awarded with prizes and subscription for «ART» magazine for 2008.

In the 1st issue, 2007 we continue publishing O. Kuratov's narrative «Patients of Doctor Vizinga» and start publishing chapters from the new story «Armored troop-carrier, lost in Parma» by V. Timin.

The Poetry section includes selections of verses by G. Yushkova, A. Misharina and T. Kanova.

In the section «Literary Archives» the readers can find the selected pages from V. Latkin's diary, telling about his trip to Pechora in 1840–1843.

«ART-Fact» section is represented by two artists of the Komi Republic — T. Vasiljeva and S. Torlopopov.

The interview with the Chairman of «Komi Voityr» V.P. Markov opens the issue.

Translated by Anastasia Atrashkevich